

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1904 г.

№ 4.

Воскресенье 25 Января.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: *И. В. Гессена*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, проф. *В. Д. Кузьмина-Караваева*, *В. Д. Набокова* и проф. *Л. Г. Петражицкаго*.

Содержаніе: 1) Крестьянскій вопросъ въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. *Ив. С.* — 2) Вопросъ адвокатской нравственности и права. *Ө. И. Родичева.* — 3) Одна изъ ближайшихъ задачъ новой думы. *Д. И. Деминна.* — 4) Судебные отчеты: а) Прав. Сенатъ. (Засѣд. гражд. касс. деп. 14 января); б) Прав. Сенатъ. (Засѣд. уголовн. касс. деп. 20 января); в) Архангельскій окр. судъ. (Дѣло о вооруженномъ сопротивленіи полиціи и о покушеніи на убійство). — 5) Хроника. — 6) Судебно-административная практика: Харьковскій окружный судъ. (Старозаимочныя земли). — 7) Отвѣты редакціи. — 8) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ). — 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (Звенигородская, 22. Телефонъ—2967) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 час. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разерочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Загородный пр., 2) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1904 годъ.

Крестьянскій вопросъ въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности ¹⁾.

5. Гражданское и уголовное право.

„Наше законодательство о крестьянахъ — указываетъ Епифанъ у. к.—часто проявляетъ излишнюю опеку тамъ, гдѣ она не нужна, и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ полное отсутствіе или неполноту регламентаціи тамъ, гдѣ жизнь этого требуетъ“.

Опекунскій характеръ своеобразнаго крестьянскаго управленія и высказанныя относительно этого управленія мнѣнія комитетовъ нами уже рассмотрѣны.

Обратное явленіе — отсутствіе регламентаціи — наблюдается въ сферѣ гражданскихъ правъ крестьянъ

Все въ этой сферѣ неопредѣленно и неустойчиво.

„Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ — говоритъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ б. министра финансовъ за 1898 г., нерѣдко цитируемомъ комитетами—крестьянское населеніе руководствуется *опредѣленіями, заключающими*

ся въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года, въ извѣстной мѣрѣ общими гражданскими законами, преимущественно же мѣстнымъ обычаемъ.

Разсмотримъ, попутно съ отзывами комитетовъ, значеніе въ гражданскомъ правѣ крестьянъ: а) специальныхъ узаконеній о крестьянахъ и б) обычая.

Спеціальныя узаконенія о крестьянахъ не столько устанавливали, въ теченіе 40 лѣтъ, сколько ограничивали и запутывали гражданскія права крестьянъ. Еще больше путаницы внесли въ эту сферу многочисленныя разъясненія Сената, не столько разъяснявшія законъ, сколько дополнявшія его.

Прежде всего, фискально-попечительная конструкція сельской общины привела мало-по-малу къ уничтоженію правъ собственности крестьянъ на надѣльную землю. Въ основной статьѣ общ. пол., касающейся общиннаго землевладѣнія (ст. 36 по изд. 1876 г. и ст. 12 по изд. 1902 г.), указано было, что каждый общинникъ имѣетъ право требовать выдѣла ему въ частную собственность участка земли, соответствующаго долѣ участія его въ приобрѣтеніи общинной земли, или же уплаты ему равноцѣннаго вознагражденія. Такое право подтверждено было для общинъ, перешедшихъ на выкупъ, но не уплатившихъ еще всего вы-

¹⁾ См. „Право“ № 3.

купного долга,—въ формѣ права выкупа участковъ, состоящихъ, по разверсткѣ общества, во владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ (ст. 165 пол. вык.). Но затѣмъ, вслѣдствіе усвоенныхъ фискальной практикой раскладокъ выкупныхъ платежей не по размѣрамъ землевладѣнія отдѣльныхъ крестьянъ, а по разнымъ другимъ признакамъ, а также благодаря частымъ передѣламъ земли, въ цѣляхъ чуть ли не ежегоднаго уравниваемаго непосильнаго податнаго бремени, утратилось очень скоро взаимоотношеніе между количествомъ владѣемой домохозяевами земли и долей участія ихъ въ погашеніи общественаго выкупного долга, причемъ совершенно запугались взаимные расчеты общины и общинниковъ по уплатѣ этого долга. При такихъ условіяхъ, выдѣлъ въ частную собственность подворныхъ участковъ изъ общиннаго владѣнія получилъ очень скоро характеръ покупокъ общинниками этихъ участковъ у общины, за произвольно назначаемую послѣдней цѣну (зак. 14 дек. 1893 г.).

На ряду съ этимъ сохранилось и даже не разъ подтверждено было дѣйствіе правилъ, изданныхъ для періода временно обязательныхъ отношеній и связанныхъ съ существованіемъ податнаго счета населенія — объ обязательномъ обезземеленіи лицъ, выходящихъ изъ состава сельскихъ обществъ, получающихъ званіе почетныхъ гражданъ и т. д.

Затѣмъ запрещены были продажа усадебъ на сносъ, залогъ подворныхъ участковъ, а продажа послѣднихъ разрѣшена была только покупателямъ, приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ (зак. 14 дек. 1893 г.).

Далѣе, самые подворные участки, а также и усадьбы — при общинномъ землевладѣніи, признаны были собственностью не отдѣльныхъ крестьянъ, а цѣлыхъ дворовъ. Развившіеся въ сенатской практикѣ институтъ крестьянскаго двора связалъ всѣхъ членовъ двора взаимной отвѣтственностью по гражданскимъ обязательствамъ и привелъ къ отрицанію права крестьянъ на завѣщательныя распоряженія, хотя бы эти распоряженія касались внѣ-надѣльнаго имущества. Раздѣлъ наследственной массы сдѣлался въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣломъ административнымъ (при семейныхъ раздѣлахъ въ обществахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ), въ другихъ же случаяхъ предоставленъ былъ — *обычаю*.

Обычай призванъ былъ, вообще, регулировать всѣ гражданскія отношенія крестьянъ, не затронутыя специальнымъ о крестьянахъ законодательствомъ. Сфера этихъ отношеній, конечно, безгранична, а такъ называемое, „крестьянское обычное право“, по единогласному заключенію комитетовъ, болѣе чѣмъ недостаточно для разрѣшенія многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ, возникающихъ изъ этихъ отношеній.

Сознавая существующій произволъ въ при-
мѣненіи крестьянскихъ обычаевъ, нѣкоторые

комитеты высказали было робкое пожеланіе о кодификаціи крестьянскаго обычнаго права¹⁾, другіе же прямо и откровенно сознались, что такого права нѣтъ. „Юридическіе обычаи, если только они и были въ нашей мѣстности, — заявляетъ Епифанскій у. к. — уже давно исчезли; ихъ замѣнило усмотрѣніе — начиная съ усмотрѣнія волостнаго суда и кончая губернскимъ присутствіемъ“. Г. Бѣлякъ въ докладѣ своемъ Тихвинскому у. к. (положенія доклада приняты комитетомъ) напоминаетъ, что при обслѣдованіи волостныхъ судовъ, крестьяне разныхъ мѣстностей заявляли: „обычаи не существуютъ, ихъ перезабыли“ — „коренного обычая у насъ нѣтъ и судьи такихъ обычаевъ у насъ не знаютъ“ — „сходы и волостной судъ не руководствуются обычаями, которыхъ теперь не существуетъ“ — „при рѣшеніи дѣлъ волостные судьи не руководствуются мѣстными крестьянскими обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай“ и т. п. Сами волостные судьи отзывались, что они руководствуются при разборѣ дѣлъ собственнымъ благоусмотрѣніемъ, не считая для себя обязательнымъ сообразаться съ обычаями.

„Вели при крѣпостномъ состояніи — указы-
ваетъ г. Бѣлякъ въ своемъ докладѣ — и существовали какіе-либо обычаи, то, во первыхъ, ихъ нельзя признавать въ настоящемъ смыслѣ правовыми нормами, такъ какъ послѣднія опредѣляютъ мѣру свободы, предоставленной отдѣльному человѣку, а какая же могла быть мѣра свободы крѣпостнаго раба, который самъ могъ быть, подобно вещи, объектомъ купли-продажи. Правила эти, слѣдовательно, носили скорѣе хозяйственный, техническій характеръ, подобно правиламъ пользованія инвентаремъ. Во вторыхъ, если даже и существовали при крѣпостномъ правѣ обычныя правовыя нормы, то, какъ созданныя въ условіяхъ рабскаго состоянія, онѣ уже не могутъ соответствовать правосознанію и потребностямъ народной массы, вышедшей на волю и очутившейся въ совершенно иныхъ условіяхъ общественнаго, имущественнаго и сельскаго быта, особенно теперь, когда городъ все болѣе и болѣе беретъ гегемонію надъ деревней и капитализмъ проникаетъ въ самые отдаленные медвѣжи углы. Старый укладъ крестьянской жизни разлагается, а теперешная эпоха вовсе не благопріятствуетъ какому либо народному органическому творчеству, въ томъ числѣ и обычно-правовому. Какъ исчезли, или исчезаютъ — народная пѣсня, одежда, танцы, замѣнившись частушкой, пиджакомъ и французской кадрилию, такъ исчезли народно-правовыя обычаи, а мѣсто ихъ заняли какіе-то сколки законовъ, циркуляровъ и инструкцій, въ толкованіи преимущественно волостныхъ писарей. Если гдѣ-либо, на сѣверныхъ или восточныхъ окраинахъ, или въ

¹⁾ Ардатовскій у., Смоленск. губ. и др.

особыхъ условіяхъ быта—какъ, на примѣръ, у бѣлоозерскихъ рыбаковъ—и сохранились еще народно-правовые обычаи, то вѣдь тамъ, на примѣръ, въ Олонецкой губерніи, сохранились и народныя быліны, но какъ тѣ, такъ и другіе, составляютъ рѣдкія явленія и практическаго значенія для громаднаго большинства крестьянскаго населенія не имѣютъ“.

Положеніе это прекрасно иллюстрируется въ докладѣ Орловской губ. упр. цѣлымъ рядомъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ практики волостныхъ судовъ. По указанію губ. упр., предметомъ изслѣдованія послужили рѣшенія двухъ лучшихъ въ Орловскомъ уѣздѣ волостныхъ судовъ: Лавровскаго и Стрѣлецкаго. При этомъ особое вниманіе обращено было на рѣшенія по наследственнымъ дѣламъ, т. к. въ такого рода дѣлахъ должны были скорѣе всего проявиться народныя обычаи.

Изслѣдованіе это обнаружило поразительную противорѣчивость и неустойчивость волостной практики, не считающейся ни съ обычаями, ни съ общими, ни съ специальными законами о крестьянахъ.

При этомъ, что особенно замѣчательно въ разобранныхъ Орловской губ. упр. 66 рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, это то, что суды никогда не ссылаются ¹⁾ на мѣстные обычаи, а основываютъ свои рѣшенія на разныхъ „законахъ“, толкуемыхъ и примѣняемыхъ съ неограниченнымъ произволомъ.

Аналогичные примѣры указаны и въ докладѣ юридич. комиссіи Елецкаго у. к. Между прочимъ, въ этомъ докладѣ приведены два рѣшенія одного и того-же суда за одинъ и тотъ же годъ, въ которыхъ судъ совершенно различно разрѣшалъ принципиальный вопросъ о возможности взысканія убытковъ за сговоръ, если свадьба не состоится.

При такихъ условіяхъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Орловской губ. упр., что „волостные суды рѣшаютъ дѣла по своему произволу и усмотрѣнію, присуждая однимъ то, въ чемъ отказывается другимъ“. Еще болѣе рѣзко эта мысль выражена въ докладѣ г. Бѣляка, который приходитъ къ грустному выводу, что— „интуитивное, безъ всякихъ общихъ нормъ, разрѣшеніе споровъ, при малограмотности судей, малокультурности и весьма невысокомъ нравственномъ уровнѣ волостныхъ писарей (дѣлопроизводителей суда), а также при все болѣе развивающемся сутяжничествѣ среди крестьянъ, весьма часто приводитъ къ господству сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ“.

Между тѣмъ, несмотря на повсемѣстно обнаруживаемое отсутствіе народныхъ юридическихъ обычаевъ, дѣйствующее законодательство

¹⁾ За исключеніемъ двухъ, совершенно неудачныхъ случаевъ, тогда ссылкой на обычай оправданно примѣненіе специальныхъ узаконеній о крестьянахъ.

и сенатская практика продолжаютъ упорно требовать обычаевъ отъ крестьянъ. Сенатъ даже установилъ особую процедуру удостовѣренія мѣстныхъ обычаевъ, замѣнивъ свободное изслѣдованіе суда—ручательствомъ сельскаго схода (рѣш. 9 сент. 1887 г. № 3365). Намъ извѣстенъ, между прочимъ, любопытный случай примѣненія этого сенатскаго разъясненія. Подъ давленіемъ постоянного вымогательства обычаевъ, сельскій сходъ одной изъ южныхъ губерній самъ сочинилъ себѣ обычное право и облекъ свое сочиненіе въ форму приговора, яко-бы удостовѣряющаго существованіе выдуманыхъ имъ обычаевъ. Можно представить себѣ интересную картину нѣсколькихъ десятковъ тысячъ законодательствующихъ сельскихъ сходовъ?

Такая картина, очевидно, не прельщаетъ сельско-хозяйственные комитеты, которые признаютъ твердость, опредѣленность и всеобщность гражданскихъ нормъ необходимымъ устоемъ правильности и успѣшности сельскохозяйственнаго оборота. Этому устою нынѣ не имѣетъ крестьянское хозяйство, подверженное измѣнчивымъ и произвольнымъ вліяніямъ сложнаго законодательства о крестьянахъ, еще болѣе сложной сенатской практики по крестьянскимъ дѣламъ и обычно - праваго миража, прикрывающаго ничѣмъ не ограниченный произволъ.

Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія представляется, по мнѣнію комитетовъ, *распространеніе на крестьянъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ*, съ добавленіемъ къ нимъ только нѣкоторыхъ постановленій, касающихся особыхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія.

Это пожеланіе, вытекающее какъ неизбежный выходъ изъ произведенной комитетами оцѣнки современнаго гражданскаго положенія крестьянъ, формулировано большимъ числомъ комитетовъ въ самой категоричной формѣ.

Если гражданско-правовыя условія крестьянства приводятъ, по мнѣніямъ комитетовъ, къ ограниченію и ослабленію экономической личности крестьянина, то, съ другой стороны, духовная его личность унижается дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Въ ряду существующихъ особенностей крестьянскаго уголовного права, комитетамъ отмѣчено, прежде всего, сохраняемое для крестьянъ позорное тѣлесное наказаніе по суду. Говоря объ этомъ особомъ видѣ судебной ответственности крестьянъ, Епифанскій у. к. напомнилъ сужденія Государственнаго Совѣта, высказанныя въ 1864 г. при разсмотрѣніи уст. о наказ. налаг. мир. суд.: „тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служить еще болѣе вѣрной охраной общества отъ

преступлений, чѣмъ самая строгость уголовного преслѣдованія“. Съ своей стороны, Гайсинскій у. к. указываетъ, что—„тѣлесное наказаніе совершенно непригодно въ качествѣ мѣры исправительной: наказанный легко впадаетъ въ повтореніе преступления, такъ какъ терять ему нечего—онъ становится либо тупымъ и безразличнымъ, либо ожесточеннымъ и озлобленнымъ“. Отмѣчая, кромѣ того, произвольность въ примѣненіи тѣлеснаго наказанія, Гайсинскій у. к. признаетъ, что въ такомъ видѣ эта карательная мѣра является опаснымъ орудіемъ „сведенія личныхъ счетовъ, личныхъ вліяній и т. п. элементовъ, чуждыхъ правосудію“. Поучительнымъ подтвержденіемъ заключенія Гайсинскаго у. к. является записка кр-на Казакова, внесенная въ Дмитр. у. к., Курск. губ. Проводя въ этой запискѣ параллель между крестьянами и прочими сословіями, докладчикъ указываетъ, что лица всѣхъ сословій должны дважды совершить серьезные проступки и преступления, чтобы подвергнуться тѣлесному наказанію (быть лишенными правъ и затѣмъ снова впасть въ преступленіе), а крестьянину достаточно для этого—„обнаружить непочтеніе маленькой власти или поссориться съ деревенскимъ кулакомъ“.

По указаніямъ Епифанскаго у. к. и юридической комиссіи Елецкаго у. к., случаи тѣлеснаго наказанія крестьянъ становятся все рѣже и рѣже—сама практика осуждаетъ эту форму спеціальной уголовной отвѣтственности крестьянъ, отказываясь отъ ея примѣненія. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи нижеприведенная таблица о лицахъ, осужденныхъ за проступки и подвергнутыхъ тѣлесному наказанію по Елецкому уѣзду.

Годы.	Общее число лицъ, осужденныхъ вол. суд.	Число подвергн. тѣлесн. наказ.	% отнош. подвергн. тѣлесн. наказ. къ общему числу осужд. вол. суд.
1893	1062	119	11,2
1894	1418	105	7,4
1896	1455	44	3
1897	1587	31	1,9
1898	1548	31	2
1899	1301	16	1,2
1900	1344	30	2,2
1901	1802	27	1,4

Въ литературѣ не разъ указывалось на цѣлыя уѣзды, въ которыхъ тѣлесное наказаніе совершенно выведено изъ употребленія. Если сама жизнь упраздняетъ тѣлесное наказаніе крестьянъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніями комитетовъ, что этому наказанію не должно быть мѣста и въ современномъ законодательствѣ.

Кромѣ упомянутыхъ выше комитетовъ, а

также многихъ комитетовъ, которые ввели уничтоженіе тѣлеснаго наказанія крестьянъ въ общую формулу уравненія крестьянъ въ правовомъ отношеніи съ другими сословіями, за полную и совершенную отмѣну этого наказанія высказались комитеты такихъ различныхъ мѣстностей, какъ Ардатовскій, Боровичскій, Малоархангельскій, Орловскій, Пермскій (губ.), Вологодскій губ. и уѣзды, Нижегородскій, Тихвинскій, Ростовскій окруж. и мн. др.

Далѣе, въ трудахъ комитетовъ удѣлено не мало вниманія и другимъ особенностямъ крестьянскаго уголовного права. Комитеты находятъ противорѣчащими равенству всѣхъ сословій передъ судомъ такіе спеціальныя проступки крестьянъ, которыхъ не знаетъ общее уголовное законодательство, какъ, напримѣръ, „мотовство и пьянство“ (ст. 17 врем. прав. вол. суд. ¹⁾), или нарушеніе договора найма ²⁾. Точно также комитеты находятъ совершенно непослѣдовательнымъ и необъяснимымъ, почему кража крестьяниномъ у не-крестьянина наказывается строже и совершенно иначе, чѣмъ кража у крестьянина (въ первомъ случаѣ—тюрьма на 3 мѣсяца и болѣе, а во второмъ—арестъ не свыше 30 дней) ³⁾.

Трудно, конечно, возражать противъ равенства всѣхъ и каждого передъ уголовнымъ судомъ и бесполезно доказывать святость этого начала. Поэтому не удивительно, что комитеты не останавливались на подробномъ обсужденіи этого вопроса, ограничившись общими категорическими пожеланіями о распространеніи этого начала на крестьянское сословіе. Въ одномъ только случаѣ комитеты встрѣтились съ возраженіемъ. Въ Кременчугскомъ у. к. нашелся самозванный защитникъ интересовъ крестьянъ, который доказывалъ, что крестьяне проиграютъ отъ полного уравненія въ правахъ съ другими сословіями. Придравшись къ ничтожному обстоятельству—большой легкости наказаній за кражу и мошенничество въ волостномъ судѣ, въ которомъ по преимуществу судятся крестьяне—этотъ защитникъ авторитетно заявилъ: „я утверждаю, что крестьяне сами не согласятся на подобную реформу—въ правовомъ отношеніи они обладаютъ преимуществами передъ дворянами; за однородный проступокъ крестьянинъ отдѣлывается легкимъ наказаніемъ, а дворянина привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности“. Наилучшій отвѣтъ на это „утвержденіе“ смѣлый ораторъ получилъ отъ одного изъ присутствовавшихъ крестьянъ: „мы согласны на уравненіе—нехай добре наказують и насъ, мы тоді не будемо часто попадаться, для насъ-же буде краше ⁴⁾“.

¹⁾ Епифан. и Нижегород. у. к.; записка 19 членовъ Моск. губ. ком.; юрид. ком. Елецк. у. к.

²⁾ Записка 19 членовъ Моск. губ. ком.; юрид. ком. Елецк. у. к.

³⁾ Тамъ-же и Епифанск. у. к.

⁴⁾ „Сѣв.-Зап. Слово“, 1902 г. № 1414.

6. Судоустройство.

Существованіемъ специально-крестьянскаго гражданскаго и уголовнаго права поддерживается до сихъ поръ существованіе специально-крестьянскаго суда. Законъ не рѣшается ввѣрить обыкновенному нормальному суду ни примѣненія тѣлеснаго наказанія, которое находится въ коренномъ противорѣчій съ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, ни примѣненія крестьянскихъ гражданскихъ обычаевъ, которые недоступны пониманію обыкновенныхъ юристовъ. Если-же существованіе крестьянскихъ юридическихъ обычаевъ оказывается самообманомъ, а специальные виды уголовной ответственности крестьянъ по всей справедливости осуждены жизнью, то основанія сословнаго крестьянскаго суда отпадаютъ сами собою. Этотъ судъ незначѣмъ сохранять.

Но сельско-хозяйственные комитеты говорятъ еще больше: сословный крестьянскій судъ не только бесполезенъ, но еще и вреденъ; независимо отъ негодности примѣняемыхъ имъ нормъ,—этотъ судъ и всѣ стоящія надъ нимъ инстанціи не обеспечиваютъ крестьянамъ необходимой охраны права.

У насъ существуютъ два вида волостныхъ судовъ: 1) старые суды, по правиламъ Общ. Пол. 19 февраля 1861 г., въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено еще положеніе о земскихъ начальникахъ, и 2) новые волостные суды, по временнымъ правиламъ 12 іюля 1889 г., въ мѣстностяхъ, гдѣ введено указанное положеніе.

Положеніе стараго волостнаго суда рисуется въ очень мрачныхъ краскахъ Гродненскимъ у. к. „Нѣтъ области болѣе переполненной курьезами чловѣческаго невѣжества—указано въ журналѣ этого комитета—какъ та, которую создаютъ волостные суды“. Для примѣра въ журналѣ комитета приведенъ, между прочимъ, такой случай: „судьи предлагаютъ гражданскимъ спорщикамъ рѣшить дѣло единоборствомъ; физически слабая сторона, очевидно не рассчитывающая на успѣхъ въ единоборствѣ, отказывается—судъ постановляетъ рѣшеніе въ пользу противной стороны“. Произвольныя и явно несправедливыя рѣшенія волостнаго суда вызываютъ — по заявленію комитета—и со стороны крестьянъ такіе же произвольныя проступки и даже преступленія, являющіеся какъ бы протестомъ противъ неудовлетворительности волостныхъ судовъ.

При этомъ съѣзды мировыхъ посредниковъ совершенно бессильны противъ царящаго въ волостныхъ судахъ произвола. Жалуясь на несправедливыя рѣшенія суда, крестьянинъ ищетъ правды, а съѣздъ долженъ искать — только кассационныхъ поводовъ. За отсутствіемъ такихъ поводовъ, съѣздамъ нерѣдко приходится утверждать самыя возмутительныя рѣшенія. Когда же кассационные поводы случайно найдены, то это тоже мало

помогаетъ дѣлу. При новомъ разрѣшеніи дѣла, волостной судъ устраняетъ указанныя съѣздомъ формальныя нарушенія и постановляетъ новое, такое же несправедливое, по существу, рѣшеніе! „Не удивительно послѣ этого, что крестьяне потеряли всякое довѣріе не только къ своему волостному суду, но еще болѣе къ кассационнымъ его инстанціямъ—мировому съѣзду и губернскому присутствію“.

Спрошенные предсѣдателемъ комитета, члены комитета—крестьяне единогласно отвѣтили, — „что въ крестьянскихъ судахъ нѣтъ правды: кто богаче, тотъ и выигрываетъ дѣло; поэтому крестьяне съ удовольствіемъ предпочли бы своему суду — мировые и окружные суды, а въ крайнемъ случаѣ желали бы имѣть хотя апелляціонную инстанцію, въ которой можно бы искать защиты при несправедливыхъ, по существу, рѣшеніяхъ волостнаго суда“. Въ такомъ смыслѣ и состоялось окончательное заключеніе комитета, проектировавшаго временно, впредь до преобразования всего крестьянскаго судебнаго строя, сдѣлать съѣзды мировыхъ посредниковъ апелляціонной инстанціей по дѣламъ волостной подсудности.

Новые волостные суды имѣютъ апелляціонную инстанцію (уѣздный съѣздъ), но и въ нихъ, по заявленіямъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, далеко не все ладно.

„Волостной судъ—указываетъ г. Вѣлякъ въ докладѣ Тихвинскому у. к.—вовсе не отвѣчаетъ тѣмъ основнымъ требованіямъ, которыя и наука, и практика предъявляютъ къ устройству и дѣятельности всякаго суда, отвѣчающаго потребностямъ правосудія. Волостному суду не достаетъ самостоятельности и легальности“.

„Подъ самостоятельностью разумѣется независимость суда и судей при отправленіи правосудія отъ какихъ-либо постороннихъ вліяній, въ томъ числѣ и отъ вліянія какого бы то ни было начальства“. Между тѣмъ, „волостные судьи вполнѣ зависятъ отъ земскаго начальника“. Самое назначеніе судей предоставлено земскому начальнику; онъ же можетъ временно устранять судей отъ должностей и подвергать ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Кромѣ того, г. Вѣлякъ отмѣчаетъ естественное, при неграмотности большинства судей, вліяніе на судъ волостныхъ писарей¹⁾. Г. Парскій (въ докладѣ Епифанскому у. к.), съ своей стороны, указываетъ, что въ составъ волостнаго суда прямо введена административная власть въ лицѣ волостнаго старшины, который часто назначается предсѣдателемъ суда, что, конечно, ограничиваетъ самостоятельность суда и усиливаетъ администра-

¹⁾ Крестьянинъ Королевъ въ докладѣ Суджанскому у. к. указываетъ, что даже назначеніе судей земскимъ начальникомъ, по большей части основывается на рекомендаціяхъ старшины и писаря.

тивное давленіе на него. Оутсутвіе независимости у волостного суда и в. судей удостоверяется также запиской 19 членовъ Московскаго губ. к. и Нижегородскимъ у. к.

Къ числу существенныхъ элементовъ независимости волостного суда, отмѣченныхъ въ комитетахъ, слѣдуетъ отнести также, такъ называемое, руководство земскихъ начальниковъ дѣятельностью волостного суда, которое нерѣдко переходитъ въ форму непосредственныхъ указаній,—какъ слѣдуетъ рѣшить то или другое дѣло.

Перейдемъ теперь къ другому намѣченному въ докладѣ г. Бѣляка вопросу: въ какой мѣрѣ волостной юстиціи свойственъ признакъ *легальности*, т. е. насколько правомѣрна дѣятельность в. суда.

Выше уже указано было, при разсмотрѣніи гражданскихъ нормъ, которымъ подчиняются крестьяне, съ какимъ негоднымъ матеріальнымъ правомъ приходится оперировать волостному суду. Запутанность и сложность спеціальнаго крестьянскаго законодательства, съ одной стороны, и отсутствіе твердыхъ юридическихъ обычаевъ, съ другой стороны, оставляютъ волостную юстицію на произволъ усмотрѣнію, которое, конечно, недостаточно для точнаго установленія и регулированія гражданскихъ отношеній.

Независимо отъ этого кореннаго условія, очень неблагоприятно вліяютъ на законмѣрность волостной практики нѣкоторые недостатки, коренящіеся въ самой организаціи волостного суда.

Волостной судъ, даже при наилучшемъ составѣ судей, не можетъ быть проводникомъ твердыхъ и однородныхъ юридическихъ началъ въ крестьянскую среду, прежде всего, потому, что подсудность его случайна и произвольна. Крестьяне, по общему правилу, обязательно судятся между собою въ волостномъ судѣ. Но наряду съ этимъ, по соглашенію участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, имъ разрѣшается обращаться въ общіе суды. Съ другой стороны, дѣла, въ которыхъ вмѣстѣ съ крестьянами или вообще вмѣстѣ съ лицами, неподвѣдомственными в. суду, участвуютъ лица, этому суду неподвѣдомственные, — обязательно изъемяются изъ вѣдѣнія в. суда и могутъ поступить на его разрѣшеніе только въ исключительныхъ случаяхъ, когда истецъ или обвинитель, принадлежащій къ числу лицъ, неподвѣдомственныхъ в. суду, пожелаетъ разбора дѣла въ этомъ судѣ. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что общіе и волостные суды руководствуются, каждый, совершенно различными процессуальными и матеріальными нормами, то можно себѣ представить, какая путаница вносится въ правовыя понятія крестьянства такой двойной и случайной подсудностью ¹⁾.

¹⁾ Доклады юрид. комис. Влецк. у. к., 19 членовъ Московск. губ. ком. и др.

Но и по своему личному составу волостные суды не могутъ вносить опредѣленныхъ и ясныхъ юридическихъ началъ въ разрѣшаемыя ими дѣла. Гражданская компетенція волостного суда, объемлющая, между прочимъ, довольно крупныя дѣла торговаго и имущественнаго оборота, въ которыхъ принимаютъ участіе лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію или принадлежащія къ нему только по имени, оказывается непосильной для в. судей (записки: г. Парскаго—въ Епифанскій у. к., г. Балахонцева—въ Бирскій у. к., г. Бѣляка—въ Тихвинскій у. к. и др.). Для разрѣшенія разнообразныхъ и сложныхъ дѣлъ волостной подсудности необходимы хотя бы самыя элементарныя юридическія познанія, которыми не обладаютъ и не могутъ обладать неграмотные и невѣжественные в. судьи (Епифан. у. к.). При такихъ условіяхъ рѣшающая роль въ волостныхъ судахъ естественно переходитъ къ болѣе грамотнымъ, но едва ли болѣе добросовѣстнымъ и развитымъ дѣлопроизводителямъ суда—волостнымъ писарямъ.

Не много порядка вносить въ дѣла волостной подсудности поставленная надъ в. судомъ апелляціонная инстанція—уѣздный сѣздъ. Качественно отличный по своему составу отъ в. суда и руководствующійся иными процессуальными правилами, уѣздный сѣздъ примѣняетъ также совершенно иныя начала и основанія при разрѣшеніи дѣлъ, по существу. Основанныя на обычаѣ, на совѣсти или на произволѣ рѣшенія в. суда представляются, въ одинаковой мѣрѣ, произвольными въ глазахъ коронныхъ судей уѣзднаго сѣзда, которые строятъ, засимъ, свои рѣшенія на законѣ, поскольку законъ примѣнимъ къ крестьянскимъ дѣламъ, или же на широкихъ его толкованіяхъ. Иногда же, вмѣсто усмотрѣнія в. суда, сѣздъ ставитъ свое собственное усмотрѣніе, если въ случайномъ составѣ сѣзда, при разборѣ того или другого дѣла, юристы оказываются въ меньшинствѣ (докладъ г. Бѣляка).

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, крестьянскій правопорядокъ очень мало играетъ.

Остается, однако, еще кассационная инстанція—губернское присутствіе. Какова его роль по дѣламъ волостной подсудности?

Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ запискѣ г. Говоруна въ Суджанскій у. к. Докладчикъ, прежде всего, напоминаетъ о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ было признано въ свое время опаснымъ присвоеніе кассационныхъ функцій судебнымъ палатамъ, въ видахъ однообразія и однородности кассационной практики. Но судебныхъ палатъ, сравнительно, немного, а губернскія присутствія учреждены въ каждой губерніи и каждое изъ нихъ устанавливаетъ свою собственную кассационную практику, внося свой элементъ путаницы и неустойчивости въ печальную область волостной юстиціи.

Такое положеніе, конечно, не можетъ быть терпимо. По мнѣнію Рузскаго у. к., для обезпеченія личности и имущества крестьянъ „необходимо оградить ихъ правильной формой суда“. Такую правильную форму суда комитеты не рѣшили искать въ сословномъ судѣ. Едва-ли не всё, безъ исключенія, комитеты, входившіе въ обсужденіе вопроса о судебномъ устройствѣ крестьянъ, высказались за упраздненіе сословнаго волостнаго суда, съ замѣной его низшимъ всесословнымъ судомъ, огражденнымъ отъ вліянія административной власти¹⁾. Кромѣ указанныхъ выше записокъ и комитетскихъ журналовъ, такая мѣра, между прочимъ, предложена была уѣздными комитетами: Ардатовскимъ, Балахнинскимъ, Боровичскимъ, Бузулукскимъ, Вѣлосерскимъ, Дорогобужскимъ, Елецкимъ, Опочецкимъ, Орловскимъ, Семеновскимъ, Дмитровскимъ, Константиноградскимъ, Весегонскимъ, Ливенскимъ, Самарскимъ, Клинскимъ, Костромскимъ губ. и мн. др.

При этомъ, въ комитетахъ были намѣчены нѣкоторыя черты желательной организациі низшаго несословнаго суда. По мнѣніямъ г. Вѣляка (докладъ Тихвинскому у. к.) и юридической комиссіи Елецкаго у. к., образцомъ для такого суда могли-бы послужить существующіе въ Царствѣ Польскомъ гминные суды. Юридическая комиссія Орловскаго у. к., съ своей стороны, предложила организацию низшаго всесословнаго суда—въ видѣ выборнаго судьи и состоящихъ при немъ шефферновъ. Особенно подробно разработанъ проектъ организациі низшаго суда Ардатовскимъ уѣзднымъ комитетомъ, который проектировалъ учрежденіе все-сословнаго низшаго суда съ компетенціей близкой къ вѣдомству волостнаго суда. Предсѣдатель, который долженъ обладать, по проекту, небольшимъ образовательнымъ цензомъ, и судьи выбираются земскимъ собраніемъ. Въ составъ апелляціонной инстанціи входятъ предсѣдатели низшихъ судовъ.

Нѣкоторые комитеты проектировали возстановленіе выборныхъ мировыхъ судей, съ оставленіемъ за земскими начальниками лишь административныхъ функцій (Костр. губ., Рузскій у., Клинскій у.), или съ совершеннымъ ихъ упраздненіемъ (Самарск. у.).

Въ заключеніе очерка судебного устройства и положенія крестьянъ, комитеты указываютъ на отсутствіе юридической помощи крестьянамъ. „Общіе суды мало доступны крестьянамъ. Крестьяне сами не могутъ справиться, ни съ сложностью матеріальныхъ законовъ, ни съ тонкостью процессуальныхъ. Юридическая помощь не организована и земская адвокатура пока въ области запретныхъ пожеланій. Крестьяне неизбежно попадаютъ въ руки подпольныхъ

адвокатовъ, что часто влечетъ проигрышъ вѣрныхъ процессовъ, а иногда долготѣнее и раззорительное веденіе дѣлъ безнадежныхъ. Въ результатѣ, въ крестьянахъ развивается неуверенность въ охранѣ своихъ правъ и потому неуваженіе къ чужимъ, недоверіе къ суду и склонность къ самоуправству, словомъ создается нездоровая и развращающая юридическая атмосфера“ (изъ матер. Звенигородск. у. к.—записка г. Маклакова). То-же отмѣчается въ докладѣ юрид. комис. Елецкаго у. к., въ запискѣ г. Вѣляка, въ трудахъ Епифанск., Боровичскаго, Новомосковскаго, Семеновскаго у. к. и мн. др. Для устраненія юридической безпомощности крестьянъ, неизбежной при ихъ невѣжествѣ, комитеты рекомендуютъ общественную или земскую организацию дешевой и доступной народу юридической помощи.

Ив. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вопросъ адвокатской нравственности и права.

Имѣетъ ли право защитникъ отказываться отъ принятой на себя защиты до конца судебного разбирательства? Если даже признать это право, то не велитъ ли адвокату нравственное сознание его долга оставаться при всякихъ условіяхъ въ судѣ до конца процесса, до объявленія резолюціи. Вотъ вопросы, которые въ 1902—1903 году пришлось разрѣшить совѣту присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты.

Возникли они вслѣдствіе сообщенія харьковской судебной палаты о дѣйствіяхъ пр. повѣренныхъ М., С., Т. и пом. пр. пов. Б. Эти адвокаты явились въ засѣданіе харьковской палаты защитниками (по соглашенію) обвиняемыхъ по дѣлу о крестьянскихъ беспорядкахъ, возникшихъ въ 1902 году въ харьковской и полтавской губерніяхъ. Въ своемъ объясненіи совѣту прис. пов.-ные М., С., Т. и пом. пр. пов. Б. объяснили, что „изъ разговоровъ съ обвиняемыми, ихъ родственниками и односельчанами“ выяснилось, „какимъ тяжкимъ административнымъ карамъ были подвергнуты подсудимые еще до суда“; кары эти не были мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленія, такъ какъ были предприняты уже послѣ того, какъ преступленія совершились. Очевидно, что мѣры эти являлись уже наказаніемъ и при томъ наказаніемъ, превосходившимъ своею тяжестью не только кары, налагаемыя по ст. 269¹⁾ уложенія, но и всѣ кары, предусмотрѣнныя уголовными законами. Защитники не сомнѣвались, что второй разъ за одно и то же наказывать нельзя. Въ силу ст. 1 и 14 уст. уг. судопр. никто не можетъ быть наказанъ безъ суда; если,

¹⁾ За сохраненіе вол. суда высказался Пермскій губ. ком.

однако, обнаружится, что подсудимый вопреки закону уже понесъ наказаніе, то судъ по разъясненію Сената (рѣш. уг. к. д-га 1867 г. № 397—1873 г. № 32) долженъ принять это во вниманіе и обсудить, не слѣдуетъ ли примѣнить ст. 154 ул. о нак. и ст. 775 уст. уг. судопр., т. е. ходатайствовать о помилованіи. Отъ суда зависитъ примѣнить указанная статьи или нѣтъ, но выяснитъ и обсудитъ это обстоятельство судъ обязанъ. Защитники пришли къ убѣжденію, что ихъ главная задача въ этомъ процессѣ должна была состоять въ томъ, чтобы установить, что подсудимые уже наказаны за содѣянное и при томъ свыше всякой мѣры. Когда, во время судебного слѣдствія, были предложены вопросы для выясненія этихъ обстоятельствъ, предсѣдатель запретилъ ихъ предлагать. На просьбу защиты, чтобы вопросъ былъ обсужденъ палатой, предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ устраниваетъ его своею властью. Послѣ этого для защитниковъ стало ясно, что они только формально будутъ числиться защитниками, не имѣя возможности вести защиту въ дѣйствительности. Занимать же мѣста для защиты, возбуждать ложное представленіе, будто процессъ происходитъ съ участіемъ защитниковъ—и въ то же время сознавать полную невозможность исполнить долгъ защитниковъ такъ, какъ они его понимали по крайнему своему разумѣнію и какъ велѣла ихъ совѣсть, они считали несоответствующимъ своему достоинству. Объяснивъ подсудимымъ свое положеніе, они, съ ихъ согласія, отказались отъ дальнѣйшаго участія въ защитѣ и подали приложенное къ дѣлу заявленіе. Они глубоко убѣждены, по обстоятельствамъ процесса, что отказъ отъ защиты нисколько не ухудшилъ участи подсудимыхъ.

Въ сообщеніи палаты обстоятельства, происходившія въ судебномъ засѣданіи, изложены такъ же. Выслушавъ заявленія защитниковъ, предсѣдатель освободилъ ихъ отъ обязанностей защиты, объявивъ, что о дѣйствіяхъ адвокатовъ будетъ сообщено по принадлежности совѣту присяжныхъ повѣренныхъ или министру юстиціи.

Обратившись къ вопросу о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ отказываться отъ принятыхъ ими на себя защитъ на судѣ, Совѣтъ прежде всего констатировалъ то рѣзкое различіе, которое законъ устанавливаетъ между защитой по соглашенію и защитой по назначенію. Защитникъ, назначенный для производства дѣла предсѣдателемъ судебного мѣста, не можетъ отказываться отъ исполненія данного ему порученія, не представивъ достаточныхъ для того причинъ. Въ соответствии этому различію неявка защитника назначеннаго влечетъ за собой отсрочку судебного засѣданія; неявка защитника по соглашенію разсмотрѣнія дѣла не останавливаетъ. Очевидно, прис. повѣренный, по соглашенію принимающій на себя

защиту—по соглашенію же можетъ во всякое время и отказаться отъ нея.

Судебная палата находила, что если распоряженія предсѣдателя въ чемъ-либо стѣсняли права защиты, это давало ей только основаніе ходатайствовать о занесеніи такихъ распоряженій въ протоколъ, для обжалованія въ установленномъ порядкѣ, что поэтому „оставленіе защитниками и притомъ, по соглашенію, залы засѣданія прежде окончанія дѣла, составляетъ важное нарушеніе возложенныхъ закономъ на защитника обязанностей“.

Разсужденіе это правильно только по отношенію къ защитникамъ по назначенію, полагаетъ совѣтъ: они вынуждены оставаться до конца процесса, хотя бы обречены были распоряженіемъ предсѣдателя на полное бездѣйствіе, хотя бы—маловѣроятный примѣръ—явились въ судѣ съ единственной надеждой доказать *alibi* обвиняемаго, и предсѣдатель останавливалъ своей властью всякую попытку установить *alibi*.

Не таково положеніе защитника по соглашенію: по закону ему принадлежитъ формальное право отказываться при согласіи обвиняемаго отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ. По отношенію къ его дѣйствіямъ можетъ быть поставленъ только вопросъ о достаточномъ съ точки зрѣнія справедливости и нравственности основаніи отказа.

Вопросъ этики разрѣшенъ Совѣтомъ въ данномъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ такъ: если г.г. М., С., Т. и Б. находили, что извѣстными распоряженіями предсѣдателя на судѣ они лишены были всякой возможности исполнить долгъ защитниковъ, какъ они его понимали по крайнему своему разумѣнію и какъ велѣла имъ ихъ совѣсть, то, отказываясь при такихъ условіяхъ отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ, они дѣйствовали не только правомѣрно, но и вполне согласно съ тѣми требованіями, которыми, говоря словами комментаторовъ нашихъ судебныхъ уставовъ, должны удовлетворять присяжные повѣренные вообще: въ дѣйствіяхъ ихъ отражалась не одна только законность, но и полная справедливость. Совѣтъ еще добавилъ, что потерпѣвшими отъ отказа могли бы считать себя только кліенты защитниковъ—обвиняемые крестьяне. Но они не жаловались и жалобъ отъ нихъ быть не могло—отказъ отъ защиты послѣдовалъ съ ихъ согласія.

Мы едва воздержались отъ полной выписки всего постановленія—этого драгоцѣннаго образца юридической логики. Въ немъ каждая строка проникнута сознаніемъ справедливости и долга¹⁾.

Да останется оно въ силѣ, какъ руководство и указаніе для защитниковъ права.

Первая обязанность адвоката—употребить всѣ законныя средства для защиты права—оставаться на бреши до конца, не пугаясь

¹⁾ По свѣдѣніямъ редакціи, Московская суд. палата оставила безъ послѣдствій протестъ прокурора на постановленіе совѣта.

призраковъ, не отступая передъ предразсудкомъ, не уступая непониманію... Но это же правило нравственности обязываетъ защитника *propter vitam vivendi non perdere causam*. — Могутъ быть такія положенія, когда защита, какъ правозаступничество, невозможна и когда вся защита состоитъ въ констатированіи этой невозможности.

Московский совѣтъ пр. пов. привелъ одинъ примѣръ такого рода. Но такихъ примѣровъ можно привести много, и всѣ они, какъ намъ кажется, однородны: судится обвиняемый за нанесеніе оскорбленія и запрещается доказывать взаимность обидъ; судится убійца, признающій фактъ убійства, утверждаетъ, что убилъ обороняясь, — и запрещается доказывать фактъ нападенія со стороны убитаго, судится обвиняемый въ клеветѣ, какъ Зола, и ему объявляютъ съ упорствомъ маніи — *la question ne sera pas posée* — вопросъ не будетъ поставленъ, тотъ самый вопросъ, который составляетъ всю суть дѣла — имъ же интересуются всѣ — и судьи, и стороны, и страна. Только одни заботятся о томъ, чтобы вопросъ этотъ всплылъ, другіе имѣютъ одинъ помыслъ — замаять его. На судѣ ищутъ правду (иногда и келейно), но не всю правду. — Никогда защитникъ не долженъ добиваться этого ограниченія, хотя бы казалось, что обвиняемому оно выгодно. И никогда онъ не долженъ мириться съ дѣленіемъ правды — до этихъ поръ и ни шагу дальше... Если борьба съ этимъ дѣленіемъ невозможна — защиты нѣтъ.

Рѣдки подобныя положенія въ судебной практикѣ. Тамъ, гдѣ судебная совѣсть свободна, гдѣ судья, кому надо, гордо заявляетъ — *la Cour rend des arrêts et non pas des services* — они почти невозможны. Тамъ, гдѣ свято охраняется „драгоценнѣйшій палладіумъ правосудія — гласность“, (по удачному выраженію министра юстиціи Н. В. Муравьева), такія коллизіи страшно рѣдки. Рѣдки эти случаи и тамъ, гдѣ крѣпки судебныя нравы и когда есть старая судебная традиція — защитникъ не есть тогда терпимое, но непріятное неудобство, мѣшающее и безпокоящее начальство, и давно незлыблемо окрѣпло сознаніе, что, ограничивая защиту, — правды не доищешься.

Исторія судебныхъ учрежденій и нравовъ, да и вся исторія учитъ насъ, однако, что бываютъ времена, — времена разложенія и опасности — когда во всей странѣ сфера господства права суживается. Въ такія эпохи „дѣленіе правды“ перестаетъ быть необычнымъ — „устраненіе вопросовъ“ перестаетъ удивлять.

Тогда нерѣдко тяжелый долгъ защитника — отказываться отъ защиты.

Трудно принимать такія рѣшенія и нуженъ для нихъ категорическій императивъ совѣсти. Часто бываетъ при этомъ основательно опасеніе повредить участи подсудимаго. Это опасеніе должно удерживать адвоката и согласіе

подсудимаго на его отказъ должно быть сознательное и свободное. Трудно установить здѣсь общія правила, но для чуткой совѣсти выходъ изъ затрудненія всегда найдется. Да и вопросъ этотъ не можетъ возникать для карьеристовъ и оппортунистовъ адвокатуры.

Онъ возникаетъ не только рѣдко въ нормальныхъ условіяхъ суда, но и далеко не для всѣхъ адвокатовъ возникнуть можетъ.

Въ адвокатурѣ и ея нравахъ во всѣ времена отражаются нравы всего судебного сословія. Уровень правдолюбія и мужества одинъ въ судѣ. Но съ нѣкоторой оговоркой. Приливъ правды замѣчается въ адвокатурѣ. Когда враждебныя праву вліянія пріобрѣтаютъ силу, они вытираютъ изъ рядовъ магистратуры характеры стойкіе и убѣжденные — ими пополняется адвокатура. Уровень ея нравовъ и состава въ общемъ не мѣняется, но вершина выше. Къ нимъ влекутся тѣ молодыя силы, которыми движетъ безкорыстное и безбоязненное служеніе праву.

Въ нихъ залогъ будущаго торжества правды, но въ этой дифференціаціи и почва столкновений. Суровые нравы правдоискателя, неуклоннаго хранителя традицій права не могутъ не раздражать изнемогшихъ въ борьбѣ и примирившихся со всѣмъ... не могутъ не вызывать ненависти отъ духа приказныхъ временъ...

Нельзя радоваться такимъ явленіямъ, ибо нельзя же не скорбѣть, когда цвѣтутъ условія, ихъ порождающія — когда правда перестаетъ быть всенародной, когда закрываются двери судовъ.

Но не изсякъ еще огонь любви къ правдѣ, „не умеръ Богъ въ душѣ людей“. Пусть фортеція правды въ опасности, она не падетъ, она будетъ спасена.

Θ. Родичевъ.

Одна изъ ближайшихъ задачъ новой думы.

I.

Къ числу предметовъ вѣдомства Петербургскаго городского общественнаго управленія п. VII ст. 2 положенія 8 іюня 1903 года отнесено „попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства“. Какъ ни скромнымъ кажется на первый взглядъ содержаніе этого пункта, однако, мѣры, которыя могутъ и должны быть приняты въ отношеніи искорененія профессиональнаго нищенства, и тѣ учрежденія, которыя неминуемо будутъ образованы для этой цѣли, имѣютъ столь существенное значеніе для общаго нравственнаго оздоровленія и безопасности городскихъ улицъ и площадей, что уже по одному этому новый вопросъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ настоящее время дѣла попеченія о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства распределены

между различными учреждениями благотворительного, а отчасти административного характера. Среди послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ Николаевскій комитетъ разбора и призрѣнія нищихъ, образованный еще въ 1837 году. Въ этомъ комитетѣ, въ изытаніе изъ общаго правила, установленнаго для остальныхъ городовъ Имперіи, сосредоточено завѣдываніе разборомъ всѣхъ лицъ, задерживаемыхъ въ столицѣ за публичное прошеніе милостыни, распредѣленіе ихъ по категоріямъ, оказаніе помощи впавшимъ въ нужду вслѣдствіе стеченія различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ и, наконецъ, направленіе къ мировымъ судьямъ, черезъ полицію, просившихъ милостыню по лѣни и привычкѣ къ праздности, для возбужденія уголовного преслѣдованія. Нынѣ, съ изданіемъ особаго городского положенія для Петербурга и съ возложеніемъ на городское общественное управленіе обязанностей по призрѣнію бѣдныхъ и по искорененію нищенства, тѣмъ самымъ прекращается дѣйствіе образованнаго специально для той же цѣли Николаевского комитета.

Оставляя въ сторонѣ воплѣтѣ почтенную благотворительную дѣятельность названнаго учрежденія, выражающуюся въ предоставленіи трудовой, вещевой и денежной помощи нуждающимся въ помѣщеніи призрѣваемыхъ въ богоугодныя заведенія (убѣжище, богадѣльни, ремесленное и руководѣльныя училища), нельзя не признать, что собственно дѣло разбора нищихъ поставлено весьма слабо. Кому случилось бывать въ камерахъ столичныхъ судей, тотъ навѣрно поражался значительнымъ количествомъ оправдательныхъ приговоровъ о лицахъ, преданныхъ суду за нищенство по 49 ст. уст. о нак. Такихъ приговоровъ, во всякомъ случаѣ, болѣе половины. Это происходитъ отъ того, что рядомъ съ дѣйствительными тунеядцами и трудоспособными попрошайками весьма часто привлекаются къ уголовной отвѣтственности лица престарѣлыя, дряхлыя, увѣчныя и больныя, мѣсто которыхъ не на скамьѣ подсудимыхъ, а въ богадѣльняхъ, домахъ призрѣнія, въ больницахъ, или на попеченіи общества, обязанныхъ по закону о нихъ заботиться и призрѣвать (ст. 162—166 и 168 уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г.). Всѣ подобные обвиняемые, очевидно, не могутъ быть приговорены судомъ къ наказанію, за отсутствіемъ признаковъ, требуемыхъ уголовнымъ закономъ для примѣненія кары, лѣни и привычки къ праздности. Ни то, ни другое въ отношеніи ихъ не можетъ быть установлено. Тамъ, гдѣ нѣтъ трудоспособности, гдѣ есть старость, дряхлость, болѣзнь или увѣчые—тамъ нѣтъ мѣста лѣности и праздности, иными словами—нѣтъ проступка, предусмотрѣннаго ст. 49 уст. о нак., хотя бы и былъ на лицо фактъ публичнаго прошенія милостыни. Таковъ взглядъ закона, обособляющаго различныя категоріи нищихъ (ст. 162—165 уст. о пред. и прес. прест.). Конечно, разрѣшеніе вопроса о томъ, есть ли нѣтъ составъ преступленія, а также—какого именно, принадлежитъ суду, рѣшающему дѣло по существу, но практика мировой юстиціи въ С.-Петербургѣ представляетъ рядъ разительныхъ примѣровъ (служащихъ къ нежелательному общественному соблазну и дискредитированію обвинительной власти) тому, какъ, съ одной сто-

роны, въ камеры мировыхъ судей доставляются въ значительномъ числѣ лица, задержанныя за публичное прошеніе милостыни¹⁾, будто бы по лѣни и привычкѣ къ праздности, въ отношеніи которыхъ завѣдомо не можетъ быть установлено этихъ признаковъ, а съ другой—почти всѣ такія лица судомъ оправдываются. Иногда при разборѣ дѣла выясняется, что сама полиція, препровождая задержаннаго въ комитетъ, сообщаетъ, что обвиняемый просилъ подаванія по старости, дряхлости и неспособности къ труду, а также за неимѣніемъ родственниковъ, которые могли бы его приютить, тѣмъ не менѣе задержанный возвращается полиціи вновь для возбужденія уголовного преслѣдованія. Изъ сказаннаго ясно, насколько неудовлетворительно исполняются комитетомъ функціи обвинительной камеры по дѣламъ этого рода, и какъ много отнимается напрасно труда и времени у административныхъ и судебныхъ установленій, вынужденныхъ—первыя препровождать и содержать подъ стражею, а вторыя судить и оправдывать лицъ, которыя не только не должны быть лишены свободы, но и призываются въ судъ въ качествѣ обвиняемыхъ.

II.

Мы не станемъ входить въ подробное изслѣдованіе всѣхъ факторовъ, обуславливающихъ это печальное явленіе, укажемъ лишь, что главными причинами должны служить излишняя централизація и бюрократическій строй учрежденія, по самому свойству своей дѣятельности требующаго индивидуальнаго изслѣдованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чрезъ посредство мѣстныхъ органовъ и лицъ, добровольно изъявившихъ готовность посвятить свой трудъ на служеніе ближнему. Какъ бы ни были велики составъ присутствія и число членовъ комитета, какъ бы ни были часты его засѣданія, для всякаго очевидно, что центральному учрежденію одному невозможно успѣшно направлять 9—15 тысячъ задержанныхъ за прошеніе милостыни (отч. 1901—1902 г.) въ судъ, на родину и въ благотворительныя учрежденія. Такая работа подъ силу только совокупности многихъ мѣстныхъ установленій, какими являются территориальныя благотворительныя союзы и общества. Для того, чтобы сдѣлать это положеніе совершенно нагляднымъ, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на той роли, которая принадлежитъ означеннымъ обществамъ въ дѣлѣ благотворенія и на тѣхъ средствахъ и преимуществахъ, которыми они обладаютъ.

III.

Въ области благотворительности дѣйствуютъ одновременно, не всегда параллельно и помогая другъ другу, три силы—частныя лица.

Не трудно замѣтить, что указанныя три вида благотворительности, стремясь, въ общемъ, къ одной и той же цѣли—оказать помощь истинно бѣднымъ, располагаютъ не одинаковыми силами и средствами,

¹⁾ Въ 1902 г. было направлено къ мировымъ судьямъ всего 2560 лицъ.

а потому и пользуются различнымъ успѣхомъ при практическомъ осуществленіи своей задачи.

Наименьшимъ постоянствомъ и правильностью отличается дѣятельность частныхъ лицъ. И это вполне понятно. Во-первыхъ, многіе, желающіе подблиться своими средствами съ неимущими, не рѣшаются давать свою лепту бѣднымъ непосредственно, изъ опасенія потворствовать нищенскому промыслу, а, во-вторыхъ, значительное число^о подаваній не достигаетъ своей цѣли, попадая въ руки нищихъ промышленниковъ. Совершенно въ иномъ видѣ представляется дѣло, если частныя лица составляютъ союзъ, ограничивающійся небольшою территоріею, участкомъ города или приходомъ, такъ какъ на большомъ пространствѣ изученіе бѣдности невозможно. Въ небольшомъ же участкѣ общество, если оно состоитъ къ тому же изъ мѣстныхъ жителей, вполне можетъ узнать, кто именно бѣденъ, опредѣлить степень бѣдности и количество необходимаго пособія. Путемъ созданія территориальныхъ обществъ, открывается широкая дверь и для частной благотворительности, такъ какъ частныя лица, имѣя у себя на глазахъ дѣятельность мѣстныхъ попечительствъ о бѣдныхъ, получаютъ увѣренность, что жертвуемая ими суммы будутъ израсходованы на нуждающихся съ самою строгою осмотрительностью и разборчивостью. Правительство, несомнѣнно, обладаетъ огромными средствами какъ для предупрежденія нищеты, такъ и для призрѣнія бѣдныхъ. Но едва ли безъ содѣйствія территориальныхъ обществъ могутъ быть достигнуты та и другая цѣли, потому что главный моментъ дѣла благотворительности — констатированіе причинъ, порождающихъ бѣдность, равно какъ и опредѣленіе числа истинно нуждающихся — невозможно безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Безъ нихъ ни городское, ни земское управленіе, ни само правительство не въ состояніи рѣшить, нужно ли вступать въ ту или другую область благотворенія со своими мѣропріятіями и средствами для пополненія дѣятельности специальныхъ благотворительныхъ обществъ и союзовъ, и если нужно, то въ какой мѣрѣ. Изъ сказаннаго явствуетъ, какое огромное значеніе въ системѣ современной благотворительности имѣютъ территориальныя общества. Служа надежными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровыми посредниками между жертвователями и нуждающимися, они самымъ точнымъ образомъ опредѣляютъ размѣръ и родъ правительственной и городской дѣятельности въ дѣлѣ благотворенія, способствуютъ выясненію точной цифры извѣстнаго рода благотворительныхъ учрежденій для данной мѣстности.

Всѣ изложенныя мысли не составляютъ новизны: онѣ уже давно сдѣлались общимъ достояніемъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, и потому территориальныя благотворительныя союзы возникаютъ вездѣ, гдѣ общество dorosло до сознанія, что непосредственная раздача милостыни не достигаетъ своей цѣли, что только тщательное опредѣленіе истинной нужды и подача помощи дѣйствительно бѣднымъ могутъ служить и служить къ уменьшенію нищеты и къ сокращенію нищенства, какъ промысла. Вотъ почему никому другому, а только мѣстнымъ благотворительнымъ союзамъ, каково бы ни было ихъ наименованіе — приход-

скія благотворительныя общества, какъ они называются въ Петербургѣ, или участковыя попечительства, какъ они именуются въ Москвѣ, — должно принадлежать предварительное изслѣдованіе бѣдности и дальнѣйшее направленіе задержанныхъ за публичное прошеніе милостыни по мѣсту ихъ жительства въ благотворительныя учрежденія, въ больницы и, наконецъ, въ судъ, въ случаѣ сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли просившій подаваніе заслуживаетъ общественной поддержки. Судебныя установленія должны быть послѣднею повѣрочною инстанціею правильности заключенія мѣстныхъ обществъ о томъ, что задержанный принадлежитъ къ числу профессиональныхъ трудоспособныхъ нищихъ, для которыхъ необходима не общественная помощь, а уголовная кара, и только послѣ вступленія приговора въ законную силу и по отбытіи опредѣленнаго наказанія, осужденный за нищество можетъ быть передаваемъ въ распоряженіе администраціи, для отправленія на родину или въ мѣсто приписки, подобно тому, какъ это установлено, по ст. 63 уст. о нак., нал. мир. суд., для лицъ, самовольно отлучившихся изъ мѣстностей, назначенныхъ имъ для жительства администраціею или судомъ.

Вотъ та схема желательной реформы подвѣдомственного нынѣ Николаевскому комитету дѣла для того, чтобы возможенъ былъ выходъ изъ массы тѣхъ противорѣчій и неудобствъ, которыми страдаетъ современный разборъ нищихъ въ Петербургѣ и которыя существуютъ и въ Москвѣ, гдѣ мѣсто прежняго административнаго учрежденія, образованнаго на началѣхъ здѣшняго комитета, съ конца 1893 года, замѣнило особое городское присутствіе, состоящее въ вѣдѣніи Московскаго общественнаго управленія.

IV.

Какъ можно заключить изъ сказаннаго, разборъ нищихъ имѣетъ дѣло съ двумя совершенно различными явленіями жизни: во-первыхъ, — съ общественнымъ бѣдствіемъ, которымъ представляется нищета отдѣльныхъ лицъ и обѣднѣніе массъ и, во-вторыхъ — съ общественнымъ зломъ, которое являетъ собою профессиональное нищенство. Первое вызываетъ помощь нуждающимся, преимущественно со стороны мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ, а въ случаяхъ народныхъ бѣдствій и со стороны правительства, второе — профессиональное нищенство — влечетъ за собою государственныя мѣропріятія въ видѣ уголовной кары. Но если, при централизациі разбора, мало достигается главная его задача — отдѣленіе истинной бѣдности отъ ея симуляціи, то, съ другой стороны, назначаемое судомъ наказаніе профессионаламъ почти лишено значенія, въ виду особаго характера проступка и несоотвѣтствія ему установленной въ законѣ формы взысканія.

На основаніи ст. 49 уст. о нак., нал. мир. суд., виновные въ прошеніи милостыни *по тѣмъ и привычкѣ къ праздности* подвергаются тюремному заключенію до одного мѣсяца. На практикѣ назначаемое въ такихъ случаяхъ наказаніе колеблется въ предѣлахъ 2-хъ и 3-хъ недѣль. До вступленія же при-

говорить въ законную силу, осужденные, по ст. 125 уст. угол. суд., заключаются подъ стражу въ полицейскіе дома мѣстныхъ частей, гдѣ обыкновенно и отбываютъ весь срокъ.

Вслѣдствіе отсутствія принудительнаго труда и обязательныхъ занятій, полицейскіе частные дома, предназначенные преимущественно для содержанія лицъ, ожидающихъ разбора о нихъ дѣла у мировыхъ судей, или вступленія въ законную силу состоявшихся приговоровъ, не преслѣдуютъ исправительныхъ цѣлей и потому лишены значенія въ качествѣ учреждений исправительныхъ.

Арестный домъ съ его добровольными работами для долгосрочныхъ арестованныхъ, а тѣмъ болѣе тюрьма, съ ея обязательнымъ трудомъ и одиночнымъ заключеніемъ, все же оставляютъ хотя незначительный слѣдъ въ жизни обвиняемыхъ, заставляя ихъ: первый, стремиться къ сокращенію срока лишенія свободы путемъ добровольной работы, вторая, приучая къ трудовой жизни своимъ строгимъ режимомъ. Ни того, ни другого нѣтъ въ полицейскихъ частныхъ домахъ. Здѣсь арестованные проводятъ время въ полной праздности, а совмѣстное пребываніе профессиональныхъ преступниковъ и рецидивистовъ съ лицами, совершившими преступленіе случайно, подъ влияніемъ аффекта и несчастнаго стеченія обстоятельствъ, создаетъ для лицъ послѣдняго рода такую школу порока, изъ которой, по освобожденіи, они выходятъ людьми вполне опытными въ различныхъ отрасляхъ и видахъ преступленій. Но едва ли не самое худшее вліяніе полицейскіе дома должны оказывать на содержащихся въ нихъ за профессиональное нищенство.

Выше было объяснено, что означенный проступокъ, съ точки зрѣнія закона, представляетъ изъ себя прошеніе милостыни *по лѣни и привычкѣ къ праздности*, иными словами, преступное дѣяніе это выросло на почвѣ праздности, пренебреженія къ труду и привычки жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. Относимые комитетомъ, по положенію 1837 г., къ 3-му разряду профессионалы, это „тѣ изъ нищихъ, кои по лѣтамъ, состоянію здоровья и крѣпости силъ, хотя и могли трудиться, но по лѣности, привычкѣ къ праздности и дурному своему поведенію, бродяжничаютъ, составивъ для себя изъ прошенія милостыни родъ ремесла“ (Высоч. утв. полож. комит. министр. 6 іюля 1837 года, полное собран. закон. № 10425).

Праздность — мать всѣхъ пороковъ, гласитъ народная мудрость-пословица, и посему нельзя ожидать, чтобы праздное препровожденіе времени въ полицейскихъ домахъ могло бы содѣйствовать исправленію кого бы то ни было изъ заключенныхъ, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которые содержатся за преступленіе, въ своемъ основаніи имѣющее привычку къ бродяжеству и ничего недѣланію. Правило гомеопатіи *similia similibus curantur* непригодно для лѣченія общественнаго недуга, нуждающагося для своего врачеванія въ болѣе радикальныхъ средствахъ, нежели кратковременное лишеніе свободы въ тюрьмѣ или въ полицейскомъ домѣ. Дурной привычкѣ къ бродяжничеству необходимо противопоставить болѣе долговре-

менное пребываніе въ одномъ мѣстѣ, а лѣности и праздности, стремленію жить на чужой счетъ, — слѣдуетъ противополжить систематическое приученіе къ труду. Болѣе чѣмъ въ какомъ-либо иномъ наказаніи, въ карѣ за профессиональное нищенство должны быть преслѣдуемы, кромѣ возмездія, исправительныя цѣли, заключающіяся въ созданіи у виновнаго потребности къ трудовой жизни. Такого рода учреждениями, воспитывающими волю и привычку въ направленіи противоположномъ, нежели лица, привыкшія къ бродяжничеству, имѣли на свободѣ, какъ это общепризнано, — представляютъ рабочіе дома. Устройство и содержаніе этихъ домовъ отнесено къ числу обязанностей городского общественнаго управленія потому, что, будучи мѣстами заключенія карательными, они имѣютъ также въ виду, приученіемъ къ работѣ и установленіемъ извѣстнаго строгаго режима, способствовать исправленію тѣхъ изъ заключенныхъ, которые прежде сами зарабатывали свой хлѣбъ и лишь постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ или среды, привыкли обходиться безъ труда ¹⁾ У насъ, въ Россіи, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ощущается потребность въ устройствѣ рабочихъ домовъ еще и потому, что, быть можетъ, нигдѣ не сильна такъ, какъ у насъ, привычка къ бродяжничеству и перемѣнѣ мѣста. Несмотря на строгія мѣры, принимавшіяся правительствомъ какъ въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ въ различные моменты нашей исторіи для противодѣйствія страсти къ бродяжничеству и нищенству, до сихъ поръ еще во многихъ губерніяхъ существуютъ цѣлыя селенія, занимающіяся нищенствомъ, какъ отхожимъ промысломъ. „Побирушки, погорѣльцы, нищерброды, калуны и калики перехожіе“, словомъ, вся нищая братія, занимающаяся протягиваніемъ руки, какъ болѣе или менѣе прибыльнымъ ремесломъ, расходится свободно по всей Россіи, вымалывая и выпрашивая себѣ подаваніе подъ разными предлогами и поводами. (См. изслѣдованіе С. Максимова „бродячая Русь“).

V.

Одновременно съ отнесеніемъ устройства и содержанія рабочихъ домовъ къ числу обязанностей города, самъ собою возникаетъ весьма важный вопросъ о предѣлахъ власти городского общественнаго управленія въ дѣлѣ принудительнаго помѣщенія въ нихъ лицъ, признанныхъ профессиональными нищими, — иными словами, ставится на очередь вопросъ о томъ, кому должна быть ввѣрена карательная власть при опредѣленіи дѣянія, нынѣ признаваемаго преступнымъ и наказуемаго по ст. 49 уст. о нак., нал. мир. суд., — суду, или же городскому общественному управленію, которому принадлежитъ завѣдываніе работнымъ домомъ, являющимся однимъ изъ средствъ въ дѣлѣ борьбы съ профессиональнымъ нищенствомъ. Мы уже высказали свой взглядъ на этотъ предметъ, когда шла

¹⁾ Съ рабочими, или работными домами, преслѣдующими карательно исправительныя цѣли, не слѣдуетъ смѣшивать домовъ трудолюбія, предлагающихъ работу лицамъ, добровольно являющимся за трудовой помощью.

рѣчь о необходимости предоставленія мѣстнымъ попечительствамъ исключительнаго права разбора всѣхъ задерживаемыхъ нищихъ и объ оставленіи карательныхъ функцій исключительно за судебными установленіями. Не такъ разрѣшенъ этотъ вопросъ въ Москвѣ, примѣръ и практика которой, вполне естественно, могутъ оказать влияние и на разрѣшеніе однороднаго вопроса въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что успѣшное выполненіе Московскимъ работнымъ домомъ своей задачи и доведеніе до минимума количества нищихъ, направляемыхъ къ мировымъ судьямъ для возбужденія уголовного преслѣдованія, должны наглядно указывать на значительныя преимущества Московскаго порядка: по отчетнымъ даннымъ 1901 года Московскимъ городскимъ присутствіемъ по разбору и призрѣнію нищихъ было направлено чрезъ полицію въ судъ всего 14 лицъ, противъ 1276 человекъ, преданныхъ суду по распоряженію Николаевскаго комитета въ Петербургѣ; общее-же число задержанныхъ полиціею за публичное прошеніе милостыни въ обѣихъ столицахъ въ 1901 году было приблизительно одинаково—9000 слишкомъ лицъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость Московской думѣ въ томъ, что она всегда энергично высказывалась противъ предоставленія ей карательной власти. Когда предложенный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о передачѣ полномочій Московскаго комитета въ вѣдѣніе города въ 1891 году былъ подвергнутъ обсужденію сначала—въ особой комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, а затѣмъ въ думѣ, то и та, и другая пришли къ одинаковому заключенію, что дѣятельность комитета обнимаетъ собою двоякаго рода функціи: административный разборъ лицъ, захваченныхъ за прошеніе милостыни на улицѣ, и судъ надъ профессиональными нищими, а потому за городскимъ присутствіемъ по разбору нищихъ должна остаться лишь первая изъ этихъ функцій, право же суда надъ нищими не должно быть дано присутствію, такъ какъ предоставленіе такого права административному учрежденію противорѣчило бы духу новыхъ судебныхъ уставовъ. Въ виду этого, въ приговорѣ своемъ отъ 12-го ноября 1891 года, Московская городская дума постановила: выразить согласіе на принятіе въ свое вѣдѣніе дѣла Московскаго комитета для разбора и призрѣнія нищихъ съ тѣмъ, чтобы: 1) во исполненіе возложенной на комитетъ обязанности „изысканія средствъ для уменьшенія нищенства“ и взаимѣнъ состоящихъ при комитетѣ благотворителей и сотрудниковъ—Московскому городскому управленію было предоставлено учреждать въ Москвѣ участковыя попечительства о бѣдныхъ для сбора пожертвованій, раздачи пособій нуждающимся и постояннаго наблюденія за призрѣваемыми, и 2) въ видахъ расширенія, такъ называемаго, сборнаго отдѣленія для содержанія лицъ, задержанныхъ до разбора о нихъ дѣлъ, Московскому городскому управленію было предоставлено право упразднить работный домъ, по несоотвѣтствію его размѣровъ его назначенію и по несогласію положенія о работномъ домѣ съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Эти предположенія Московской думы были, однако, измѣнены Высочайше утвержденнымъ, 29 января

1892 года, положеніемъ комитета министровъ, въ двухъ пунктахъ: 1) на мѣсто комитета по разбору нищихъ было учреждено особое городское присутствіе, на основаніи существующихъ уже городскихъ присутствій по воинской повинности, съ назначеніемъ въ его составъ, сверхъ того, представителей—отъ города, отъ мѣстной столичной полиціи и отъ Московскаго губернскаго земства; названному присутствію и переданы всѣ полномочія комитета—какъ административныя, такъ и судебныя, т. е. право разбора нищихъ, заключенія ихъ на сроки въ работный домъ, высылки изъ Москвы, направленія къ мировымъ судьямъ, и 2) работный домъ предоставлено закрыть лишь по учрежденіи городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Хотя велѣдъ затѣмъ такія попечительства и были образованы и уже „пустили крѣпкіе корни въ городской жизни и приобрѣли характеръ учрежденій постоянныхъ, стали неотъемлемымъ звеномъ въ общемъ строѣ городского самоуправленія“, тѣмъ не менѣе, съ послѣдняго до сихъ поръ еще не снята обязанность содержанія сборнаго отдѣленія и работнаго дома.

VI.

Въ настоящей своей организаціи Московскій городской работный домъ является учрежденіемъ, имѣющимъ цѣлью борьбу съ нищенствомъ въ Москвѣ и оказаніе трудовой помощи безработному населенію столицы.

Лица, забираемыхъ за прошеніе милостыни на улицахъ, полиція приводитъ въ сборное отдѣленіе работнаго дома, и они подлежатъ разбору особаго городского присутствія, которое однихъ изъ нихъ освобождаетъ, другихъ помѣщаетъ въ работный домъ и, наконецъ, къ нѣкоторымъ примѣняетъ репрессивныя мѣры, заключающіяся въ отправленіи нищихъ на родину по этапу, съ проходными свидѣтельствами, въ распоряженіе обществъ и, наконецъ, къ мировымъ судьямъ, на распоряженіе полиціи.

Общее число доставленныхъ полиціею въ 1901 году въ Москвѣ нищихъ было 9394; для ихъ разбора городское присутствіе имѣло 102 засѣданія. Всѣхъ резолюцій присутствія по дѣламъ вновь доставленныхъ и отбывавшихъ срокъ содержанія въ работномъ домѣ нищихъ, по дѣламъ о добровольно явившихся и по прошеніямъ призрѣваемыхъ было 21258, т. е. въ каждомъ засѣданіи разсматривалось въ среднемъ по 208 дѣлъ. Задержанныхъ было уволено изъ работнаго дома безъ послѣдствій 6132, оставлено въ работномъ домѣ 2743, отправлено на родину 429 и, наконецъ, мировымъ судьямъ передано всего 14 лицъ (противъ 1276, направленныхъ Николаевскимъ комитетомъ въ Петербургѣ).

Срокъ содержанія оставляемыхъ присутствіемъ въ работномъ домѣ, съ цѣлью призрѣнія или наказанія за прошеніе милостыни по туеядству, колеблется отъ 1 недѣли до 8 мѣсяцевъ (отч. за 1901 г.).

Приведенныя немногія цифровыя данныя достаточно характеризуютъ хорошія и слабыя стороны Московскаго порядка. Такъ, прежде всего, нельзя не признать совершенно правильнымъ обособленіе сбор-

наго отдѣленія, гдѣ содержатся всѣ вообще задержанные до ихъ разбора, отъ собственно работнаго дома, предназначеннаго быть учрежденіемъ карательно-исправительнымъ для лицъ, уже осужденныхъ за профессиональное нищенство. Но затѣмъ помѣщеніе нищихъ въ работный домъ на долгіе сроки, по опредѣленію присутствія, за дѣявіе, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ (ст. 49 уст. о наказ. нал. миров. суд.) и подлежащее по уставу уголовного судопроизводства судебному разсмотрѣнію, не можетъ быть признано правильнымъ уже по одному тому, что лица, подвергаемая административному разбору, ставятся въ положеніе болѣе тяжкое, нежели привлеченныя къ уголовному суду, и притомъ безъ тѣхъ гарантій, которыя представляютъ судебныя установленія; для полной наглядности стоитъ сравнить тахіишъ тюремнаго заключенія, которое можетъ быть назначено по 49 ст. уст. о нак. судомъ (1 мѣсяць), съ тѣмъ многомѣсячнымъ лишеніемъ свободы въ Московскомъ работномъ домѣ (8 мѣсяцевъ), которое допускается особымъ присутствіемъ по разбору и прирѣшнію нищихъ. Положеніе подвѣдомственныхъ разбору этого учрежденія лицъ еще болѣе отягчается, если принять во вниманіе изумительное число дѣлъ, рѣшаемыхъ присутствіемъ въ одно засѣданіе (208), сущность которыхъ состоитъ въ отдѣленіи лицъ истинно бѣдныхъ отъ нищихъ промышленниковъ. Кто бывалъ въ засѣданіяхъ мѣстныхъ попечительствъ о бѣдныхъ, тотъ хорошо знаетъ, что даже при извѣстномъ знакомствѣ съ просителями, ходатайства которыхъ разсматриваются въ засѣданіяхъ благотворительныхъ обществъ (такъ какъ изъ года въ годъ заявляютъ просьбы лица, въ большинствѣ уже знакомыя членамъ попечительства) отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ 200 слишкомъ прошеній въ одно засѣданіе представляется невозможнымъ. Впрочемъ, съ изданіемъ въ 1903 году новаго уложенія о наказаніяхъ, (ст. 32) распоряженіе объ отдачѣ въ работный домъ виновныхъ въ совершеніи преступленія, вѣдѣствіе тунеядства и привычки къ праздности, предоставлено суду, и потому нынѣ едва-ли возможно настаивать на образованіи въ Петербургѣ особаго присутствія для разбора нищихъ, облеченнаго карательными полномочіями.

VII.

При переходѣ дѣлъ Николаевского комитета въ вѣдѣніе города не послѣднимъ представляется вопросъ о расходахъ, имѣющихъ лѣчь на городскую казну, вѣдѣствіе устройства и содержанія работнаго дома и соединенныхъ съ нимъ учреждений—сборнаго отдѣленія, больницы и проч. Что касается единовременной затраты на первоначальное устройство и оборудованіе помѣщенія, то источникомъ для сего могъ бы служить тотъ значительный капиталъ (свыше 23500 рублей), образовавшійся изъ остатковъ отъ штрафныхъ суммъ, поступившихъ по уголовнымъ дѣламъ столичныхъ мировыхъ судей за прежнее время, который, согласно Высочайше утвержденному, 18-го іюня 1900 года, мѣнью Государственнаго Совѣта, былъ перечисленъ въ депозитъ главнаго тюремнаго

управленія для заимообразнаго обращенія на строительныя тюремныя работы, вызываемая отѣмною ссылкой. Капиталь этотъ позаймствованъ казною подъ условіемъ его возвращенія, въ случаѣ возникновенія потребности въ устройствѣ или расширеніи мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій. Обращеніе штрафнаго остаточнаго капитала на указанную надобность представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что работный домъ имѣетъ свою цѣлью помѣщеніе въ него лицъ, осужденныхъ исключительно мировымъ судомъ, точно также, какъ и арестный домъ, отъ котораго онъ отличается лишь обязательностью работъ и особымъ порядкомъ проступка, совершеннаго обвиняемымъ. Ежегодныя издержки по содержанію работнаго дома, равнымъ образомъ, не требовали бы особыхъ приплатъ изъ общихъ городскихъ средствъ. Дѣло въ томъ, что по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ столицы, ежегодно поступаетъ свыше 120000 руб. денежныхъ взысканій, имѣющихъ специальное назначеніе служить источникомъ для покрытія расходовъ по устройству арестныхъ домовъ. Изъ этихъ денегъ употребляется на упомянутую надобность до 60 тысячъ рублей¹⁾. Если къ образуемому вѣдѣствіе этого остатку отъ 60000 до 70000 руб., прибавить деньги, ежегодно ассигнуемая городскою думою (21500) и государственнымъ казначействомъ (около 10000 р.) въ пособіе Николаевскому комитету, то существованіе работнаго дома въ столицѣ можетъ считаться болѣе чѣмъ обеспеченнымъ: потребность въ ассигнованіяхъ на этотъ предметъ едва ли превыситъ общую сумму помянутаго остатка и производящихся нынѣ городскихъ и государственныхъ казначействами пособій комитету потому, что содержаніе работнаго дома въ Москвѣ, вмѣстѣ съ богадѣльней, приютомъ для хрониковъ, сборнымъ и дѣтскимъ отдѣленіями, вызвало въ 1901 году доплату со стороны города всего въ размѣрѣ 74051 руб., при одинаковомъ почти количествѣ задержанныхъ полиціею за нищенство въ обѣихъ столицахъ (въ Петербургѣ 9806, въ Москвѣ 9394 чел.). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что работами въ Москвѣ вполне окупалось бы содержаніе трудоспособныхъ заключенныхъ, если бы имъ не была выдаваема на руки при освобожденіи значительная часть заработанныхъ ими денегъ.

Резюмируя все сказанное, необходимо придти къ заключенію, что предстоящая передача дѣлъ Николаевского комитета въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія должна вызвать коренную реформу, какъ его полномочій, такъ и его учреждений:

	Поступило.	Израсходовано.
1) Въ 1900 году	125889 р. 21 к.	48959 р. 45 к.
„ 1901 „	122176 „ 5 „	59171 „ 94 „
„ 1902 „	120370 „ — „	55797 „ 7 „

Въ это число включены суммы, поступившія и израсходованныя на содержаніе лицъ, отбывавшихъ наказаніе въ городскомъ арестномъ домѣ по приговорамъ мировыхъ и судебно-административныхъ установленій С.-Петербургскаго уѣзда.

1) въ этой реформѣ нуждается прежде всего основная функция комитета—порядокъ разбора лицъ, задерживаемыхъ за нищенство. Эта функция должна быть ввѣрена мѣстнымъ органамъ, попечительствамъ о бѣдныхъ, такъ какъ изслѣдованіе истинной бѣдности, опредѣленіе степени ея и числа лицъ, нуждающихся въ общественной поддержкѣ, равно какъ опредѣленіе рода помощи и различіе дѣйствительной бѣдности отъ ея симуляціи, составляетъ непосредственную задачу означенныхъ территориальныхъ союзовъ, и только они одни обладаютъ надлежащими средствами для фактическаго осуществленія этой задачи;

2) сборное отдѣленіе, т. е. отдѣленіе для содержанія всѣхъ вообще задержанныхъ за нищенство, должно быть устроено особо отъ собственно рабочаго дома, и, во всякомъ случаѣ, означенныхъ лицъ нельзя помѣщать въ полицейскихъ домахъ, совместно съ арестованными за другія преступленія;

3) право суда и опредѣленіе послѣдствій признанія преступнымъ нынѣ уголовно-наказуемаго дѣянія *нищенства по лѣни и привычкѣ къ праздности*, включая высылку и помѣщеніе виновныхъ въ работный домъ, должно быть предоставлено мировымъ судьямъ, и

4) устройство и содержаніе рабочаго дома, какъ учрежденія карательно-исправительнаго и потому представляющаго одно изъ средствъ борьбы съ профессиональнымъ нищенствомъ, должно быть возложено на городское общественное управленіе, на основаніи правилъ, аналогичныхъ съ закономъ объ арестныхъ домахъ, причѣмъ на постройку, первоначальное обустройство и дальнѣйшее содержаніе рабочаго дома могутъ быть употреблены остатки отъ ежегодныхъ денежныхъ взысканій, поступающихъ по ст. 27 уст. о нак., нал. мир. суд., въ особый капиталъ на устройство мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей, съ истребованіемъ изъ казны обратно суммы, заимообразно полученной въ 1900 году изъ городского казначейства.

Д. Демкинъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

(Засѣд. гражд. касс. деп. 14 января).

IV.

Вправѣ ли пріобрѣтатель имѣнія, въ пользу котораго выговорено въ другомъ имѣннѣ право, оставшееся непоглашеннымъ по ипотекамъ, требовать въ ипотечномъ порядкѣ такого оглашенія, основываясь на свойствѣ выговореннаго права (ст. 11, 18 и 19 ипот. уст.).

По нотаріальному акту о продажѣ Фаустиномъ Мосцицкимъ Витольду Мосцицкому имѣнія Майданъ-Скербешовскій стороны согласились на ограниченіе права собственности 200 морговъ лѣса въ названномъ имѣннѣ въ пользу другого имѣнія продавца, Скербешова, но не проектировали соотвѣт-

ственной статьи въ ипотечный указатель, и такъ-же въ указатель внесена не была. Пріобрѣтѣя впоследствии съ публичнаго торга им., Скербешовъ-Выджга, основываясь на совершенномъ Мосцицкими актѣ, сдѣлалъ заявленіе въ ипотечной книгѣ обремененнаго имѣнія, но ипотечное отдѣленіе отказало въ утвержденіи этого заявленія за отсутствіемъ согласія Витольда Мосцицкаго на внесеніе проектированной Выджгой статьи. По жалобѣ Выджга, Варшавская суд. палата признала, что отсутствіе согласія не можетъ служить препятствіемъ для внесенія статьи, ибо собственникъ обремененнаго имѣнія, согласившись на установленіе ограниченія, не можетъ сопротивляться внесенію онаго въ ипотеку. Необъявленіе по ипотекамъ установленнаго сторонами вещнаго права могло вліять лишь на обязательность этого права для третьихъ добросовѣстныхъ по ипотекамъ пріобрѣтателей но не на дѣйствительность права; Выджга вправѣ поэтому требовать внесенія въ ипот. указатель установленнаго въ пользу его имѣнія ограниченія въ другомъ имѣннѣ и безъ specialнаго согласія собственника послѣдняго. Въ касс. жалобѣ повѣренный Мосцицкаго, прис. пов. Пашковичъ, объяснилъ, что опредѣленіе палаты противорѣчитъ ст. 18 и 19 ипот. уст., по силѣ коихъ проектированіе статей для указателя зависитъ отъ согласія сторонъ; если какое либо условіе договора не помѣшено въ проектированной сторонами статьѣ, то въ этомъ отношеніи нельзя предполагать ошибку, а слѣдуетъ признать, что пробѣлъ произошелъ по волѣ контрагентовъ. Только съ момента объявленія въ ипотечномъ указателѣ договоры, касающіеся ипотечнаго имѣнія, пріобрѣтаютъ, согл. ст. 11 ипот. уст., силу вещнаго права; до этого момента они даютъ пріобрѣтателю лишь право личнаго требованія, коему вещный характеръ можетъ быть приданъ не иначе, какъ по согласію сторонъ.

Повѣренный Выджги, пом. прис. пов. Винаверъ, объяснилъ, что различіе между вещнымъ и личнымъ правомъ, на которомъ построена касс. жалоба, нельзя конструировать въ такой абсолютной формѣ, какъ это дѣлаетъ кассаторъ. Вещное право можетъ принадлежать не только имуществу, но и опредѣленному лицу; въ первомъ случаѣ пріобрѣтатель можетъ непосредственно требовать внесенія ограниченія въ ипотечный указатель обремененнаго имѣнія; во второмъ—такое одностороннее, въ ипот. порядкѣ, внесеніе слѣдуетъ, дѣйствительно, признать невозможнымъ, но оно безусловно возможно въ порядкѣ судебномъ, въ видѣ требованія къ собственнику обремененнаго имѣнія. Если установленное въ пользу имѣнія обремененіе другого имѣнія и не было проектировано въ ипот. указателѣ, то все же пріобрѣтатель имѣнія господствующаго безъ сомнѣнія можетъ добиваться по суду осуществленія своего права, ибо дѣлю сдѣлки являлось пріобрѣтеніе имущества вмѣстѣ съ существующимъ въ его пользу обремененіемъ; необходимо, въ виду этого, чтобы въ рѣшеніи по настоящему дѣлу не былъ предрѣшенъ исходъ возможнаго искового процесса о томъ же правѣ.

Тов. об.-прок. Рейнке полагалъ признать жалобу заслуживающею уваженія въ виду несомнѣннаго нарушенія палатою ст. 18 и 19 ипот. уст. Статьи вносятся въ указатель исключительно по согласію сторонъ; ипотечное начальство наблюдаетъ только за тѣмъ, чтобы въ указателѣ не было внесено больше, чѣмъ установлено сторонами въ договорѣ, но меньше стороны всегда вправѣ внести, и только условленное сторонами можетъ быть внесено.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Варш. суд. палаты, за нарушеніемъ ст. 11, 18 и 19 ипот. устава 1818 г., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же палаты.

V.

Обязан ли хранитель поклажи, в случае смерти депонента, отдать депонированное имущество, помимо наследников, непосредственно частному легатарію, которому поклажа отказана депонентом (ст. 1939 гражд. код.).

Искъ Дзеконской къ Варш. коммерч. банку о взысканіи стоимости хранившагося въ банкѣ депозита ея мужа, завѣщаннаго послѣднимъ истицѣ и выданнаго банкомъ законному наслѣднику депонента, Ивану Дзеконскому, былъ признанъ Варш. суд. палатою подлежащимъ удовлетворенію; палата признала, что, хотя по силѣ ст. 1011 и 1014 гражд. код. вдова, какъ частный легатарій, не вступаетъ непосредственно въ обладаніе отказаннымъ предметомъ, а обязана требовать выдачи его отъ наслѣдника, но правило это не примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, положительно изъявилъ волю, чтобы завѣщанный предметъ былъ выданъ непосредственно легатарію. Не заслуживаетъ уваженія и ссылка банка на исполнит. листъ Варш. окр. суда, по коему Иванъ Дзеконскій былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства послѣ умершаго Дзеконскаго, ибо исполнит. листъ, выданный въ охранительномъ порядкѣ, отнесенъ лишь къ наслѣдованію по закону, и банкъ не имѣлъ права руководствоваться имъ, имѣя на рукахъ извѣщеніе о существованіи духовнаго завѣщанія и зная содержаніе послѣдняго. — Въ касс. жалобѣ и словесномъ объясненіи передъ Правит. Сенатомъ повѣренный банка, прис. пов. Гинзбургъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенія палаты по слѣд. основаніямъ. Выводъ палаты о томъ, что правило ст. 1011 и 1014 гражд. код. можетъ быть отмѣнено завѣщателями, самой палатою основываемый не на законѣ, а на аналогіи съ предоставленіемъ имущества въ распоряженіе душеприказчика (la saisine), представляется произвольнымъ и неправильнымъ. Различая наслѣдниковъ, общихъ и частныхъ легатаріевъ, кодексъ категорически устанавливаетъ, что долевымъ легатаріемъ можетъ требовать завѣщанный ему предметъ только отъ наслѣдника или общаго легатарія, но отнюдь не вправѣ отыскивать легатъ непосредственно отъ третьихъ лицъ; по силѣ ст. 1939 кодекса отданная въ поклажу вещь можетъ быть возвращена, въ случаѣ смерти депонента, „только его наслѣднику“. Банкъ былъ не только вправѣ, но и обязанъ исполнить это указаніе закона, — тѣмъ болѣе, что требованіе Ивана Дзеконскаго подтвердилось выданнымъ ему исполнит. листомъ, о выдачѣ котораго Дзеконская знала и тѣмъ не менѣе въ теченіе болѣе года не обращалась въ банкъ за выдачею депозита.

Повѣренный Дзеконской, прис. пов. Гербертъ ходатайствовалъ объ оставленіи жалобы безъ послѣдствій по слѣд. основаніямъ. Если и согласиться съ касс. жалобой и признать неправильной мотивировку палаты, то все же въ окончательномъ выводѣ рѣшеніе представляется правильнымъ. Истица является въ настоящемъ дѣлѣ не только частнымъ легатаріемъ; какъ вдова, она должна быть признана, какъ это разъяснено Правит. Сенатомъ въ рѣш. 1830 г. № 103, законной наслѣдницей, притомъ имѣющей право на обязательную долю; требованіе ст. 1939 кодекса о выдачѣ депозита „наслѣднику“ не исключало здѣсь, такимъ образомъ, возможности выдачи завѣщанной суммы истицѣ. Соображеніе палаты о необязательности для банка исполнит. листа правильно, ибо онъ былъ выданъ по одностороннему ходатайству Ив. Дзеконскаго, а о наличности завѣщанія банкъ былъ своевременно извѣщенъ.

Тов. об.-прок. Рейнке полагалъ признать жалобу заслуживающею уваженія за нарушеніемъ палатою ст. 1014 и 1939 гражд. код. Невозможность

выдачи депозита непосредственно частному легатарію подтверждается и внутреннимъ смысломъ указанныхъ узаконеній, имѣющихъ цѣлью предупредить обходъ закона объ обязательной долѣ опредѣленныхъ наслѣдниковъ.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе Варш. суд. палаты, за нарушеніемъ ст. 1939 гражд. код., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же палаты.

VI.

Перешло ли къ казнѣ пропинаціонное право на обращенныхъ въ казну подуховныхъ земляхъ, входившихъ въ составъ города, владѣлецъ кого пользовался правомъ пропинаціи (ст. 8 и 39 указа 28 окт. — 9 ноября 1866 г., ст. 17 закона 19 февр. 1864 г.).

На обращенныхъ въ казну и въ 1873 г. розданныхъ крестьянамъ земляхъ Вѣжунскаго римско-католическаго прихода, расположенныхъ на территоріи города (нынѣ посада) Вѣжунь, но внѣ черты городской осѣдлости, казна стала съ 1893 г. сдавать въ аренду право пропинаціи, до тѣхъ поръ осуществлявшееся исключительно собственникомъ имѣнія Вѣжунь, Іосифомъ Около-Кулакъ. Искъ послѣдняго о признаніи за нимъ права пропинаціи на означенныхъ приходскихъ земляхъ, основанный на ст. 8 указа 26 окт. 1866 г. (дн. зак. т. 66, стр. 26), былъ признанъ Варш. суд. палатою не подлежащимъ удовлетворенію въ виду того, что, за силою ст. 39 указа 1866 г. и ст. 17 закона 19 февр. 1864 г., пропинаціонное право истца должно быть признано прекратившимся и перешедшимъ къ казнѣ. Въ касс. жалобѣ и словесномъ объясненіи Правит. Сенатомъ повѣренный Около-Кулака, присяжн. пов. Осецкій ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенія палаты по слѣд. основаніямъ. Законъ 1866 года, устроившій быть польскимъ мѣщанъ, подобно тому какъ зак. 1864 г. освободилъ тамъ крестьянъ, относится исключительно къ мѣщанамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, мѣщанамъ городскимъ; къ встрѣчавшимся же въ городахъ Ц. Польскаго, такъ наз., мѣщанамъ-раскольникамъ, т. е. землепашцамъ, пользовавшимся своими землями titulo precario, этотъ законъ отношенія не имѣетъ, и такіе раскольники, какъ крестьяне, не могли поэтому приобретать пропинаціонное право въ предѣлахъ городскихъ территорій; въ этихъ послѣднихъ право пропинаціи, какъ это категорически установлено ст. 8 зак. 1866 г., „остается за владѣльцемъ“ въ той мѣрѣ, въ какой онъ пользовался имъ ранѣе, а Около-Кулакъ и его праводатели фактически осуществляли исключительное право пропинаціи въ Вѣжунѣ съ незапамятныхъ временъ. О „селеніи крестьянъ“ въ данномъ случаѣ тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь, что на спорной территоріи поселено только 7 крестьянскихъ семей, остальное населеніе составляютъ мѣщане, евреи и др. Отъ крестьянъ право пропинаціи, такъ обр., не могло перейти къ казнѣ. Не могла казна приобрести это право и отъ Вѣжунскаго католическаго прихода, отъ коего земли были конфискованы, ибо бѣлое духовенство никогда правомъ пропинаціи не пользовалось, и казна, очевидно, не можетъ имѣть на конфискованныхъ земляхъ больше правъ, чѣмъ первоначальный ихъ собственникъ. Толкованіе палатою ст. 39 зак. 1866 г. основано на смѣшеніи сельской и городской пропинаціи, и должно быть признано неправильнымъ.

Уполномоченный м-ра финансовъ Серебряковъ объяснилъ, что законъ 1866 г., и въ частн. ст. 39, категорически различаетъ городскія земли, расположенныя внѣ городской осѣдлости, отъ территоріи города въ тѣсномъ смыслѣ слова; только въ этой послѣдней чертѣ право пропинаціи оставлено за владѣльцами; въ подуховномъ же имѣніи Вѣжунь, расположенномъ внѣ черты осѣдлости одноименна-

го посада и никогда не принадлежавшемъ на вотчинномъ правѣ владѣльцу посада, право пропинаціи никоимъ образомъ не можетъ быть признано принадлежащимъ этому владѣльцу. Не существуетъ, сверхъ того, отъ кого право пропинаціи могло перейти къ казнѣ, ибо казна осуществляетъ его въ данномъ случаѣ не самостоятельно, а по представительству отъ крестьянъ.

Тов. об-прок. Рейнке полагалъ признать жалобу заслуживающею уваженія. Право пропинаціи въ Ц. Польскомъ регулировалось въ законодательномъ порядкѣ два раза—въ 1864 г. пропинація сельская была оставлена за крестьянами, а въ 1866 г. городская пропинація оставлена за владѣльцами городовъ и никогда не присваивалась лицамъ, получавшимъ земли; право владѣльцевъ городовъ отнюдь не было при этомъ ограничено городскимъ поселкомъ. Къ настоящему дѣлу безусловно примѣнима по этому ст. 8 зак. 1866 г.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Варш. суд. палаты, за нарушеніемъ ст. 8 и 39 зак. 28 окт. 1866 г., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же палаты

Правительствующій Сенатъ.

Засѣд. угол. касс. деп. 20 января.

I.

Имущественная отвѣтственность желѣзной дороги за вредъ, причиненный противозаконными дѣяніями ея агентовъ.

Кузнецовъ былъ признанъ Рязанскимъ окружн. судомъ и Московскою судебною палатою виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1085 ст. ч. 2, улож. о наказ. и выразившемся въ томъ, что 24-го мая 1901 г. на станціи Богоявленской Рязанско-Уральской желѣзной дор., сопровождая въ качествѣ старшаго кондуктора товарный повоздъ, онъ, завѣдомо, въ нарушеніе желѣзнодорожныхъ правилъ, приваялъ на означенный повоздъ безъ билета пассажира Росина, помѣстивъ его, несмотря на его нетрезвое состояніе на тормазной вагона и затѣмъ, желая разбудить Росина, ударилъ его ногою въ спину, отъ какового неосторожнаго дѣянія Росинъ упалъ съ повозда на землю и получилъ тяжкія поврежденія въ здоровьѣ. Въмѣстъ съ тѣмъ палата утвердила рѣшеніе суда въ той части его, которая касалась удовлетворенія гражданскаго иска Росина къ обществу Рязанско-Уральской дор. въ размѣрѣ 1560 руб. Палата при этомъ исходила изъ того, что по силѣ 650, 683 т. X. ч. 1 желѣзныя дороги отвѣтственны за каждый причиненный при эксплуатаціи дороги ущербъ въ здоровьѣ, если таковой послѣдовалъ по винѣ агента желѣзной дороги, независимо отъ того, составляетъ ли дѣяніе агента преступленіе общаго характера или специально желѣзнодорожнаго. Въ кассационной жалобѣ повѣреннаго гражданскаго отвѣтчика приводятся указанія на неправильно широкое толкованіе 683 ст. т. X ч. 1, ибо въ силу ст. 5 Общ. Уст. Рос. жел. дор. желѣзная дорога отвѣчаетъ лишь за служебныя дѣянія своихъ агентовъ, но не за преступленія общаго характера, не имѣющія никакой связи съ его прямыми обязанностями и вовсе не вытекающія изъ исполненія ихъ. Неправильно, по мнѣнію кассатора, примѣненіе къ данному случаю ст. 1085, ибо послѣдняя относится къ главѣ „о нарушеніи правилъ, установленныхъ для сохраненія путей сообщенія“ и имѣетъ въ виду т. обр. категорію такого рода причиняющихъ поврежденіе здоровья дѣяній, которыя находятся въ непосредственной причинной связи съ

исполненіемъ агентомъ дороги его профессиональныхъ обязанностей.

Опровергая доводы кассатора, повѣренный гражданскаго истца въ объясненіи на касс. жалобу ссылается на рѣшеніе гражд. касс. д-та Правительствующаго Сената по д. Стряпухина ^{1900/75}, коимъ преподано указаніе безусловной отвѣтственности желѣзной дороги за причиненіе агентомъ ея поврежденія въ здоровьѣ независимо отъ того, послѣдовали ли эти убытки отъ того дѣянія, которое входитъ въ кругъ его служебныхъ обязанностей или которое, наоборотъ, было результатомъ его преступной воли.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

II.

Примѣнимость 131^а ст. уст. о наказ. въ Курляндской губерніи.

Мировой судья 4-го участка Газенпотъ-Гробинскаго мирового окр. призналъ Ява Лине виновнымъ по 131^а ст. уст. о нак., такъ какъ Лине оскорбилъ словомъ брата владѣльца имѣнія, въ которомъ онъ служилъ скотникомъ, состоящаго въ то же время управителемъ этимъ имѣніемъ. Газенпотъ-Гробинскій мир. сѣздъ приговоръ судьи отмѣнилъ и дѣло производствомъ прекратилъ, такъ какъ отвѣтственности по 131^а ст. уст. о нак. подлежитъ по жалобѣ хозяина рабочихъ за открытое соединенное съ дерзостью неповиновеніе лицу, коему ввѣренъ надзоръ за рабочими; если же неповиновеніе заключало въ себѣ признаки личнаго оскорбленія, то поступокъ квалифицируется по 130—142 ст. уст. о нак. и обвиненіе возбуждается по жалобѣ потерпѣвшаго. Въ случаѣ съ Лине жалоба за оскорбленіе была принесена не оскорбленнымъ барономъ Александромъ Кейзерлингомъ, а братомъ его, владѣльцемъ имѣнія, барономъ Вильгельмомъ Кейзерлингомъ безъ уполномочія на то потерпѣвшаго.

Но, помимо этого, по мнѣнію сѣзда, вообще 131^а ст. примѣнима лишь къ проступкамъ тѣхъ рабочихъ, которые наняты на службу согласно положенію о наймѣ на сельскія работы (В. У. 12 июня 1886 г. мнѣніе Госуд. Сов.), между тѣмъ при изданіи этого положенія правила его не распространялись на Курляндскую губ., какъ не входившую въ число губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи (примѣч. 1 къ ст. 1 Полож.); теперь же, хотя Курляндская губ. и включена въ эту категорію, однако, не состоялось specialнаго постановленія, коимъ устанавливалось бы примѣненіе въ Курляндской губерніи всѣхъ тѣхъ законовъ, которые не имѣли общей для всей Имперіи силы во время ихъ изданія.

Въ кассационной жалобѣ частнаго обвинителя приводится указаніе, что обвиненіе было возбуждено не за личное оскорбленіе и потому имѣется составъ дѣянія ст. 131^а уст. о нак., примѣненіе же послѣдней въ Курляндской губ. несомнѣнно имѣетъ мѣсто съ введеніемъ въ Курляндской губ. общаго положенія.

Приговоръ отмѣненъ Сенатомъ по нарушенію 18 и 131^а ст. уст. о н.

III.

Можно ли несовершеннолѣтняго преступника, совершившаго дѣяніе, влекущее уголовное наказаніе, при невозможности помѣстить въ прѣютъ или колонію для малолѣтнихъ преступниковъ, отдать подъ отвѣтственный надзоръ родителей?

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Журавлевъ былъ признанъ виновнымъ въ растлѣніи, но дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія. Таганрогскій окр. судъ, обсуждая законныя послѣдствія вердикта, нашелъ, что къ Журавлеву за совершенное дѣяніе должны быть примѣнимы правила, изложенныя въ

137 ст. улож. о нак. Согласно этимъ правиламъ, если несовершеннолѣтнимъ въ возрастѣ отъ 10—17 лѣтъ, совершенно безъ разумѣнія преступное дѣяніе, за которое полагается уголовное наказаніе, то его, въ случаѣ невозможности помѣстить въ исправительный пріютъ или колонію, подлежитъ заключить не долѣе какъ до наступленія 18-лѣтняго возраста въ особые помѣщенія, устроенныя при тюрьмѣ или домахъ для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей. Окружный судъ нашель помѣщеніе Журавлева, обнаружившаго положительное слабоуміе и крайнее невѣжество, для исправленія въ колонію малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ мало цѣлесообразнымъ и справедливымъ и постановилъ за лучшее отдать его подъ отвѣтственный надзоръ его родителей. На этотъ приговоръ прокуроръ принесъ кассационный протестъ Правит. Сенату, указывая въ немъ, что судъ, не имѣя возможности помѣстить Журавлева въ колонію, могъ, на точномъ основаніи ст. 137 улож. о нак. лишь заключить его въ особое помѣщеніе при тюрьмѣ или арестномъ домѣ, но никакъ не замѣнить это наказаніе отдачею подъ отвѣтственный надзоръ родителей.

Приговоръ суда отмѣненъ въ части, касающейся отвѣтственности Ж., за неправильнымъ примѣненіемъ 137 ст. ул. о в.

Архангельскій окружный судъ.

(Дѣло о вооруженномъ сопротивленіи полиціи и о покушеніи на убійство).

(Отъ нашего корреспондента).

20 сентября 1903 г., въ г. Архангельскѣ лишенный всѣхъ особенныхъ лучно и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ мѣщанинъ Алексѣй Александровичъ Мезенцевъ оказалъ при арестованіи вооруженное сопротивленіе чинамъ городской полиціи и, съ цѣлью лишить жизни, произвелъ три выстрѣла изъ револьвера въ пожарнаго служителя Дмитрія Бабкина. При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи Дмитрія Бабкина у него обнаружены были двѣ поверхностныя раны въ видѣ контузіи въ полости живота и одна рана на лѣвой сторонѣ груди, въ области шестого ребра, въ формѣ каналообразнаго отверстія, глубиною въ четыре сантиметра, на днѣ котораго нащупывается зондомъ пуля. Согласно заключенію эксперта врача, всѣ эти раны слѣдуетъ отнести къ разряду легкихъ.

На предв. слѣдствіи выяснилось слѣдующее. Вывѣшій корнетъ запаса армейской кавалеріи, изъ потомственныхъ дворянъ Нижегородской губ., Алексѣй Александровичъ Мезенцевъ за два мошенничества на сумму свыше 300 р., по приговору С-Петербургскаго окружнаго суда, вошедшему въ законную силу 27 января 1899 г., по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, былъ сосланъ на житье въ Архангельскую губ., съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. По прибытіи въ ссылку 7-го апрѣля 1899 г. Мезенцевъ водворенъ былъ подъ надзоръ полиціи въ г. Архангельскѣ и опредѣленіемъ Арх. каз. палаты отъ 21 мая 1899 г. приписанъ къ мѣщанамъ города Архангельска. Затѣмъ, 7 июля 1903 г., согласно предложенію губернатора, состоялось распоряженіе губ. правленія о водвореніи М. подъ надзоръ полиціи въ г. Холмогоры за неблаговидную картежную игру. Этому распоряженію М. добровольно не подчинился, а когда такое было приведено въ исполненіе полицейскими мѣрами, онъ сталъ самовольно отлучаться въ гор. Архангельскѣ.

11 сентября 1903 г. за № 371 Холмог. у. исправникъ сообщилъ Арх. полицеймейстеру, что М. скрылся изъ-подъ полицейскаго надзора и просилъ задержать его и выслать въ г. Холмогоры. Исполненіе этого требованія полицеймейстеромъ поручено было приставу 1 части г. Архангельска, Иванову. 18 сентября Мезенцевъ снова самовольно пріѣхалъ въ г. Архангельскѣ и при встрѣчѣ съ приставомъ Ивановымъ и околот. надзирателемъ Доможировымъ, жалуюсь на отношеніе къ нему губернатора и придирки полицеймейстера Губскаго, требующихъ возвращенія его въ Холмогоры, предупредилъ ихъ, чтобы они не принимали участія въ насильственномъ водвореніи его изъ г. Архангельска и при этомъ пояснилъ, что ему жалъ оставлять ихъ дѣтей сиротами, „пусть явится Губскій“, добавилъ М. въ разговорѣ съ приставомъ, „я убью его“. 20 сентября, по распоряженію полицеймейстера, приставъ Ивановъ, около 9 час. вечера, командировалъ для задержанія М. околот. надзирателей Еромоленко и Погребняка съ тремя городовыми. Когда эти чины полиціи прибыли въ квартиру М., то застали его раздѣтымъ и лежащимъ въ постели, причемъ въ правой рукѣ у него былъ револьверъ, а изъ-подъ подушки виднѣлся ножъ. На приглашеніе слѣдовать въ полиц. управленіе М. отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и угрожалъ застрѣлить или зарѣзать перваго, кто подойдетъ къ нему. Околот. надзиратель Погребнякъ отправился къ приставу и доложилъ ему о сопротивленіи и угрозахъ М. Ивановъ, желая заставить М. добровольно выполнить свое распоряженіе, командировалъ околот. надзирателя Ручьевскаго, бывшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ М. По словамъ Ручьевскаго, когда онъ вошелъ въ квартиру М., то тотъ, лежа на постели, предупредилъ его, чтобы онъ не подходилъ близко и, показывая револьверъ, сказалъ: „мнѣ жалъ васъ, зачѣмъ посылать невинныхъ людей на вѣрную смерть“. Такими же угрозами встрѣтилъ М. вскорѣ прибывшаго пристава Иванова и околот. надзирателя Доможирова. Видя всю безуспѣшность уговоровъ, Ивановъ приказалъ пожарному служителю Бабкину взять М.; тотъ двинулся къ нему. М., приподнявшись на постели, прицѣлился въ грудь Бабкина, но револьверъ далъ осѣчку; тогда Бабкинъ бросился къ М. и когда уже находился отъ него въ разстояніи одного шага, то раздался выстрѣлъ, затѣмъ еще два выстрѣла и при каждомъ выстрѣлѣ М. приговаривалъ: „вотъ тебѣ разъ, вотъ тебѣ два“. Вслѣдъ затѣмъ городской Еремченко бросился на помощь къ Бабкину, и когда они вдвоемъ старались обезоружить М., то послѣдовалъ четвертый выстрѣлъ, которымъ М. самъ легко былъ раненъ въ правое бедро. Послѣ этого М. былъ обезоруженъ и отправленъ въ тюремную больницу.

Вышеизложенное удостовѣрили въ соответствующихъ частяхъ свидѣтели, чины полиціи: Бабкинъ, Ивановъ, Еромоленко, Погребнякъ, Ручьевскій, Доможировъ, Еремченко и Косаревъ.

Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго М. призналъ себя виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи, но отрицалъ намѣреніе лишить жизни Бабкина и въ свое оправданіе объяснилъ, что два года тому назадъ онъ отбылъ назначенный ему судомъ срокъ обязательнаго пребыванія подъ надзоромъ полиціи въ мѣстѣ, которое было указано администраціей, а потому считалъ себя вправѣ проживать въ любомъ поселеніи въ Архангельской губ., а выдвореніе его изъ Архангельска въ Холмогоры объяснялъ придирчивымъ отношеніемъ къ нему со стороны административныхъ властей. Въ ночь на 18 сентября онъ безъ разрѣшенія пріѣхалъ въ Архангельскѣ; 20 сентября днемъ въ Троицкой гостинницѣ, обѣдая вмѣстѣ съ приставомъ Ивановымъ, предостерегъ его, что у него есть револьверъ, и что въ случаѣ насилія онъ будетъ обороняться. Не смотря на это предостереже-

віе, въ тотъ же день часу въ девятомъ вечера, когда онъ только что вернулся изъ бани и съ головной болью легъ въ постель, въ его квартиру явились Ермоленко и Погребнякъ и потребовали, чтобы онъ шелъ въ часть; онъ отвѣтилъ, что боленъ, просилъ приехать доктора для осмотра и потому отказался пойти, а если его возьмутъ силой, то онъ будетъ обороняться. Тогда явился приставъ Ивановъ съ толпой полицейскихъ и стала кричать, чтобы его вели въ полицію. Онъ предупредилъ пристава, что не позволитъ взять себя силою и будетъ обороняться револьверомъ, а потому, когда на него набросились, чтобы взять силой, то онъ сталъ стрѣлять, но ни въ кого не цѣлясь, держа револьверъ вверхъ и ранилъ Бакина случайно.

При предъявленіи окончательнаго слѣдствія, М. заявилъ, что не признаетъ себя виновнымъ ни въ вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи, ни въ покушеніи на жизнь Бакина, такъ какъ считаетъ, что онъ при арестованіи находился въ состояніи необходимой обороны отъ насилія чиновъ полиціи. Дѣло слушалось 29 декабря.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта приступлено было къ разбирательству дѣла. Защитникъ, пр. пов. С. А. Зарудный просилъ вызвать въ качестве свидѣтеля вице-губернатора фонъ-Лилленфельдъ Толь. Прокуроръ былъ противъ приглашенія. Судъ отказалъ защитѣ въ этой просьбѣ.

Опросъ свидѣтелей начался показаніями пожарнаго Бакина, который разсказалъ. „Меня призвалъ приставъ взять человѣка. Гдѣ взять—не сказалъ. Я пошелъ на М. полнымъ шагомъ. Первый выстрѣлъ,—я былъ на немъ. Первый выстрѣлъ,—у постели, укололъ. Я все время лежалъ на немъ“.

Обвиняемый Мезенцевъ.—Я выстрѣлилъ на воздухъ. Осѣчка. Бакинъ бросился на меня, а потомъ и другіе. Я выстрѣлилъ, когда онъ былъ на мнѣ.

Свидѣтель приставъ 1-ой ч. г. Архангельска Ивановъ разсказываетъ о событіи такъ, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ.

Предсѣдатель суда спрашиваетъ Иванова, не обидѣлъ ли онъ, какъ говоритъ М., 19-го сентября вмѣстѣ съ М. въ Троицкой гостиницѣ. Ивановъ отвѣчаетъ, что это неправда.

Защитникъ С. А. Зарудный—Не были ли вы въ отдѣльномъ кабинетѣ въ Троицкой гостиницѣ? Ивановъ—Да. Зарудный—яичницу ѣли, и за однимъ столомъ съ Мезенцевымъ? Ивановъ—Да.

Кромѣ Иванова и Мезенцева, въ отдѣльномъ кабинетѣ никого не было,—сообщаетъ Ивановъ.

Экспертъ врачъ заявилъ, что нельзя положительно сказать, что М. стрѣлялъ въ Бакина на разстояніи одного шага. Наоборотъ, можно утверждать, что М. стрѣлялъ тогда, когда на него набросились.

Приставъ Ивановъ показалъ, что во время выстрѣловъ Мезенцевъ говорилъ: „Вотъ тебѣ разъ, вотъ тебѣ два“!.. Прочіе свидѣтели этого показанія не подтверждали.

Новыя показанія, сравнительно съ предв. слѣдствіемъ, далъ околотоchnый надзиратель Погребнякъ.—Приставъ Ивановъ слѣдлалъ распоряженіе объ арестѣ М. Пошли на квартиру къ М. Затѣмъ я возвратился въ часть и сообщилъ Иванову, что Мезенцевъ требуетъ прокурора и доктора и рѣшительно отказывается слѣдовать въ полицейское управленіе. Тогда Ивановъ сталъ переговаривать съ полицеймейстеромъ по телефону относительно ареста М. Послѣдній сказалъ по телефону: „Оставьте до утра“. Но приставъ Ивановъ сказалъ: „Первая часть да чтобы не ваяла“!.. И призвалъ пожарнаго Бакина, вмѣстѣ съ которымъ и околотоchnымъ надзирателемъ Доможировымъ, а также съ другими чинами полиціи отправились на квартиру къ М.

Погребнякъ добавилъ, что М. сказалъ, когда къ нему пришли для арестованія его, слѣдующія слова: „если не буду брать силой, не стану стрѣлять“.

Въ виду того, что Погребнякъ сообщилъ новое

обстоятельство, прокуроръ проситъ допросить пристава Иванова въ присутствіи Погребняка.

Ивановъ.—На мой запросъ по телефону, что дѣлать съ Мезенцевымъ, полицеймейстеръ отвѣтилъ: „До утра отложить нельзя, взять сейчасъ же“.

Погребнякъ.—Нѣтъ. Стою на своемъ, т. е. полицеймейстеръ сказалъ „оставить до утра“.

С. А. Зарудный въ виду такихъ разногласій ходатайствуетъ о привлеченіи полицеймейстера Губскаго въ качестве свидѣтеля.

Прокуроръ Грековъ рѣшительно отклоняетъ это предложеніе.

Судъ уходитъ для совѣщанія по этому поводу и выносить отказъ въ ходатайствѣ защиты на томъ основаніи, что это обстоятельство не ново.

Изъ допроса свидѣтелей выясняется еще, что въ квартирѣ М. почти не было мебели, стояли чемоданы и корзины. Однимъ словомъ, обстановка квартиры была такова, что хозяинъ ея какъ-бы собирался уѣхать въ скоромъ времени.

Хозяинка квартиры Мезенцева.—Въ 12 часовъ дня 20-го сентября возвратился М. отъ губернатора и сказалъ ей, что не оставяетъ его въ г. Архангельскѣ, придется уѣхать въ г. Холмогоры. Въ тотъ день былъ боленъ и всѣмъ околотоchnымъ говорилъ, что онъ боленъ. Вещи свои въ г. Холмогоры отправилъ М. 19-го числа.

Мезенцевъ—7-го апрѣля 1899 г., я прибылъ въ г. Архангельскъ, гдѣ и былъ администраціей водворенъ на мѣсто жительства. За все пребываніе здѣсь до минувшаго года у меня съ администраціей никакихъ столкновеній не было, никакихъ жалобъ на меня не поступало. Поведеніе мое было безусловно, какъ видно изъ отзывомъ прежде бывшаго губернатора, такъ и настоящаго. Съ назначеніемъ на должность полицеймейстера Губскаго и пристава Иванова, положеніе дѣлъ измѣнилось. Тогда, по выраженію полицеймейстера, произошли чистка, перетасовка, высылка изъ губерніи разныхъ лицъ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что я, якобы самовольно отлучился въ Пинегу, г. полицеймейстеръ опорочилъ меня и исходатайствовалъ выслать меня въ г. Колу. Одновременно привлекъ меня къ отвѣтственности по 63 ст. ул. о нак. Но судъ, не находя состава преступления самовольной отлучки, меня оправдалъ. Полицеймейстеръ не удовольствовался этимъ, сталъ усиленно хлопотать о высылкѣ и только благодаря заступничеству официальныхъ лицъ, увѣрившихъ губернатора въ моей благонадежности, высылка меня была приостановлена. Одновременно съ этимъ мною было подано всеподданнѣйшее прошеніе съ ходатайствомъ о переводѣ меня въ другую губернію по причинѣ суроваго климата Архангельской губерніи, который скверно вліяетъ на мое здоровіе. При личномъ свиданіи г. губернаторъ обѣщалъ дать мнѣ хорошую аттестацию и не ставить никакихъ препятствій къ переводу. Въ концѣ мая я получилъ повѣстку отъ полицеймейстера, который увѣдомляетъ, что я немедленно долженъ выѣхать въ г. Колу. Я отправился къ губернатору, губернаторъ поставилъ мнѣ на видъ, что я его обманулъ, что я ходатайствую не о переводѣ, а объ общемъ помилованіи. Тогда я отправился къ прокурору, взялъ справку, изъ коей было видно, что губернаторъ былъ введенъ въ заблужденіе полицеймейстеромъ, настоятельно добивавшася высылки меня изъ своихъ личныхъ интересовъ. Губернаторъ распоряженіе отменилъ уже въ 3-й разъ, и предоставилъ право мнѣ избрать самому уѣздъ. Полицеймейстеръ не переставалъ меня преслѣдовать разными придирками въ театрѣ, циркѣ. Не признавая права за губернаторомъ высылать меня, т. к. я уже отбылъ срокъ безотлучнаго пребыванія и водворенъ въ г. Архангельскѣ, я 25-го іюня подалъ жалобу на дѣйствія губернатора и полицеймейстера въ 1-ый департаментъ Прав. Сената. Какъ то разъ послѣ этого, выходя изъ квар-

тиры, я былъ задержанъ тремя городскими безъ всякаго съ моей стороны повода и препровожденъ къ г. полицеймейстеру, который началъ кричать на меня, ругаться и объявилъ, что онъ арестуетъ при полици на 2 дня якобы за неявку на его зовъ въ полицейское управленіе. Не признавая права за нимъ подвергать меня аресту, я просилъ у него разрѣшенія переговорить сначала съ г. вице-губернаторомъ, исполнявшимъ тогда обязанности губернатора. Но г. полицеймейстеръ приказалъ меня взять силой. На меня набросились городские и пожарные. Я случайно вырвался отъ нихъ и бросился бѣжать съ непокрытою головою черезъ площадь въ губернское правленіе къ вице-губернатору. Меня преслѣдовали городские и пожарные во главѣ съ окол. надзирателемъ, а полицеймейстеръ, стоя у окна, кричалъ: „Держи его, держи!“ Прибѣжавши къ вице-губернатору, я просилъ его защитить меня. Вице-губернаторъ отмѣнилъ распоряженіе г. полицеймейстера объ моемъ арестѣ. Вскорѣ пришелъ мнѣ отвѣтъ на прошеніе, поданное на Высочайшее имя. По прошествіи 3-хъ недѣль, я выбылъ добровольно въ г. Холмогоры. Увѣжая въ г. Холмогоры, я обратился къ г. вице-губернатору съ просьбой похотѣйствовать за меня передъ г. губернаторомъ, чтобы меня возвратили въ г. Архангельскъ, такъ какъ я жертва несправедливаго пристрастія со стороны г. полицеймейстера. Въ ночь на 18-е сентября, узнавши, что губернаторъ вернулся изъ отпуска, я поѣхалъ въ г. Архангельскъ, извѣстивши объ этомъ исправника. По пріѣздѣ сюда, я тотчасъ же извѣстилъ пристава Иванова о своемъ прібытіи. 19-го сентября я былъ у г. вице-губернатора, у г. губернатора и просилъ послѣдняго оставить меня въ г. Архангельскѣ. Г. губернаторъ отвѣтилъ, что отвѣтъ дастъ мнѣ черезъ г. вице-губернатора. Объ этомъ я тотчасъ же сообщилъ г. вице-губернатору. Возвращаясь домой, я случайно встрѣтилъ пристава Иванова, который увлекъ меня въ Троицкую гостиницу, гдѣ мы обѣдали въ отдѣльномъ кабинетѣ, внушилъ мнѣ мысль, что не у губернатора и вице-губернатора искать мнѣ защиты, а у него и полицеймейстера и что ключъ къ тому всѣмъ коммерческимъ людямъ извѣстенъ“. Я сказалъ ему: „я вамъ не вѣрю“, и мы разошлись домой около 4-хъ часовъ. Придя домой, я началъ складывать вещи и готовиться къ отъезду въ г. Холмогоры, такъ какъ не надѣялся, что мнѣ разрѣшатъ остаться въ г. Архангельскѣ. 20-го сентября я былъ у вице-губернатора, но отвѣта отъ губернатора еще не было. Я рѣшилъ 21-го утромъ ѣхать въ г. Холмогоры, но вечеромъ произошла исторія.

Послѣ рѣчей прокурора и защитника судъ приговорилъ обвиняемаго, за оскорбленіе дѣйствіями должностнаго лица, за нарушеніе тишины и порядка, за нанесеніе легкихъ ранъ, къ 2 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Хроника.

Министръ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ уволенъ по прошенію отъ должности и назначенъ сенаторомъ.

Прав. Сенатъ вновь подтвердилъ, что, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената (указы: 5-го апрѣля 1894 г. № 2345 и 2346, 18 декабря 1898 г. № 6326, 7 мая 1899 г. № 1992), въ сельскихъ обществахъ, состоящихъ изъ 3-хъ домохозяевъ, споры о передѣлѣ мірской земли подлежатъ разрѣшенію суда.

По разъясненію Сената, опредѣляемая дѣйствующими о преимуществахъ службы въ губерніяхъ Царства Польскаго (ст. 43, 44, 48 и др. св. зак. т. III, изд. 1896 года) постановленіями денежныя выдачи и пособія для чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ городскихъ учрежденіяхъ, должны быть относимы на собственные средства городовъ, при чемъ въ законѣ не содержится указанія на то, чтобы отпускъ денежныхъ суммъ производился съ согласія городскихъ магистратовъ (18/IX).

Прав. Сенатъ разъяснилъ, что всѣ лица, баллотированія на дворянскихъ выборахъ въ данную должность, безъ всякаго различія между самими должностными лицами и кандидатами, замѣстителями, непременно должны быть избираемы не иначе, какъ въ одномъ собраніи и при одномъ составѣ избирателей (10/XI/11560).

„Спб. В.“ пишутъ изъ Одессы: сорокалѣтіе введенія „положенія о земскихъ учрежденіяхъ“ 1864 г. предполагаютъ у насъ ознаменовать устройствомъ юбилейной земской выставки, которая бы наглядно представила состояніе главныхъ отраслей земскаго хозяйства: земскую медицину и ветеринарію, земскую школу, дорожное хозяйство и т. д. Одновременно съ выставкой будетъ организованъ губернской сѣздъ земскихъ врачей и представителей земствъ Херсонской губ. На выставкѣ будутъ экспонироваться діаграммы и картограммы, рисующія положеніе санитарно-медицинскаго дѣла въ Херсонской губ. Съ этою цѣлью будутъ выставлены больничныя койки принятаго въ уѣздѣ типа, больничное бѣлье, хирургическіе инструменты и т. д.

Юбилейная выставка по народному образованію будетъ приурочена къ сорокалѣтію земской народной школы (августъ 1905 г.). Предполагается устроить эту выставку приблизительно по программѣ Курской выставки 1902 г., конечно, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ школьной жизни. Одновременно съ выставкой будетъ созванъ сѣздъ дѣятелей по народному образованію.

Вѣтшкольному образованію, получившему широкое примѣненіе въ Херсонской губ., будетъ отведено на юбилейной выставкѣ значительное мѣсто.

„Р. В.“ сообщаетъ, что недавно закончила свои занятія комиссія, работавшая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ о чертѣ еврейской осѣдлости и нѣкоторымъ другимъ, касающимся лицъ еврейскаго исповѣданія. Комиссія состояла изъ нѣсколькихъ приглашенныхъ въ нее губернаторовъ, градоначальниковъ Петербурга и Одессы и помощника Московскаго оберъ-полицеймейстера. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи Оболенскій, бывшій Харьковскій губернаторъ.

По слухамъ, министерствомъ вн. дѣлъ составлена была записка, проектировавшая рядъ дальнѣйшихъ стѣпеней правъ евреямъ, но комиссія высказалась противъ этого.

По поводу экстраординарныхъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ Тверскому земству и не предусмотрѣн-

ных положеніемъ о земск. учр. ни нынѣшнимъ, ни первоначальнымъ, „Р. В.“ напоминаютъ, что правительство прибѣгло къ нимъ и ранѣе: со времени введенія въ дѣйствіе положенія 1 янв. 1864 г. было два случая закрытія земск. учреждений и возложенія ихъ обязанностей на правительственные органы. Въ 1867 г. были закрыты земскія учрежденія Петербургской г., въ 1888 г. были приостановлены дѣятельность у. земской управы и созывъ очередныхъ з. собраний и избирательныхъ съѣздовъ въ Череповецкомъ у. Новг. губ. Первая мѣра мотивировалась тѣмъ, что „Спб. губ. з. собраніе съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствуетъ несогласно съ закономъ и вмѣсто того, чтобы, подобно з. собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высоч. дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о вѣрнныхъ ему с. хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣль и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недоверія и неуваженія къ правительству“. Черепов. земство обвинялось Новгор. губернаторомъ въ „систематическомъ, болѣе 10 лѣтъ, противодѣйствіи правит. распоряженіямъ, учрежденіямъ и лицамъ, что внесло смуту и неурядицы во всѣ отрасли земской дѣятельности, разнузданность нравовъ, усиленіе всѣхъ видовъ произвола, несоразмѣрное увеличеніе числа преступленій, упадокъ порядка и благосостоянія“. Эти обвиненія поддержала и командированная на мѣсто правительственная комиссія, которая нашла, что Череп. з. собраніе и управа „задались цѣлью устранить всякій надзоръ за своею дѣятельностью и пріобрѣсти исключительное вліяніе на народъ“, а „въ то же время собственное земское хозяйство оказалось запущеннымъ“. Въ обоихъ случаяхъ приостановка дѣятельности з. учреждений сопровождалась высылкой земскихъ дѣятелей: въ первомъ былъ высланъ въ Оренбургъ предсѣдатель губ. управы, покойный Н. Ѳ. Крузе, во второмъ „министръ вн. д. гр. Толстой сдѣлалъ распоряженіе объ административной высылкѣ изъ предѣловъ Новг. г. указанныхъ комиссіей четырехъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Череповецкаго земства¹⁾“.

Въ уфимской думѣ былъ прочитанъ докладъ „о возбужденіи ходатайства передъ высшимъ правительствомъ о пересмотрѣ каталога запрещенныхъ для обращенія въ общ. бібліотекахъ періодическихъ изданій и книгъ“. Въ списокъ „запрещенныхъ“ книгъ упоминаются сочиненія Короленко, Гаршина, Михайловскаго, Добролюбова, Писарева и др. Докладъ принять единогласно. (Ю. Кур.).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія финл. г.-губернатора, 8 (21-го) января 1904 года Высоч. повелѣтъ соизволилъ, чтобы въ залахъ, служавшихъ для засѣданій или собраний правительственныхъ, судебныхъ или общественныхъ учреждений, а также въ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщеніе портретовъ или изваяній, кромѣ особъ

¹⁾ По слухамъ, послѣдовало распоряженіе о высылкѣ нѣсколькихъ видныхъ земскихъ дѣятелей изъ предѣловъ Тверской губ.

Россійскаго Императорскаго Дома, допускалось не иначе какъ съ разрѣшенія генераль-губернатора. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было уполномочить финл. г.-губернатора распорядиться удаленіемъ изъ залъ указанныхъ выше мѣстъ и тѣхъ имѣющихся уже въ нихъ изображеній, относительно которыхъ г.-губернаторъ признаетъ это необходимымъ.

Это повелѣніе, по словамъ „Финл. Газ.“, вызвано тѣмъ, что „до свѣдѣнія финляндскаго генераль-губернатора было доведено, что въ залѣ гельсингфорскаго магистрата, въ которомъ происходятъ засѣданія городскихъ гласныхъ и ратгаузскаго суда, за предсѣдательскимъ кресломъ, повѣшенъ на стѣнѣ большой, писанный масляными красками, портретъ Лео Мехелина, пребывающаго нынѣ виѣ предѣловъ Финляндіи въ ряду другихъ лицъ, коимъ пребываніе здѣсь воспрещено.“

По справкамъ оказалось, что портретъ находится здѣсь по неутвержденному никѣмъ постановленію городскихъ гласныхъ, въ ознаменованіе дѣятельности Мехелина въ качествѣ ихъ предсѣдателя.

По сообщенію „Ф. Газ.“, существующая въ городѣ Або, подъ фирмою Вибергъ, кондитерская съ кафе-рестораномъ при ней давно уже пользовалась дурною славою, какъ излюбленное мѣсто **сборищъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ.**

Недавно вечеромъ кафе посѣтили двое изъ вновь назначенныхъ служащихъ аб. гофгерихта, которымъ содержателемъ кафе, отставнымъ шт.-капитаномъ упраздненныхъ финскихъ войскъ Вибергомъ, было, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, предложено удалиться и болѣе никогда не переступать порога его заведенія.

Попытки бойкота противъ новыхъ чиновъ гофгерихта, замѣстившихъ собою уволенныхъ по Высоч. повелѣнію, неоднократно уже повторялись, и г. або-б. губернаторъ даже счелъ необходимымъ предупредить содержателей общественныхъ въ городѣ заведеній, что новое повтореніе подобныхъ случаевъ повлечетъ за собою ихъ закрытіе.

Поэтому, и особенно въ виду того, что въ данномъ случаѣ нарушеніе порядка было допущено не посѣтителями, а самимъ хозяиномъ ресторана, начальникъ губерніи, въ интересахъ огражденія общественнаго въ ней спокойствія, вошелъ къ г.-губернатору съ представленіемъ о примѣненіи къ заведенію г. Виберга мѣры, установленной п. а ст. 1-й Высоч. постановленія 20 марта (2 апрѣля) 1903 г. о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи госуд. порядка и обществ. спокойствія.

Г.-губернаторъ, въ силу предоставленнаго Его Высокопревосходительству означеннымъ узаконеніемъ права, разрѣшилъ закрыть упомянутое заведеніе срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

Полтавскимъ губернаторомъ, на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію госуд. порядка и обществ. спокойствія, издано 13 янв. 1904 г. слѣдующее обязательное постановленіе.

1) Обывателямъ городовъ: Полтавы, Кременчуга, Лубенъ, Константинограда, Переяслава и ихъ уѣз-

довъ, какого-бы званія и состоянія они ни были, воспрещается всякое **вмѣшательство въ дѣйствія и распоряженія чиновъ полиціи.**

2) Виновные въ нарушеніи сего обязательнаго постановленія привлекаются къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ (ст. 16 полож. о мѣрахъ къ охраненію госуд. порядка и обществ. спокойствія), съ наложеніемъ взысканій, не превышающихъ трехмѣс. ареста или же штрафа въ 500 р. (ст. 15 того-же положенія).

(П. В.).

Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ опубликовано для жителей г. Сумъ и Сумскаго уѣзда постановленіе начальника губерніи, коимъ воспрещаются всякія **недозволенные сходбища и собранія**, а хозяевамъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, равно арендаторамъ и управляющимъ оными вмѣняется въ обязанность внимательно слѣдить за недопущеніемъ среди рабочихъ распространителей вредныхъ ученій и всякаго рода волнующихъ общественное спокойствіе слуховъ и, въ случаѣ появленія таковыхъ, немедленно извѣщать полицію, стараясь не упускать подозрительныхъ лицъ изъ-подъ своего наблюденія и по возможности сохранять доказательства преступленія, каковыми могутъ быть запрещенныя книги, рукописи и т. п.; воспрещается **всѣмъ** распространеніе слуховъ о могущихъ произойти безпорядкахъ и волненіяхъ, расклеиваніе о томъ объявленій и разсылка писемъ.

Въ „Придн. Краѣ“ напечатано объявленіе Екатериносл. губернатора.

„**Къ рабочимъ** дѣйпровскаго завода. Неразумными и ничѣмъ не оправдываемыми безчинствами вчерашняго вечера нѣкоторое число рабочихъ дѣйпровскаго завода причинило значительныя поврежденія какъ заводу, такъ и собственности рабочаго населенія. Независимо отъ разгрома и сожженія заводскаго имущества, шальная толпа разорила многія рабочія семьи, разграбивъ и уничтоживъ лавки и складъ общества потребителей, участниками котораго состоятъ сами рабочіе, и этимъ нанесла послѣднимъ убытокъ, болѣе, чѣмъ 200.000 р.

Вывѣшиваніе объявленія о предполагавшемся съ 1 января измѣненіи платы по нѣкоторымъ работамъ въ доменномъ отдѣленіи, очевидно, не могло быть причиною, а послужило только предлогомъ къ происшедшимъ безобразіямъ, такъ какъ существовали иные законные пути къ выраженію неудовольствія новыми расцѣнками или къ отказу отъ работы при новыхъ условіяхъ. Цѣль нѣсколькихъ безшабашныхъ сорвиголовъ была произвести, во что бы то ни стало, безпорядокъ. Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, весьма возможно, что поплатятся за эти безпорядки не главныя виновники и зачинщики, которые успѣютъ скрыться, заматавъ свои слѣды, а люди, увлеченные ими къ преступнымъ дѣйствіямъ по недомыслию.

Не довольствуясь причиненными уже несчастіями, незначительная по числу, но сильная своею безсовѣтностью, группа злонамѣренныхъ пытается разными угрозами помѣшать спокойнымъ и разсудительнымъ рабочимъ снова приступить къ работамъ. Послѣдствіемъ

такихъ дѣйствій, если они удадутся, будетъ дальѣйшее разореніе рабочихъ, семьи коихъ къ наступающимъ праздникамъ останутся безъ хлѣба.

Съ моей стороны будутъ приняты мѣры къ обузданію негодяевъ. Я не допущу, чтобы нѣсколько безвозглыхъ мальчишекъ помѣшали честнымъ труженикамъ добывать своею работою необходимыя средства къ жизни своихъ семей. Приглашаю поэтому болѣе разумныхъ рабочихъ не давать себя устрасать угрозами безсмысленнаго меньшинства“.

Намъ телеграфируютъ, что въ Уфѣ 23 января началось слушаніемъ дѣло о рабочихъ **безпорядкахъ** въ Златоустѣ. Подсудимыхъ (всего 34, въ томъ числѣ 5 женщинъ) защищаютъ прис. повѣренные: изъ Петербурга Бартъ и Федосеевъ, изъ Москвы—Мандельштамъ и мѣстные—Гутопъ, Свенцицкій, Спасскій и Шейкманъ. По ордеру министра юстиціи дѣло слушается при закрытыхъ дверяхъ.

Намъ телеграфируютъ, что въ Эриванскомъ окружномъ судѣ съ 19 по 22 января слушалось **дѣло по обвиненію семнадцати армянъ**, жителей селенія Камарлу, по 263 ст. ул. о н. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель суда Ваккало въ составѣ членовъ суда Пицхелаури и Гелертова. Обвинялъ прокуроръ суда Глаголевъ, защищали прис. пов.: изъ Москвы Малянтовичъ и Тифлиса Хоментовскій, Хажутовъ и Іоанниисянцъ. Приговоромъ суда обвиненіе по 263 ст. отвергнуто; трое приговорены по 273 ст. къ арестантскимъ отдѣленіямъ; одинъ на два года, двое на два года восемь мѣсяцевъ, остальные приговорены по 37, 38 ст. уст. нак. и трое на 1½ мѣс., 11 чел. на 2½ м. ареста при полиціи.

Въ „Вѣд. Моск. Гор. Полиціи“ напечатанъ приказъ Московскаго оберъ-полицеймейстера: „предлагаю казначею моей канцеляріи представленные чрезъ приставовъ торговымъ домомъ В. Ронталеръ—25 руб. и домовладѣльцемъ Васильевымъ 5 рублей и записанные на приходъ по денежной книгѣ минувшаго года выдать въ награду околоточному надзирателю 1 уч. Лефортовской части Солодянкину 25 руб. за распорядительность къ **прекращенію безпорядка** на фабрикѣ Ронталеръ.“

Главное Кавказское начальство, признавъ нужнымъ, за участіе въ **безпорядкахъ** во время приѣма въ казну армянскихъ церковныхъ имуществъ и дерзкое неповиновеніе властямъ, лишить армянскую часть населенія сел. Уруть, ардаганскаго округа, права выбора помощника сельскаго старосты, предложило военному губернатору карской обл. распорядиться назначеніемъ въ сел. Уруть для армянъ этого селенія и за ихъ счетъ правительственнаго помощника старосты, срокомъ на два года, съ содержаніемъ по 360 р. въ годъ и съ отводомъ ему бесплатной квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. (Крс.).

Начальникъ Грозненскаго округа объявилъ жителямъ селеній: Мескаты, Бешиль-Ирзау, Турту-хуторъ и Бенай, что если виновные въ ограбленіи 18 шт.

рогатаго скота съ хутора Кубанскаго (22 ноября) и весь ограбленный скотъ не будутъ разысканы, то **селенія эти будутъ наказаны штрафомъ**. Старшинамъ этихъ селеній предложено принять все мѣры къ обнаруженію виновныхъ въ ограбленіи и ограбленнаго скота и не оставлять розыскъ до тѣхъ поръ, пока какъ то, такъ и другое не будутъ обнаружены; при этомъ старшины предвѣряются, что неуспѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ можетъ повлечь за собою удаленіе ихъ отъ должностей.

(Кзб.).

Въ концѣ минувшаго декабря, по приговору московской судебной палаты, за преступленія по службѣ, выразившіяся во **взятничествѣ и вымогательствѣ**, былъ уволенъ отъ должности приставъ 1-й части гор. Архангельска г. Ивановъ (см. выше, суд. отчетъ о дѣлѣ Мезенцева). Человѣкъ — съ темнымъ прошлымъ, онъ явился сюда и занялъ должность пристава, находясь уже подъ слѣдствіемъ и судомъ за свои прежнія дѣла. Здѣсь онъ скоро снова угодили подъ судъ.

Въ м. Соловьевкѣ, Радомъ у., на дняхъ **стражникъ избилъ 70 л. старика**—мѣстнаго крестьянина, Ем. Гайдученко. Сынъ его, Θεодосій, заступился за отца и сталъ упрекать стражника. Стражникъ, предварительно посадилъ Θεодосія въ „холодную“, и потомъ, связавъ веревками руки назадъ, отправилъ его въ станovou квартиру въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ обходныхъ. На незаконныя дѣйствія стражника, Гайдученко принесъ жалобу г. губернатору.

(П.).

„В. Юга“ сообщаетъ о **насиліи стражника надъ крестьянами с. Дѣвки Гладченко и Нарыжнымъ**.

Въ ночь на 8 января крестьяне шли изъ Екатеринослава по желѣзнодорож. пути, по направленію къ ст. Сухачевка. На разъѣздѣ около станціи Сухачевка стоялъ стражникъ, который сталъ требовать отъ разговаривавшихъ между собой крестьянъ, чтобы они говорили тише. Крестьяне удивились этому требованію и продолжали разговаривать. Тогда стражникъ набросился на нихъ и схватилъ кр. Гладченко. Другой же, кр. Нарыжный, успѣлъ уйти. Потасивъ Гладченко въ контору начальника, стражникъ сильно его избилъ и нанесъ ему саблей рану въ голову, а затѣмъ бросилъ раненаго и убѣжалъ.

Гимназистъ 7 класса кievской III гимн., А. Шереметьевъ, проходя вечеромъ, 25 дек. 1902 г., по Воздвиженской ул., увидѣлъ, что **трое городовыхъ бьютъ** какого-то молодого человѣка, прилично одѣтаго и въ форменной фуражкѣ съ кокардой. Гимназистъ заявилъ городовамъ, что они не должны бить людей. Городовой Кукса со словами: „а ты самъ — кто такой?“ схватилъ юношу за шиворотъ и оттолкнулъ въ сторону. Затѣмъ арестовалъ гимназиста и отвелъ его въ участокъ. По дорогѣ Кукса „оскорблялъ“ юношу словами и дѣйствіемъ“.

14 января этого года дѣло это слушалось по V углу „отд. кievск. окр. суда, который приговорилъ

городового Куксу къ 2-мъ недѣлямъ ареста при полиціи.

(Кiev. Газ.).

Въ Екатеринославѣ, въ камерѣ мир. судьи 2 уч. разбиралось дѣло о студентѣ Цвѣтковѣ, обвинявшемся по 29 ст. улож. о нак.

4 ноября на углу Александр. ул. произошло ужасное крушеніе трамвайныхъ вагоновъ, сопровождавшееся многими человеческими жертвами. Огромная масса публики заполнила всю улицу. Полиція начала необычайно усердно разгонять народъ, причѣмъ изъ всехъ выдѣлялся своей энергіей пом. пристава 4-й части, Ивановъ. Онъ быстро очистилъ мѣсто около вагоновъ, но одинъ студентъ мѣстнаго горнаго института не тотчасъ исполнилъ приказаніе уходить. Ивановъ немедленно приказалъ городовамъ „взять“ студента. **Городовые взяли** его, наградили пинками и повлекли въ участокъ.

Защита вызвала цѣлый рядъ свидѣтелей, которые показали, что приставъ не обращался къ Цвѣткову съ предложеніемъ удалиться, а просто, замѣтивъ углубившагося въ разсматриваніе вагона студента, закричалъ: „тащи студента въ участокъ“, хотя г. Цвѣтковъ не дѣлалъ ничего такого, что нарушало бы, по мнѣнію свидѣтелей, порядокъ. Свидѣтельница же г-жа Лебедева, показала, что на ея замѣчаніе о несправедливости ареста, г. Ивановъ отвѣтилъ: „не ваше дѣло“. Когда же г-жа Лебедева заявила, что будетъ жаловаться на его дѣйствія губернатору, Ивановъ отвѣтилъ:—хоть министру!

Послѣ рѣчи защитника Цвѣткова прис. пов. Галькова, охарактеризовавшаго произволъ Иванова, судья постановилъ признать Цвѣткова по суду оправданнымъ.

(В. Ю.).

„Днѣпр. Вѣстн.“ сообщалось недавно, что цѣлая деревня крестьянъ приговорена была **земскимъ начальникомъ** къ 3-мѣс. тюрем. заключенію за кражу ржи у помѣщика Рачинскаго. Дѣло это перенесено было въ у. сѣздъ, гдѣ въ послѣдній разъ разсматривалось 7 января. Прокуроръ отказался отъ обвиненія и у. сѣздъ вынесъ всемъ обвиняемымъ оправдательный вердиктъ.

Въ Минусинскѣ, въ первый день Рождества, въ девять часовъ вечера **загорѣлась тюрьма**. Причина пожара въ точности еще не установлена. Подозрѣвается поджогъ со стороны арестантовъ. Подозрѣніе пало на двухъ заключенныхъ, содержавшихся въ одиночной камерѣ. Одинъ изъ нихъ именуется себя „Непоминащимъ“, второй—Гринбергъ. Послѣдній ужъ разъ бѣжалъ изъ минусинской тюрьмы, но былъ пойманъ. Сгорѣлъ всего лишь одинъ корпусъ, остальные, благодаря тихой погодѣ, уцѣлѣли... Никому изъ заключенныхъ скрыться не удалось.

(В. О.).

На дняхъ въ Спб. окр. судѣ слушалось дѣло по обвиненію Переля въ составленіи подложныхъ векселей. Въ своемъ напутственномъ словѣ

председательствующий Д. Ф. Гельшерт разъяснил присяжным заседателям, что, согласно сенатской практикѣ, подсудимые, признавшие себя виновными, не могутъ быть оправданы присяжными. Вердиктомъ присяжныхъ заседателей Перель признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхождения. Въѣтъ съ тѣмъ присяжные заседатели просили ходатайствовать предъ Высочайшею Властью о полномъ помилованіи Переля.

(См.).

Въ Умани при окр. судѣ учреждается консултация присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. За подачу юридическаго совѣта полагается минимальная плата въ 50 коп. Бѣднѣйшимъ кліентамъ совѣты подаются безвозмездно.

При томъ же судѣ по инициативѣ члена г. Шольпа открывается юридическое общество.

(К. О.).

8 января въ сел. Медвѣжьемъ, Ставр. губ., открыло свои дѣйствія учрежденное при мѣстной чайной полечительствѣ о народной трезвости бюро для оказанія крестьянскому населенію необходимой юридической помощи. Цѣль вновь учрежденнаго бюро по возможности оградить мужика отъ эксплоатации подпольнаго адвоката.

Бюро открыто въ теченіе двухъ часовъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, и программа его слѣдующая: писаніе всевозможныхъ прошеній, заявленій и др. бумагъ, кромѣ апелляціонныхъ и кассационныхъ жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ членовъ, уѣздныхъ съѣздовъ и окружныхъ судовъ. Плата за каждую написанную бумагу 20 коп.

Бюро организовано по инициативѣ мѣстнаго участковаго попечителя о народной трезвости П. Р. Бабичева; непосредственными участниками этого дѣла являются служащіе мѣстныхъ учреждений подъ руководствомъ болѣе или менѣе опытныхъ въ юридическомъ отношеніи лицъ.

(Сѣв. Кр.).

На дняхъ въ Спб. окр. судѣ въ залѣ суд. установленій состоялось общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, на которомъ должны были состояться выборы председателя совѣта присяжныхъ, вмѣсто покойнаго В. Н. Герарда. Кандидатами явились В. О. Люстихъ и А. Н. Турчаниновъ. Въ виду того, что на собраніе явилось, вмѣсто необходимаго для законности выборовъ числа присяжныхъ (180 чел.), всего около 150 человекъ — выборы не состоялись. По поводу принесенія совѣтомъ прис. повѣренныхъ въ день 10-ти-лѣтняго юбилея министра юстиціи Н. В. Муравьева поздравленій прис. повѣренными сдѣланъ былъ запросъ, въ какомъ порядкѣ состоялось постановленіе совѣта.

14 января въ Казанской суд. палатѣ было рассмотрѣно дѣло о прис. повѣренномъ Вятскаго окр. суда Лобовиковѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи суда на бумагѣ. Л., выступая повѣреннымъ по одному гражданскому процессу нѣкоего Зюнова съ Тряпичиной

и подавая апелл. жалобу на рѣшеніе Вятскаго окр. суда по этому гражданскому дѣлу, помѣстивъ въ этой жалобѣ, между прочимъ, такое выраженіе: „принявъ вѣдѣло сторону отвѣтчицы, судъ сдѣлалъ несправедливую оцѣнку доказательствъ, придавъ имъ произвольное толкованіе и не потребовавъ представленія доказательствъ; такимъ образомъ, въ рѣшеніи допущены были явно не логичные выводы“. Находя эти выраженія оскорбительными для Вятскаго окр. суда, прокур. надзоръ и возбудилъ противъ Л. настоящее дѣло. Въ то же время общее собраніе членовъ Вятскаго окр. с. возбудило по этому же поводу другое дѣло противъ Л., уже въ порядкѣ дисциплин. производства. Первое дѣло, разсматривавшееся угол. отдѣленіемъ суда, окончилось обвинительнымъ приговоромъ для Л.: окр. судъ постановилъ сдѣлать ему выговоръ. Но Л. перенесъ это дѣло въ суд. палату, причемъ, объясняя въ своей апелл. жалобѣ, что въ инкриминируемыхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего оскорбительнаго и указывая на то, что по этому же поводу противъ него возбуждено еще дѣло въ дисциплин. порядкѣ, ходатайствовалъ объ оправданіи. Суд. палата отмѣнила обжалованный приговоръ Вятск. окр. суда и признала Л. оправданнымъ.

(К. Т.).

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

Харьковскій окружный судъ.

(Старозаимочныя земли)¹).

1903 года октября 13/23 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Харьковскій окружный судъ по 1-му гражданскому отдѣленію въ судебномъ засѣданіи въ составѣ:

Председатель В. В. Ненарочкинъ.

Члены: М. И. Бырдинъ и Н. Н. Миклашевскій, (докладчикъ) при товарищѣ прокурора А. И. Ковалевѣ и пом. секретаря А. А. Переверзевѣ, выслушавъ дѣло по иску общества крестьянъ слободы Андреевки (Ново-Ворисоглѣбскъ тожъ) Зміевскаго уѣзда, къ Харьковской казенной палатѣ, о правѣ собственности на 14962 десятины старозаимочныхъ земли и лѣса, находитъ, что настоящій искъ основанъ на утвержденіи, что по владѣнной записи обществу крестьянъ-истцу надѣлена не казенная, а его же, общества-истца, „старозаимочная“ земля, принадлежащая ему на правѣ частной собственности.

Сущность исковаго прошенія, просительные пункты котораго: 1) признать за обществомъ крестьянъ право собственности на вышеозначенное количество земли и лѣса, 2) исключить означенныя земли и лѣсъ изъ платежа государственной оброчной подати и 3) возложить на казну судебныя и за веденіе дѣла издержки, сводится къ слѣдующему.

Истцы утверждаютъ, что область, известная въ исторіи подъ названіемъ „Слободская Украина“, вошла въ составъ московскаго государства и сдѣлалась пограничною его областью, уже послѣ ея заселенія выходцами изъ право и лѣвобережныхъ Украинъ, такъ называемыми черкасами. Въ серединѣ XVII столѣтія, когда началось переселеніе, эта область не принадлежала ни московскому го-

¹ Въ слѣдующемъ № будетъ напечатана статья В. А. Мякотина, посвященная выясненію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ.

сударству (?), ни польскому королю, ни крымским или ногайским татарам и представляла собой никому не принадлежавший дикий, пустынный край. Пришельцы селились въ немъ свободно, не испрашивая ни у кого никакого разрѣшенія: по очень древнему выраженію, они „занимали займки“. „Займка“, утверждають истцы, не представляла собой лишь факта завладѣнія землей: съ самаго начала завладѣнія займка, какъ фактъ, совпадаетъ съ займкой, какъ правомъ. Кто „занялъ займку“, тотъ не только имѣетъ на нее преимущество перваго захвата, но ему принадлежитъ на нее и право собственности. Эту «черкасскую обыкновѣсть» переселенцы принесли съ собой съ родины, гдѣ такой способъ пріобрѣтенія земли въ собственности не былъ лишь обычнымъ, а основывался прямо на законѣ,—на постановленіяхъ Литовскаго статута, Магдебургскаго права и Саксонскаго Зеркала. Московское правительство могло только радоваться заселенію земель, прилегавшихъ къ его окраинамъ, такъ какъ такимъ образомъ создавался какъ бы буферъ между его владѣніями и владѣніями Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ, и потому всячески покровительствовало пришельцамъ, застраивавшимъ городами и селами дикую пустыню и представлявшимъ изъ себя народъ, организованный во всегда готовое къ отраженію непріятели войско. Казаки очень скоро оправдали ожиданія московскаго правительства. Поселяясь на путяхъ разрушительнаго движенія свирѣлыхъ кочевниковъ, они немедленно начали проявлять военные подвиги. Подвиги эти не остались безъ поощренія и награды. «За ихъ кровь, за раны, за осадное сидѣніе, за разореніе, что имъ учинилось» отъ своихъ ли соотечественниковъ, „измѣнниковъ черкасъ“, или отъ поляковъ, или крымскихъ и ногайскихъ татаръ, московскіе государи постоянно посылали имъ грамоты, въ которыхъ не только „милостиво похваляли ихъ за службу“, но которыми закрѣпили за ними ихъ займки и предоставили имъ „безпошлинно и безоборочно“ заниматься разными промыслами. Мѣнялись государи, а права и привилегіи казаковъ оставались безъ перемѣны, ибо грамоты послѣдующихъ царей подтверждали грамоты предшествовавшихъ. Въ 1743 году „изданъ былъ (?) для Малороссіи сводъ законовъ подъ заглавіемъ „права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“, по которому... займка дикихъ мѣстъ признана однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія права собственности на земли“. Генеральное межеваніе снабдило слобожанъ крѣпостными документами,—межевыми книгами и планами. Слободская Украина была переименована въ губернію, а казаки — въ войсковыхъ обывателей, впоследствии—въ казенныхъ и еще позже—въ государственныхъ крестьянъ. Наступило и прошло время военныхъ поселеній, когда слобода Андреевка, когда то входившая въ составъ Изюмскаго слободскаго полка, причислена была къ Андреевскому округу Чугуевскихъ военныхъ поселеній, съ переименованіемъ (въ 1845 г.) въ Ново-Борисоглѣбскъ, по имени расположеннаго въ ней Уланскаго Ново-Борисоглѣбскаго полка,—но всѣ эти перемѣны и преобразованія не коснулись правъ казаковъ на земли и они владѣли ими изъ рода въ родъ спокойно, безспорно и непрерывно,—причемъ древнія права были подкрѣплены въ позднѣйшее время Высочайше утвержденнымъ 21 февраля 1865 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и рѣшеніемъ Правительствующаго Сената, по гражд. касс. департаменту, за 1880 г. № 207,—пока 19 мая 1872 г. имъ не была „выдана владѣнная записъ, которою принадлежанія имъ земли и лѣса... предоставлены были имъ въ надѣлъ изъ платежа оброка и названы казенной собственностью“.

Уполномоченный казны не споритъ противъ утвержденія истцовъ, что отыскиваемая земля есть старозаимочная. Обстоятельство это, впрочемъ, доказано истцами тремя документами, вполне удосто-

вѣряющими „старозаимочность“ земли: „объявленіемъ Балаклейскаго комиссарства къ межевымъ дѣламъ“ отъ 14 декабря 1779 г., сообщеніемъ Изюмской полковой канцеляріи отъ 11 ноября 1763 г. и сказкой выборныхъ общества слободы Андреевки отъ 5 января 1781 г.—Послѣдними двумя документами уполномоченный казны пользуется, какъ признаніемъ противной стороны въ пользу казны. Изъ этихъ документовъ видно, что „самостоятельнаго акта укрѣпленія земли“ слобода Андреевка не имѣетъ, и, значитъ, — заявляетъ уполномоченный казны — истецъ „выводитъ всѣ свои права на землю изъ жалованныхъ грамотъ всѣмъ Слободскимъ полкамъ, въ томъ числѣ и ихъ Изюмскому полку, въ общемъ его составѣ“. Между тѣмъ, заявляетъ онъ далѣе, „вопросъ о значеніи общихъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ былъ предметомъ особаго разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта при обсужденіи имъ закона о старозаимочныхъ земляхъ, и Государственный Совѣтъ призналъ, что „пожалованіе нѣкоторымъ изъ служивыхъ людей Слободскихъ полковъ земель въ вотчину, закрѣплявшее за ними право собственности на сіи земли, неоспоримо доказываетъ, что общія грамоты Слободскимъ полкамъ на владѣніе занятыми ими землями не давали права собственности на сіи земли ни въ пользу дѣлаго полка, ни въ пользу отдѣльныхъ лицъ, ибо, въ первомъ случаѣ, правительство не могло бы жаловать полковыхъ земель въ вотчину отдѣльнымъ лицамъ безъ нарушенія правъ полка на эти земли, а въ послѣднемъ не было бы основанія для особаго укрѣпленія занятыхъ земель за отдѣльными лицами въ вотчину“.

Разборъ жалованныхъ царскихъ грамотъ, на которыхъ истцы основываютъ свой искъ, и оцѣнка точекъ зрѣнія, съ которыхъ смотрятъ на нихъ та и другая сторона, составляютъ предметъ дальнѣйшаго изложенія, но уже изъ изложеннаго видно, что уполномоченный казны относится вообще къ нимъ, какъ доказательству права собственности, отрицательно, причемъ основываетъ свое мнѣніе на авторитетѣ Государственнаго Совѣта. Противъ ссылки на этотъ авторитетъ возражалъ повѣренный истцовъ, указывавшій, что для суда обязательенъ самый законъ, т. е. резолютивная часть Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, а не распубликованные во всеобщее свѣдѣніе мотивы этого мнѣнія, и судъ, соглашаясь съ этимъ возраженіемъ, какъ основаннымъ на 9 ст. уст. гражд. судопр., находитъ нужнымъ замѣтить,—прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей передачѣ объясненій уполномоченнаго казны,—что дѣлаемая послѣднимъ ссылка на мотивы Государственнаго Совѣта онъ принимаетъ, какъ выраженія личныхъ мнѣній уполномоченнаго.

Продолжая цитировать, уполномоченный казны объясняетъ, что „изъ подробнаго обзора законоположеній о старозаимочныхъ земляхъ усматривается, что предки владѣльцевъ старозаимочныхъ земель—казаки и войсковые обыватели, заселяя слободскую Украину, занимали земли, владѣли ими безоборочно, вмѣсто годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, подъ условіемъ отправленія государственной полковой съ земель службы и съ воспрещеніемъ имъ продажи сихъ земель, съ которыхъ они отправляли службу; по отмѣнѣ же въ слободской Ураинѣ казачьей службы, они уравнины были съ прочими государственными крестьянами въ надѣлѣ землею и въ платежѣ оброчной подати, съ подтвержденіемъ воспрещенія продажи земель, состоявшихся въ ихъ владѣніи, и признавались по своду законовъ 1832, 1842, 1857 и 1876 гг. на казенныхъ земляхъ водворенными, а посему нынѣшніе владѣльцы полковыхъ земель, за указанными министромъ юстиціи изыятіями (министръ юстиціи, въ представленіи 17 февраля 1896 г., № 4714, полагалъ признать собственностью войсковыхъ обывателей „земли, пожало-

ванныя въ вотчину лично ихъ предкамъ, поименованнымъ въ жалованныхъ грамотахъ, а равно приобрѣтенныя ими обывателями и ихъ предками законными способами отъ лицъ другихъ сословій“), вообще не имѣютъ права собственности на эти земли, которыя, какъ данныя имъ отъ казны лишь въ пользованіе, равнымъ образомъ и не подлежатъ исключенію изъ складовъ Государственной оброчной подати и замѣнившихъ ее выкупныхъ платежей“. Засимъ, уполномоченный казны высказываетъ собственное мнѣніе о значеніи закона 17 мая 1899 г., изданнаго въ разъясненіе примѣчанія 3-го къ ст. 763 зак. о сост. Онъ говоритъ: „При этомъ необходимо имѣть прежде всего въ виду, что весь смыслъ и значеніе закона 17 мая 1899 г. заключается именно въ выше приведенномъ призваніи земель, жалованныхъ цѣлому полку вообще, несоставляющими вотчинной собственности ни полка, ни его членовъ, ибо въ случаѣ противнаго этому положенія не было бы ни цѣли, ни основанія издавать этотъ законъ:—такъ какъ вся земля бывшей Слободской Украины составляла территорию бывшихъ слободскихъ полковъ и такъ какъ каждый изъ этихъ полковъ имѣлъ свои жалованныя грамоты, въ большинствѣ случаевъ даже помѣщенные въ полномъ собраніи законовъ и, слѣдовательно, не могши не быть въ виду Государственнаго Совѣта при подробномъ обзорѣннѣ законовъ о старозаимочныхъ земляхъ [такъ, грамоты 22 ноября 1743 г. (п. с. з. т. XI, № 8823), 5 мая 1669 г. (п. с. з., т. I, № 449) и 28 февраля 1700 г. (п. с. з., т. IV, № 1771), приводимыя истцомъ по настоящему дѣлу], то, очевидно, всѣ старозаимочныя земли Слободской Украины, какъ вошедшія въ жалованныя цѣлымъ полкамъ грамоты, должны были бы быть признаны собственностью крестьянъ, происходящихъ отъ бывшихъ войсковыхъ обывателей, т. е. должно было сохраниться то самое положеніе, которое существовало при дѣйствіи законовъ 24 февраля 1864 г. и 21 февраля 1865 г. и которое именно и вызвало появленіе закона 17 мая 1899 года“..... „законъ этотъ, какъ видно изъ приведеннаго окончательнаго заключенія Государственнаго Совѣта и изъ сопоставленія ст. 1-й отд. I закона 17 мая 1899 г. съ ст. 2-ю того же отдѣла, признавалъ, что право собственности казны на старозаимочныя земли есть общее правило, а право собственности на нихъ войсковыхъ обывателей есть изъятіе, которое должно быть положительно доказано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“. Уполномоченный казны признаетъ посему „совершенно безплодными всякія разсужденія и соображенія, клонящіяся къ тому, чтобы изъ жалованной на имя цѣлаго полка грамоты вывести вотчинное право на отведенную полку землю для самого полка, или для составлявшихъ его юридическихъ или физическихъ лицъ“, но все-таки считаетъ нужнымъ разработать представленныя истцами Царскія грамоты для выясненія вопроса, „не заключается ли въ этихъ грамотахъ... какихъ либо указавъ на пожалованіе предкамъ истцовъ земли именно въ вотчину“.

Судъ находить необходимымъ остановиться на разборѣ общаго возраженія уполномоченнаго казны противъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ цѣлому полку. Какъ ясно изъ изложеннаго, разрѣшенію суда подлежитъ слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли пожалованіе нѣкоторымъ изъ служилыхъ людей слободскихъ полковъ земель въ вотчину неоспоримо доказываетъ, что общія грамоты слободскимъ полкамъ на владѣнныя занятые ими земли не давали права собственности на эти земли ни цѣлымъ полкамъ, ни отдѣльнымъ лицамъ? Утвержденіе, изъ котораго составленъ этотъ вопросъ, основывается, какъ мы видѣли, на двухъ послылкахъ, которыя также могутъ быть превращены въ вопросы: а) дѣйствительно ли нарушались бы права полковъ на пожалованныя имъ земли въ случаяхъ пожалованія

той или другой части этихъ земель въ вотчину отдѣльнымъ лицамъ? и б) дѣйствительно ли, при наличности общихъ полковыхъ грамотъ, отдѣльныя лица, владѣвшія той или другой частью полковыхъ земель, не имѣли бы никакой надобности въ укрѣпленіи ихъ владѣній особыми, для нихъ, Царскими грамотами, разъ общія на полкъ грамоты были бы вотчинными?

Попытаемся отвѣтить на эти вопросы.

Разбирая это возраженіе, повѣренный истцовъ указывалъ (см. протоколъ суд. засѣданія 4 октября 1901 г.), что обыкновенно Царскія грамоты, жалованныя земли въ вотчину лично тому или другому лицу, имѣли слѣдующее происхожденіе: Верховная власть не непосредственно жаловала старшинамъ и полковникамъ земли, а сами полки уступали своимъ старшинамъ и полковникамъ часть своихъ земель, каковая уступка и подтверждалась Царской грамотой. Повѣренный истцовъ не привелъ ни въ словесныхъ, ни въ письменныхъ своихъ объясненіяхъ никакихъ историческихъ примѣровъ, но, какъ видно изъ доступной каждому, интересующемуся предметомъ, литературы о старозаимочныхъ земляхъ, или, вѣрнѣе,—объ исторіи заселенія Слободской Украины, заявленіе повѣреннаго основывается на дѣйствительно имѣвшихся мѣсто фактахъ. Такъ, въ „историко-статистическомъ описаніи Харьковской Епархіи“ епископа Филарета (отд. IV, стр. 225) мы находимъ изложеніе слѣдующей Царской грамоты: „1713 г. января 9 Харьковская полковая старшина и все знатное и посполитое товарищество всѣмъ полкомъ заняли у полковника Прокофія Куликовскаго на полковыя свои нужды 200 рублей, и за те деньги, съ доброй своей воли, опредѣлили ему, полковнику Куликовскому, про обиходъ на полковничей дворѣ въ маетность за р. Можею на Крымской сторонѣ на вершинѣ р. Джуга сельцо Борки, кое было поселилъ безъ указа собою Иванъ Захаревскій на полковой землѣ, и отмежевано Харьковскому полку въ 1712 г. Валуцкимъ комендантомъ Мякинскимъ съ принадлежащими угоды во владѣніе“. Грамота эта, данная въ 1727-мъ году, очень важна для разрѣшенія именно разбираемаго вопроса. Борки, какъ видно изъ дальнѣйшаго сообщенія епископа Филарета и изъ примѣчанія, которое онъ дѣлаетъ къ тексту, пожалованы были ею не Прокофію Куликовскому, а, повидимому, его сыну, одному изъ нѣсколькихъ, Юрію Прокофьевичу Куликовскому, а Прокофію Куликовскій владѣлъ ими „безъ указа“. Примѣчаніе къ тексту превосходно разъясняетъ дѣло. Послѣ смерти Прокофія возникъ споръ изъ-за Борокъ сперва между полкомъ и вдовою Прокофія, а затѣмъ между Юріемъ Куликовскимъ и его братьями, Матвѣемъ и Евстафіемъ... Царская грамота рѣшила дѣло. Выше сказано, что грамота эта весьма важна для разрѣшенія именно разбираемаго вопроса. Едва ли нужно подробно доказывать это. Въ самомъ дѣлѣ, она сразу отвѣчаетъ на вопросы, въ которые мы превратили двѣ послылки, казалось, неоспоримаго вывода и которые мы означили буквами а) и б), ибо оказывается во 1-хъ), что, и при допущеніи вотчиннаго характера жалованныхъ на цѣлый полкъ Царскихъ грамотъ, пожалованія полковыхъ же земель и въ вотчину же отдѣльнымъ служилымъ людямъ полка на всегда сопровождалось нарушеніемъ правъ полка и иногда, какъ, на примѣръ, въ настоящемъ случаѣ, вовсе не нарушали полковыхъ правъ, и во 2-хъ), необходимость для отдѣльныхъ служилыхъ людей испрашивать особую Царскую грамоту на земли, несомнѣнно принадлежавшія имъ по вотчинному праву, могла обуславливаться многими причинами, изъ которыхъ настоящій случай рельефно выдвигаетъ впередъ одну,—возникшій о земляхъ споръ.

Въ этой грамотѣ обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе, что Иванъ Захаревскій поселилъ было Борки „безъ указа“, „собою“, т. е. самовольно. Вы-

раженіе „безъ указу“ связываетъ примѣръ, который мы нашли у епископа Филарета, съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, приводимыхъ профессоромъ Д. И. Багалъемъ въ известномъ его сочиненіи „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, т. 1-й, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся. На стр. 504—505 г. Багалъій рассказываетъ о неудачной попыткѣ генерала Алексѣя Тараканова устроить въ 1735 г. въ „дикомъ полѣ“ слободу. „Любопытная.. участь, заканчиваетъ свой рассказъ авторъ, этой слободы Алексѣевской (названной такъ по имени самого владѣльца). Права его на землю не были признаны. Оказалось, что Валуйскій подъячій Селивановъ безъ указу отвелъ Тараканову по 3000 ч. „дикаго поля“ во всѣхъ трехъ смѣнахъ, за что его били кнутомъ и сослали на вѣчное житье съ женою и дѣтьми въ Оренбургъ. Таракановъ объяснял, что отведенная ему земля никому не принадлежала и была удалена какъ отъ владѣній Рыбинскаго (т. е. Острогжскаго) полка, такъ и отъ Украинской линіи: „дикихъ безъ всякаго позитка лежащихъ земель—писалъ онъ, между прочимъ,—множество, въ которыхъ, какъ въ пустыхъ мѣстахъ, прѣвзающихъ отъ тамошнихъ въ степяхъ волочащихся и въ буеракахъ кроющихся воровъ и разбойниковъ многое грабительство и разореніе чинится; а егда оныя пустыя мѣста желаніями тамъ жить вольными черкасы поселены будутъ, то въ тѣхъ мѣстахъ воровства и разбоевъ не будетъ, ибо черкасы отъ воровства воздержаны и никогда не веруютъ и воровъ въ сообщеніе не принимаютъ“. Но несмотря на всѣ эти объясненія, слободу велѣно было разрушить, а черкасы распустить“.

Удавшийся случай устройства поселенія капитаномъ Бульскимъ въ 1737 г. рассказывается на стр. 503 цитированнаго сочиненія, причемъ рассказъ своему г. Багалъій предпосылаетъ слѣдующее общее замѣчаніе: „Для того, чтобы закрѣпить за собою владѣніе землями и новоприхожими людьми, владѣльцы обыкновенно брали дозвожительныя листы на устройство слободъ. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ листовъ XVIII в.“. Какъ видно изъ дозвожительнаго указа комиссіи учрежденія слободскихъ полковъ, выданнаго капитану Бульскому въ 1737 г., но основаннаго, какъ въ немъ указано, на Именномъ указѣ Ея Императорскаго Величества отъ 3 іюля 1732 г. (напечатанъ въ „матеріалахъ“¹⁾ проф. Багалъя на стр. 282), Бульскій основывалъ поселеніе на собственныхъ купленныхъ земляхъ, а не въ „дикомъ полѣ“, какъ Таракановъ. Онъ получилъ разрѣшительный указъ, но подъ условіемъ, если „только у него ни съ кѣмъ спору изъ-за этого не будетъ“. Совершенно ясно, что споръ предполагался возможнымъ относительно принадлежности Бульскому земель.

Примѣры можно было бы умножить, но и приведенныхъ вполне достаточно для необходимыхъ выводовъ. Прежде, чѣмъ ихъ дѣлать, припомнимъ, однако, прежде всего, что въ жалованныхъ грамотахъ на цѣлые полки мы никогда не встрѣчаемъ указанія на то, что московскіе государи укрѣпляютъ земли, на томъ или другомъ правѣ, за полками, какъ юридическими лицами, и притомъ—совѣршено опредѣленную территорию. Обращаясь къ полкамъ, или вѣрнѣе, къ полковникамъ, они имѣютъ въ виду каждаго слобожанина въ отдѣльности. Такъ, въ грамотѣ отъ 4 ноября 1686 г. излагается: „вамъ, черкаскимъ полковникамъ и пол-

ковъ вашихъ урядникамъ и казакамъ и мѣщанамъ, въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ и кто гдѣ живетъ,...., которые вы заняли себѣ по своимъ займамъ, велѣно владѣть“ и т. п. Рѣчь въ грамотахъ идетъ, такимъ образомъ, о земляхъ, уже состоящихъ въ фактическомъ владѣніи занявшихъ ихъ лицъ,—уже занятыхъ „займками“. Если посему существуютъ еще мѣста („дикия поля“), гдѣ можно построить новый городъ, новую слободу, или просто поселиться, то мѣста эти пока они не „заняты себѣ по своимъ займамъ“, остаются за московскимъ государствомъ.

Приступая къ выводамъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, мы видимъ, что все они, и въ особенности грамота 1727 г., удостоверяютъ не теоретическую только возможность совершеннаго отсутствія какого либо противорѣчія между общими, на цѣлый полтъ, жалованными вотчинными грамотами и таковыми же грамотами на имя отдѣльныхъ служилыхъ лицъ полка (въ томъ и другомъ случаѣ,—на земли, находившіяся въ предѣлахъ полка), но и дѣйствительное отсутствіе въ исторически известныхъ случаяхъ такого противорѣчія. Конечно, въ томъ или другомъ случаѣ могло произойти и прямое нарушеніе правъ слобожанъ, если грамота давалась на мѣста, „кто гдѣ живетъ“, и кто гдѣ занялъ „займой“. Не беремся судить, на сколько такіе случаи были часты¹⁾, но вышеприведенные историческіе примѣры даютъ возможность утверждать, что вотчинныя грамоты на имя отдѣльныхъ лицъ на земли, расположенныя въ предѣлахъ того или другого слободскаго полка, могли появляться безъ всякаго нарушенія правъ полка, по крайней мѣрѣ, въ двухъ случаяхъ. Первый это тотъ, о которомъ говорилъ повѣренный истцовъ: Царская грамота утверждала сдѣланную уже полкомъ уступку. Во второмъ претендентъ на вотчинную грамоту пріискивалъ пустое мѣсто²⁾, представляя доказательства, что земли тамъ никѣмъ не заняты („дикое поле“ Тараканова, „спору о томъ нѣтъ“ Бульскаго) и билъ о нихъ челомъ.... Зачѣмъ нужны были эти особыя грамоты или указы? Иногда, какъ мы видѣли въ дѣлѣ Куликовскихъ, ими разрѣшался споръ. Отношенія были еще достаточно патриархальны и можно было за разрѣшеніемъ спора обратиться прямо къ Царю.

Засимъ, нужно ли доказывать, какое громадное, рѣшающее значеніе имѣло (имѣетъ, конечно, и теперь) вообще царское слово? По дѣлу Куликовскихъ же епископъ Филаретъ сообщаетъ, что споръ между братьями возникъ уже послѣ грамоты и послѣдняя, такимъ образомъ, рѣшила, собственно, споръ между полкомъ и вдовою Прокофія Куликовскаго. Она рѣшила, однако, и споръ между братьями, ибо, какъ характерно для настоящаго случая говорить епископъ, „царскаго слова нельзя было переменить“. Наконецъ, эти отдѣльныя грамоты и указы, можно объяснить и желаніемъ Московскаго правительства, отчасти въ фискальныхъ, но въ то же время и въ государственныхъ интересахъ, оформить и ограничить займку, что впоследствии, а именно въ п. 9 инструкціи по генеральному межеванію, данной слободскому губернатору 6 іюля 1765 г. (П. С. З., т. XVII, № 12430), было прямо выражено въ словахъ:

¹⁾ Проф. Багалъій, на стр. 506 цитир. сочиненія сообщаетъ: „Кромѣ Тараканова, не мало и другихъ русскихъ офицеровъ и помѣщиковъ устроили себѣ слободы на земляхъ, отведенныхъ нѣкогда казакимъ обществамъ. Земли эти пріобрѣтены были самыми разнообразными способами—пожалованіемъ, куплею, мѣною, наслѣдованіемъ, захватомъ“.

²⁾ „Вообще можно сказать, говоритъ проф. Багалъій („очерки“, стр. 507), что при тогдашнемъ обиліи земель недостатокъ ощущался всегда въ людяхъ“, а не въ земляхъ, добавимъ мы.

¹⁾ Полное названіе цитируемаго сочиненія: „матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII столѣтіи, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалъемъ“, Харьковъ, 1886 г.

„по немѣнню въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, чтобы всякій свой удѣлъ или займку знать..... и по правильнымъ крѣпостямъ учинилъ себѣ указанную дачу и имѣлъ бы владѣніе по указамъ“. Съ нѣкоторыхъ поръ, слѣдовательно, но уже послѣ главнѣйшихъ жалованныхъ на полки грамотъ, кромѣ „займки“ требовался еще и „указъ“, но нигдѣ и ни въ чемъ мы не находимъ указанія, чтобы лишь при этомъ сочетаніи займки и указа владѣніе почиталось вотчиннымъ, а безъ него—помѣстнымъ.

Обращаясь къ подробному разсмотрѣнію представленныхъ къ дѣлу грамотъ, окружный судъ находитъ, прежде всего, что грамотою Царя Петра Алексѣевича отъ 31 октября 1711 г. устанавливается, что Изюмскій полкъ, къ которому принадлежала слобода Андреевка, выдѣлился изъ Харьковскаго въ 1711 году и до этого года составлялъ съ Харьковскимъ полкомъ одно цѣлое. Всѣ, слѣдовательно, царскія грамоты, послышавшіяся до 1711 г. Харьковскому полку, распространялись и на образовавшійся впоследствии Изюмскій полкъ. Переходя, такимъ, къ разсмотрѣнію именно жалованныхъ грамотъ, судъ находитъ, что выше уже отмѣчено основное разногласіе между сторонами по поводу царскихъ грамотъ цѣлымъ полкамъ. Уполномоченный казны, какъ мы видѣли, аргументъ не допускаетъ возможности, чтобы такого рода грамоты содержали въ себѣ пожалованіе земель въ вотчину. Окружный судъ разобралъ эту апприористическую точку зрѣнія и нашелъ, что она противорѣчитъ дѣйствительнымъ фактамъ исторической жизни слободскихъ полковъ. Повторяя при разборѣ каждой грамоты въ отдѣльности свое общее возраженіе противъ нихъ, уполномоченный казны, кромѣ того, выдвигаетъ противъ нихъ, или, вѣрнѣе, въ защиту высказаннаго взгляда на грамоты вообще, еще нѣкоторое специальное возраженіе, заключающееся въ слѣдующемъ.

По утвержденію истцовъ, грамотами удостоверяется, что свою военную казачью службу казаки служили не за занятія ими земли, а за предоставленное имъ право „безпошлинно и безоброчно“ заниматься разными промыслами, или, выражаясь языкомъ грамотъ, казаки служили, не „съ земель“, а „съ промысловъ“. Уполномоченный казны не усматриваетъ въ грамотахъ этого различія земель и промысловъ и утверждаетъ, что изъ грамотъ видно, что не только освобожденіе отъ промысловаго обложенія, но и владѣніе землями предоставлено было казакамъ подъ условіемъ службы,— „вмѣсто годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья“.

Не трудно видѣть, что вопросъ о томъ, „съ земель-ли и промысловъ“ или только „съ промысловъ“ служили казаки службу, есть часть общаго вопроса о характерѣ казацкаго землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. Всего удобнѣе посему разрѣшить это, лишь по внѣшности частное, разногласіе между сторонами въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса, часть котораго оно составляетъ. Къ выясненію этого общаго вопроса, т. е. вопроса о характерѣ казацкаго землевладѣнія Слободской Украинѣ, мы въ настоящую минуту и обратимся.

Благодаря сохранившимся жалованнымъ грамотамъ Царя Федора Алексѣевича отъ 17 февраля 1682 г. и Царей Иоанна и Петра Алексѣевичей отъ 19-го февраля 1684 г. на имя Харьковскаго полковника Григорія Донца, изъ которыхъ вторая повторяетъ и разъясняетъ первую, мы какъ-бы присутствуемъ при зарожденіи Изюмскаго слободскаго полка. Казаки уже заняли землю и выстроили городъ, названный Изюмомъ. Вмѣстѣ съ смежными урочищами, Спесваковымъ и Пришибомъ, его необходимо заселить и Харьковскому полковнику предписывается, по его же челобитію, „призывать на вѣчное житье“ неслужившихъ черкасъ изъ Сумскаго,

Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ¹⁾. Призываемые должны „города строить и селиться собою“. т. е. на собственные средства, собственными силами,—въ противоположность прежней, великорусской, до Бѣлгородской черты, колонизаціи, въ которой все дѣлалось на средства правительства—„а пашенныя земли пахать и всякими угодами владѣть по отводу генерала нашего и воеводы Григорія Ивановича Косогова, а промежду собою по раздѣлу, по ихъ черкасской обыкности“. Дальше говорится о предоставляемыхъ поселенцамъ льготахъ во всякихъ податяхъ на 10 и 15 лѣтъ, объ освобожденіи ихъ отъ подвѣдомственности московскимъ воеводамъ („а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣхъ городахъ въ тѣ льготные годы у нихъ не быть, а вѣдать ихъ“, т. е. черкасъ, „тебѣ и полку твоего урядникамъ“), а затѣмъ разъясняется, въ чемъ именно состоятъ предоставляемыя льготы въ податяхъ: „и въ тѣ-жъ льготные годы въ тѣхъ городахъ торговать имъ черкасы всякими товарами безпошлинно и держать шинки, по своимъ прежнимъ обыкностямъ, безоброчно, а дальнія полковныя службы въ тѣ годы не служить и податей и оброковъ никакихъ не платить, кромѣ того, что строить имъ тѣ города и селиться дворами и пашенныя свои земли распахивать и бережье держать отъ Крымскія и ногайскія стороны, отъ приходу воинскихъ людей, а послѣ тѣхъ льготныхъ лѣтъ тебѣ и старшинѣ и сотникамъ, и которыя казаки учнутъ служить полковую службу винныя варницы и шинки вѣдно держать по прежнему безоброчно, и во всемъ въ томъ тебѣ пришлыхъ черкасъ нашею государскою милостію обнадеживать“.

Въ приложенномъ къ грамотамъ объясненіи (прошеніе отъ 18 апрѣля н. г., п. 3) повѣренный истцовъ заявляетъ, что грамоты 17 февраля 1682 г. и 19 февраля 1684 г. не содержатъ „обозначенія характера владѣнія“. Это, пожалуй, не совсемъ такъ, если имѣть въ виду только эти двѣ грамоты. Правда, выраженіе „которыя казаки учнутъ служить полковую службу“ какъ бы предполагаетъ, что служба и послѣ льготныхъ лѣтъ предоставляется на усмотрѣніе казаковъ, но, съ другой стороны, указаніе на то, что лишь въ льготные же годы казаки могутъ быть спокойны, что ихъ не заставятъ служить „дальнія полковныя службы“, и затѣмъ возложеніе на нихъ и въ теченіе льготныхъ лѣтъ обязанности „бережье держать отъ крымскія и ногайскія стороны, отъ приходу воинскихъ людей“ обнаруживаетъ, что полковая служба казаковъ, ея обязательность для слобожанъ, имѣлась въ виду Московскимъ правительствомъ. Нельзя не отмѣтить, однако, что казаки призывались на „вѣчное житье“.

Черезъ два года, а именно 10 июня 1686 г., Харьковскому полку даруется новая грамота. Послѣ кровопролитной войны, въ которой слободскіе полки принимали дѣятельное участіе, съ польскимъ королемъ былъ заключенъ вѣчный миръ. „Ратоборство, мужское ополченіе, храбрство, кровь и смерти“ казаковъ требовали награжденія,— и вотъ въ грамотѣ 10 июня 1686 г. на имя харьковскихъ полковниковъ Григорія и Константина Донцовъ прописывается: „пожаловали васъ полковниковъ и старшину, которые, по Нашему Великихъ Государей

¹⁾ Здѣсь не будетъ, пожалуй, лишнимъ нѣкоторое замѣчаніе. Указаніе грамоты 17 февраля 1682 года на то, что въ Изюмскую область, впоследствии—полкъ, призываются казаки лишь изъ слободскихъ-же полковъ, не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія характера ихъ владѣнія землями: послѣ первоначальнаго переселенія въ чужой край, конечно, должно было происходить внутреннее размѣщеніе и перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто, но въ всякаго сомнѣнія, что это размѣщеніе и перемѣщеніе происходили на тѣхъ же правахъ, какъ и переселеніе.

указу, пожалованы вотчинными и иными землями и всякими угодьями и промыслами, за службу дѣловъ и отцовъ вашихъ и за ваши которые службы и ратоборство и мужественное ополчение и храбрство показали, и крови и смерти въ прошедшую войну въ корунѣ польской и въ княжествѣ литовскомъ, не шадя головъ своихъ, принимали вѣдѣли для того святого покоя тѣмъ всѣмъ вышеписаннымъ владѣть вамъ по прежнему вѣчно, да васъ же полковниковъ и полку вашего урядниковъ и казаковъ, за вашу вѣрную службу жалуюмъ и милостиво похваляемъ. Оканчивается грамота увѣщаніемъ, чтобы казаки, и впредь служили со всякимъ усердіемъ и за тѣ свои службы и за усердное радѣніе ожидали къ себѣ Нашей, Великихъ Государей, милости и жалованья свыше прежняго. Въ томъ же 1686 г., 4 ноября, тѣмъ же харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ посылается—уже не для одного Харьковского, а для всѣхъ слободскихъ полковъ, новая грамота—„память“, вызванная, какъ видно изъ нея же, неправильнымъ пониманіемъ приказныхъ людей нѣкотораго правительственного распоряженія. Данъ былъ приказъ, относившійся къ городамъ, „которые землями вѣдомы“ были въ Бѣлгородскомъ разрядѣ, слѣдующаго содержания: впредь въ тѣхъ городахъ служилымъ и никакимъ людямъ въ помѣстья дикихъ полъ и никакихъ порожжихъ земель и выморочныхъ помѣстій и всякихъ угодій, безъ Ихъ Государскихъ указныхъ грамотъ изъ разряда давать, по займамъ и по поступкамъ и по закладнымъ нѣкому владѣть не велѣно. Грамота сама разъясняетъ, что произошло влѣдствие этого распоряженія, и сама успокаиваетъ казаковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „И нынѣ вѣдомы Имъ, Великимъ Государямъ, учинилось, что въ Сумскій, Изюмскій и иныхъ Черкасскихъ полковъ городѣхъ приказные люди вамъ, Черкасскимъ Полковникамъ и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ и помѣщикамъ, прежними вашими землями, займами и пасѣками и хуторами и сѣнными покосы и всякими угодьями владѣть не велѣтъ и говорить вамъ будто земли и всякія угодья велѣно мѣрить, а Ихъ, Великихъ Государей, указу о томъ къ нимъ изъ разряда не пославо, а по Ихъ, Великихъ Государей, указу въ Украинскихъ старыхъ городѣхъ¹⁾ земель давать по вышеписаннымъ статьямъ не велѣно для того, что въ тѣхъ городѣхъ велѣно было писцамъ и по Ихъ, Великихъ Государей, указу, Бѣлгородскаго полку, вамъ Черкасскимъ полковникамъ и полковъ урядникамъ и козакамъ и мѣщанамъ въ тѣхъ городѣхъ и уѣздахъ, и кто гдѣ живетъ, землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодья, которые вы заняли себѣ по своимъ займамъ, велѣно владѣть по прежнему по вашимъ черкасскимъ обыкностямъ и о томъ къ вамъ полковникамъ велѣно боярину и воеводѣ князю Андрею Михайловичу отъ себя писать, чтобы вы о томъ на Ихъ Государскую милость и впредь были ваджны безъ всякаго сумнѣнія, а воеводамъ и приказнымъ людямъ того дѣлать и въ такія дѣла вступаться отнюдь не велѣно. И какъ къ вамъ ся память придетъ и полку вашего урядникамъ, козакамъ и мѣщанамъ въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ кто живетъ, землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодья, которые вы заняли себѣ по своимъ займамъ, владѣть по прежнему, по своимъ Черкасскимъ обыкностямъ, и въ томъ на Ихъ Государскую милость быть и впредь надежны безъ всякаго сумнѣнія“.

Объясняя въ п. 7-мъ своего объясненія къ документамъ значеніе грамоты 10 июня и 4 ноября 1686 г., повѣренный истцовъ заявляетъ, что грамоты эти свидѣлствуютъ „о превращеніи займокъ „за службы“ займчиковъ изъ помѣстья, если

„отводѣ“ воеводы Косогова обозначалъ помѣстное право, въ вотчину въ Изюмскомъ полку“.

Въ пунктѣ 11-мъ объясненія повѣренный истцовъ, повидимому, и прямо допускаетъ, что первоначально земли были отведены казакамъ на помѣстные правѣ, а затѣмъ уже, посредствомъ жалованныхъ грамотъ, помѣстья эти были превращены въ вотчину.

Судъ не можетъ согласиться съ этимъ допущеніемъ.

Мы видѣли, что ни въ одной изъ вышеприведенныхъ грамотъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы земли были когда-либо даны казакамъ въ помѣстья. Не содержится на это никакихъ указаній и въ какой бы то ни было другой, общей на весь полкъ, грамотѣ. Между тѣмъ, случай для этого въ памяти 4 ноября 1686 г. представлялся весьма подходящий. Въ самомъ дѣлѣ, грамота начинается съ указанія на то, что въ сосѣднихъ великорусскихъ городахъ существуетъ помѣстная система землевладѣнія и что въ этихъ городахъ приостанавливается раздача земель „въ помѣстья“, нѣсколькими строками выше обращенія къ казакамъ, слово „помѣстья“ поминается два раза, а въ самомъ обращеніи къ казакамъ по поводу земель же о помѣстьяхъ, т. е. о томъ, что земли также жалуются въ помѣстья, не говорится ни слова. Это отсутствіе указанія на „какое-либо условіе владѣнія“ невольно приводитъ на память постановленіе 937 ст. X т. ч. 1 св. зак. гражд., въ которой выражено, что „если въ указѣ о пожалованіи не сказано, что земля отдается во владѣніе подъ какимъ-либо условіемъ, то она считается пожалованною безусловно“, но изъ ссылки этой статьи на источники видно, что происхожденіе ея относится къ 1820 году, и потому выводитъ изъ нея какія-либо заключенія по отношенію къ разсматриваемому вопросу невозможно. Необходимо разобратъ въ самомъ содержаніи грамоты, но, прежде чѣмъ сдѣлать это, судъ находитъ необходимымъ припомнить, что въ исторіи Слободской Украины извѣстенъ примѣръ, когда пожалованіе земель, въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлому полку казаковъ-переселенцевъ въ числѣ 865 человекъ, было сдѣлано именно въ помѣстья. Судъ имѣетъ въ виду печальную исторію неудачнаго поселенія въ 1638 г. въ Чугуевѣ явившагося въ томъ же году въ Бѣлгородъ „на Государево имя“ отряда казаковъ съ „гетманомъ“ Яцкомъ Остренинымъ во главѣ. Достаточно пробѣжать рассказъ объ этомъ поселеніи профессора Багалѣя („Очерки“ стр. 174—196), чтобы признать вполне правильнымъ утвержденіе автора, что „Центральное правительство рѣшилось (рѣшило?) устроить“ (и устроило) „Чугуевскихъ черкасѣ на помѣстномъ правѣ“.

О „займѣ“ здѣсь и рѣчи нѣтъ. Пришельцы были приведены къ присягѣ¹⁾ и, оставаясь въ Бѣлгородѣ, долго ждали разрѣшенія вопроса о мѣстѣ для ихъ поселенія, причемъ усердно просили не раздраживать ихъ и не отправлять партіями въ разные украинскіе (великорусскіе, по Бѣлгородской чертѣ) города, а дозволить имъ устроить поселеніе-городъ за Бѣлгородской чертой. Имъ именно „отвели“ мѣста и притомъ не сразу: сперва мѣста подъ дворы и огороды, а уже потомъ подъ

¹⁾ Насколько суду удалось прослѣдить по напечатаннымъ документамъ, это приведеніе къ присягѣ („вѣрѣ“, по тогдашнему выраженію) на вѣрность „полковные службы черкасѣ“, т. е. вольныхъ, свободныхъ казаковъ-воиновъ есть явленіе въ исторіи Слободской Украины совершенно исключительное. Указаніе на приведеніе „черкасѣ—пашенныхъ людей и мѣщанъ“ къ „вѣрѣ“ съ одновременнымъ записаніемъ ихъ „въ службу и тягло“, мы встрѣтили въ инструкціи воеводѣ Семену Дурново 1688 г. („Матеріалы“ Багалѣя, стр. 152).

¹⁾ Великорусскимъ,—по бѣлгородской чертѣ.

пашни. Посланный изъ помѣстнаго приказа писецъ провелъ между, опредѣлившую, какія земли отойдутъ къ Бѣлгороду и какія къ Чугуеву. Гетману надѣлялось 120 ч. въ полѣ, а вѣду потомужъ, сыну его—40, войсковому есауду—50, войсковому дячку—40, 10-ти сотникамъ по 35 и т. д. „Для двороваго строенія и перваго обзаведенія имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованье... гетману съ сыномъ 40 р. и 20 ч. ржи, войсковому есауду 15 р. и 10 ч. ржи“ и т. д. („Очерки“, стр. 180, и „Материалы“, стр. 15—16, „Указъ Михаила Федоровича объ устройствѣ на Чугуевѣ Городищъ Гетмана Яйка Остренина и черкасъ въ 1639 г.“). Московское же правительство снабдило и снабжало ихъ боевыми припасами. Оно обложило ихъ и оброкомъ: „И которымъ лесамъ и речными ловлямъ были на оброкъ“, говорится въ концѣ указа, „и за кѣмъ и что съ которова оброчново мѣста государю въ казну оброку платить и Максиму Ладыженскому и подъячму то все велѣти написать въ книги подлинно по старымъ и съ тѣми книгами Максиму Ладыженскому и подъячму вхаты къ Москве а другіе жъ таковыя ж книги велѣти отдать на Чугуево воеводе за руками“.

Казаки превращены были, такимъ образомъ, въ самыхъ заурядныхъ служилыхъ московскихъ людей. Но помѣстная система, съ полнымъ, между прочимъ, подчиненіемъ казаковъ московскимъ воеводамъ, несмотря на наличность своего „гетмана“, оказалась непосильной для казаковъ тяжестью и закончилась бѣгствомъ ихъ назадъ, на родину, сразу въ одинъ день, 26 апрѣля 1641 г.,—на третій годъ поселенія.

Кажется, былъ еще одинъ случай поселенія казаковъ на помѣстномъ правѣ. Епископъ Филаретъ (цитир. соч., отд. II, стр. 160—161; упоминается и у Багалъя, стр. 426) приводитъ грамоту отъ 23 февраля 1655 г. Григорію Спѣшневу, которой устанавливается случай водворенія въ означенномъ году, въ Чугуевскомъ же уѣздѣ „въ урочищѣ межъ Лопина и Харькова“ партии малороссіянъ въ 800 человекъ.

Спѣшневъ долженъ былъ надѣлить ихъ опредѣленнымъ на долю каждого количествомъ земли. Но все таки въ этомъ второмъ заселеніи Чугуева замѣчается нѣкоторое отличіе отъ перваго. Прежде всего, это, повидимому, не войны; они названы „нововыбажими черкасами“ и о томъ, что они должны отправлять воинскую службу или хотя бы „бережье держать“, въ грамотѣ, или памяти, какъ она названа, не говорится ни слова. Въ то же время уже совершается нѣчто въ родѣ заимки. Черкасы не ждали уже отвода земель, а сами прямо „пріѣхали на Чугуевъ“ и, очевидно, уже устроились въ вышеназванномъ урочищѣ „межъ Лопани“ (въ другомъ мѣстѣ сказано: „Лопина“) и Харькова, ибо они пишутъ въ челобитной: „а на Чугуевѣ она пашнею и сѣнными покосы не устроены“ и, стало быть, подъ дворами и огородами уже заняты мѣста.

Теперь зададимся вопросомъ: насколько эти два значительныхъ переселенія малороссіянъ на Царскія земли характеризуютъ послѣдующія? Имѣются ли основанія думать, что, подобно тому, какъ было въ этихъ двухъ случаяхъ, московское правительство и впоследствии продолжало практиковать по отношенію къ черкасамъ именно помѣстную систему,—отводъ и раздачу переселенцамъ земель въ помѣстья? Для отвѣта на этотъ вопросъ припомнимъ, прежде всего, что означенныя переселенія происходили въ то еще время, когда никакъ нельзя было предвидѣть, что переселеніе достигнетъ тѣхъ громаднхъ размѣровъ, какихъ оно достигло въ теченіе какихъ нибудь 10—20 ближайшихъ лѣтъ. Уже поселившіеся отдѣльными небольшими партиями казаки говорили, правда, что „если поляки и литовцы оселятъ казаковъ, то они всѣ побѣгутъ въ Московское государство“, а другіе прибавляли, что „если ихъ не приметъ Московскій Царь, то они съ

женами и дѣтьми должны будутъ уйти въ Крымъ“¹⁾, но само московское правительство еще опасалось „измѣны“ со стороны черкасъ, какъ это видно изъ грамоты Царя Алексѣя Михайловича 1646 г. Чугуевскому воеводѣ²⁾, и, между прочимъ, по поводу поселенія „литовскихъ людей“ по рр. Суль и Терку дѣлало представленія никому иному, какъ Богдану Хмѣльницкому „о нарушеніи границъ“³⁾. Вообще московское правительство въ эту, несомнѣнно перекрестную эпоху, весьма неохотно соглашаясь на переселеніе черкасъ въ его владѣнія, и, какъ видно изъ вышеупомянутой переписки съ чугуевскимъ воеводой, заявляло, что „по указу Государеву велѣно принимать въ государеву сторону только черкасъ, которые имѣютъ семьи и имущество,—шляхтичей добрыхъ и торговыхъ людей, а худыхъ и одинокихъ въ нашу сторону принимать не велѣно“⁴⁾. Первое, окончившееся такъ неудачно, заселеніе Чугуева произвело впечатлѣніе именно измѣны и составило въ исторіи Слободской Украины эпизодъ, неизмѣющей никакого отношенія къ дѣйствительному ея заселенію впоследствии. Но чугуевскіе черкасы бѣжали, а самый городъ Чугуевъ, выстроенный совмѣстными усиліями черкасъ и московскихъ служилыхъ людей, остался. И вотъ сюда, въ Чугуевъ же, на это, такъ сказать, готовое мѣсто черкасы идутъ опять, идутъ для того, чтобы жить и, если прикажутъ, служить, среди русскихъ людей. Вполнѣ естественно, что ихъ должна была ждать обыкновенная московская служилая служба, или даже „тягло“, какъ и случилось. Чтобы понять, что очень скоро такого рода переселенія могли происходить лишь въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, необходимо припомнить, что съ переходомъ въ 1654 г. Малой Россіи въ подданство Московскаго Государя недовѣріе къ черкасамъ должно было прекратиться и что съ этого момента переселенія малороссіянъ изъ Право и Лѣвобережныхъ Украйнъ въ Слободскую приняли характеръ громадной и непрерывной волны, подъ напоромъ которой „отводъ“ и „надѣленіе“ земель не могли имѣть мѣста.

Вотъ какъ говорить объ этомъ современная лѣтопись: „и повелѣлъ народу (Хмѣльницкій) волно сходить съ городовъ, кидаючи свои набитки къ Полтавщинѣ, такожь и за границу у Великую Россію, а бы тамъ городами осѣдали. И отъ того часу стали осѣдати: Суми, Лебединъ, Харьковъ, Ахтирка и всѣ слободы даже до рѣчки Дону козацкимъ народомъ“⁵⁾. Стоитъ вдуматься въ выраженіе: „повелѣлъ городами осѣдати“, чтобы вполнѣ согласиться со словами проф. Багалъя, что „народъ, не желая опять служить полякамъ, разомъ снялся со своихъ жилищъ и удалился въ нынѣшнюю Полтавскую губ. и въ Московское государство“⁶⁾. Переселенческая волна съ Гетманщины въ Заднѣпровья, получившая первый сильный толчекъ еще въсколькоранѣе присоединенія Малороссіи⁷⁾, продолжается

¹⁾ См. извѣстіе объ этомъ, взятое изъ актовъ Южной и Западной Россіи, у Багалъя, „Очерки“, стр. 387.

²⁾ Проф. Багалъя, у котораго мы беремъ и это извѣстіе, сопровождаетъ его замѣчаніемъ: „Очевидно, живо было еще воспоминаніе объ измѣнѣ Чугуевскихъ черкасъ“, т. е. о побѣгѣ ихъ въ 1641 г.

³⁾ Ibidem, стр. 387.

⁴⁾ Ibidem, стр. 383.

⁵⁾ Багалъя, „Очерки“, стр. 391,—изъ лѣтописи Грабянки.

⁶⁾ Ibidem, та же страница.

⁷⁾ Извѣстенъ случай, удостоверяемый многими изслѣдователями, о приходѣ въ Острогожскъ цѣлаго полка казаковъ въ 1.000 человекъ прямо съ поля битвы въ 1651 г., послѣ пораженія Богдана Хмѣльницкаго подъ Берестечкомъ.

безъ перерыва нѣсколько десятковъ лѣтъ и особенно усиливается въ ужасную въ исторіи Малороссіи эпоху „Руины“ (1663—1687 гг.), когда между Лѣво-бережной Украиной и Правобережной, по Андрусовскому миру вновь отошедшей обратно къ Польшѣ, возникаетъ братоубійственная междоусобная война, въ основаніи которой лежала несчастная въ то время мечта о воссоединеніи обѣихъ Украинъ. Казаки-воины уже не ждутъ указанія мѣстъ и разрѣшенія вопроса о томъ, какое количество четвертей земли и денежнаго и хлѣбнаго жалованья будетъ отведено и назначено на человѣка. Никакого жалованья они отъ московскаго правительства не просятъ и строятъ города и села безъ всякаго съ его стороны пособія. Они держатъ бережье отъ Крымскія и Ногайскія стороны, постоянно сражаются съ кочевниками, вообще несутъ полковую службу, но не столько въ интересахъ московскаго государства, что выходитъ само собой, ибо они клиномъ врѣзаются между владѣніями московскаго государства и степныхъ кочевниковъ, сколько въ своихъ собственныхъ, такъ какъ имъ приходится селиться „на татарскихъ бродяхъ, сакмахъ и перелазяхъ“ и защищать вооруженной рукой собственныя жилища, своихъ женъ и дѣтей. Если, засимъ, мы будемъ помнить, что дикій, пустынный и огромный край, занимаемый въ настоящее время Харьковской губерніи и частью губерній Курской и Воронежской, заселился цѣлымъ рядомъ городовъ и слободъ въ теченіе всего двухъ—трехъ десятковъ лѣтъ, то для насъ будетъ ясно, что московское правительство имѣло дѣло уже не съ отдѣльными, хотя бы и значительными, партиями переселенцевъ: въ его предѣлы переселился цѣлый чужой народъ, причемъ произошло это въ значительной степени и вслѣдствіе вызововъ самого московскаго правительства. Обнадеживаемые Государскою милостью, люди „отдавались на пресвѣтлую Государеву милость“ и шли—объжали, „на Государеву имя“, „за границу у Великую Россію“¹⁾, на Царскія земли, но несли съ собой свое міровоззрѣніе, свое правосознаніе, свою „черкасскую обыкность“. Истцы утверждаютъ, что предки ихъ со старой родины перенесли и займку, какъ институтъ права, и что, по отношенію къ землѣ, именно въ этомъ и заключалась ихъ „черкасская обыкность“. Уполномоченный казны возражаетъ по этому поводу: „чтобы владѣніе заимоочною землею по прежнему, по черкасской обыкности было владѣніемъ на правѣ собственности, на правѣ вотчинномъ,—такой выводъ не только не основанъ на какомъ либо законѣ, но прямо противорѣчитъ дѣйствующему закону 17 мая 1899 г., который именно устанавливаетъ, что, по общему правилу (ст. 2, отд. 1), войсковые обыватели имѣли лишь право пользованія отведенною имъ землею“. Это, конечно, не отвѣтъ на вопросъ, что такое „черкасская обыкность“, ибо для отвѣта на этотъ вопросъ надо имѣть въ виду времена до заселенія Слободской Украины и не самую Слободскую Украину, а прежнюю родину переселенцевъ.

Вдаваясь по необходимости въ нѣкоторыя историческія изысканія, судъ можетъ сказать, что, въ сущности, исторія Малороссійскаго²⁾ казачества съ

¹⁾ Здѣсь кстати отмѣтить совершенную неправильность утвержденія истцовъ въ исковомъ прошеніи, поданномъ еще въ 1882 г., что заселяемая область составляла *res nullius*. Всѣ источники, и русскіе и малорусскіе, единогласно утверждаютъ противное, что, между прочимъ, ясно и изъ лѣтописи Гадячскаго полковника Грабянки, изъ которой въ текстѣ дѣлается цитата, а именно,—что Слободская Украина была „Царскою“ землей.

²⁾ Мы противопоставляемъ здѣсь малороссійское казачество запорожскому. Названіе „войско запорожское“ сохранилось, впрочемъ, и впоследствии и

„займки“ и началась. Предоставимъ, однако, слово извѣстному покойному исторіку И. И. Срезневскому (Историч. обзорѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразования въ Харьковскую губернію, Харьковъ, 1883 г., стр. 2): „Малой Русью владѣли поляки и, по сказанію лѣтописцевъ, притѣсненіями заставляли еще съ конца XV вѣка людей воинскаго чина искать убѣжища за порогами Днѣпра. Такимъ образомъ народъ малороссійскій раздѣлился на двѣ части: въ Поддѣпровской Украинѣ жили посполитые люди, подъ властью короны или помѣщиковъ польскихъ; въ Запорожьѣ жили казаки вольно... Это продолжалось до половины XVI вѣка. Съ этого времени казаки стали расселяться на сѣверъ по Днѣпру до Тямина и Чигирина, потомъ до Канева и Терехтемирова, занявъ Черкасскій островъ, и наконецъ почти до самаго Кіева... Стефанъ Ваторій, вступившій на престолъ польскій въ 1576 г., обратилъ вниманіе на казаковъ, и стараясь преклонить ихъ на свою сторону, даровалъ имъ многія права, преобразовавшія во многомъ видъ и устройство Малой Руси. Одно изъ важнѣйшихъ правъ, дарованныхъ войску Запорожскому Стефаномъ Ваторіемъ, было позволеніе расселяться по всей Поддѣпровской Украинѣ. Казаки не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и скоро вся Украина, отъ Сейма до Буга и далѣе, заселилась семьями казацкими“. Какъ владѣли они землями? Не надо быть специалистомъ по исторіи, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Общеизвѣстно, что героическая борьба казаковъ съ поляками была борьбой не только за религіозную свободу, но и за свободу личную и имущественную. На какой почвѣ велась борьба за личную и имущественную свободу? Казаки выставляли требованіе о предоставленіи казачьихъ правъ и казачкаго званія всему населенію, или, по крайней мѣрѣ, возможно большому числу его. Поляки старались возможно больше ограничить число казаковъ и вводили особыя терминъ и классъ „реестровыхъ“ казаковъ. Такой характеръ борьбы объясняется тѣмъ, что только казачье званіе давало малороссійцамъ Польско-Литовскаго королевства личную свободу, а съ нею вмѣстѣ и право владѣть земельною собственностью. Нѣтъ, конечно, надобности ссылаться въ этомъ отношеніи на какіе либо авторитеты, но мы приведемъ все-таки небольшой отрывокъ изъ все того же сочиненія проф. Багалѣя, такъ какъ отрывокъ этотъ не только подтверждаетъ сказанное нами, но указываетъ еще и на нѣкоторыя другія привилегіи казачкаго званія, которыя несомнѣнно входили въ составъ той „черкасской обыкности“, которую принесли съ собой казаки въ Слободскую Украину. Вотъ этотъ отрывокъ: „козацкое населеніе, въ отличіе отъ мѣщанскаго, называется“ (рѣчь идетъ о времени до 1622 г.) „непослушнымъ“, ибо оно не признаетъ юрисдикціи старосты, а отправляется въ походъ подъ начальствомъ своихъ выборныхъ¹⁾ проводителей: оно не несетъ никакихъ повинностей, кромѣ военной; землями оно владѣетъ на правѣ полной¹⁾ собственности („Очерки“, стр. 141—142)“. Можно было бы думать, что Московское правительство „воспользуется“ положеніемъ и будетъ диктовать новымъ подданнымъ свои порядки. На самомъ дѣлѣ, оно тотчасъ же признало козацкіе обычаи и рѣдкая грамота упускаетъ случай объ этомъ напомнить, ибо Московское правительство вѣрно поняло свои интересы. Въ то время всегда можно было опасаться (на это имѣются прямыя указанія въ грамотахъ-же), что, стихнетъ на мигъ смуга въ Гетманщинѣ и въ Заддѣпровьи, и „прелѣстныя“,

употреблялось на ряду съ названіемъ „войско малороссійское“.

¹⁾ Куринь г. Багалѣя.

письма и зазывы со старой родины возымѣют на пришельцевъ такое же дѣйствіе, какое они произвели на Чугуевскихъ переселенцевъ 1638—1641 гг. Между тѣмъ, выгоды отъ заселенія черкасами Слободской Украины были громадны и очевидны. Съ одной стороны, Московское государство пріобрѣтало вѣрныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ. Польскимъ королемъ, — союзниковъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что съ ними, какъ съ своими же подданными, не было надобности договариваться о союзѣ, съ другой — создавался буферъ между татарскими ордами и старыми владѣніями Московскаго Государя, при наличности котораго стоившая огромныхъ средствъ ¹⁾ и при томъ принудительная военная колонизація края черезъ великорусскихъ служилыхъ людей становилась излишней. Послѣдствіемъ такого соотношенія вещей явилось полное признаніе Московскимъ правительствомъ „черкаской обычности“ во всѣхъ ея видахъ. Отсюда возникновеніе слободскихъ, т. е. свободныхъ, ²⁾ полковъ, отсюда полное казачье самоуправленіе, отсюда всѣ казачкія привилегіи: „Черкаская обычность“ по отношенію къ землевладѣнію признана была не сразу, но очень скоро. Сперва обнаружилось, что съ нею находится въ противорѣчій обложеніе разныхъ промысловъ налогами ³⁾, и уже царь Алексѣй Михайловичъ освобождаетъ слободскіе полки отъ налоговъ за винокуреніе, пивовареніе и продажу вина и приказываетъ возвратитъ имъ тѣ деньги, что съ нихъ были по этимъ налогамъ взяты. Ссылки на казачкіе обычаи въ этой грамотѣ, данной 5 мая 1669 г., еще не дѣлаются. Она дѣлается, между прочимъ, въ грамотѣ Петра Великаго отъ 28 февраля 1700 г., въ которой право безобразно и безпошлинно промыслами промышлять признается именно „черкаскимъ обыкновеніемъ“. Что касается болѣе раннихъ грамотъ и, въ частности, грамоты 5 мая 1669 г., то въ ней устанавливается особое основаніе предоставляемой податной льготы, — основаніе, остающееся неизмѣннымъ на всѣ послѣдующія времена: „... велѣли имъ вмѣсто нашего государева годоваго жъ денежнаго жалованья такими промыслами въ городѣхъ Харьковскаго полку промышлять безобразно чтобы имъ было отчего наша Великаго Государя полковая службы служить“. Если мы сопшемся на приложенную къ дѣлу частную грамоту на имя казаковъ Степана Мартинова и Мануила Леонтьева „съ товарищи“ отъ 28 февраля 1698 г., въ которой, — на общемъ основаніи, т. е. именно потому, что такъ именно „пожаловалъ“ царь Алексѣй Михайловичъ „Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ полковниковъ и ихъ полковъ начальныхъ людей и все посольство“, этимъ казакамъ велѣно: „съ тѣхъ промысловъ служить имъ наша, Великихъ Государей, полковныя службы въ Сумскомъ полку безъ жалованья“, — на вышепомянутую грамоту Петра Великаго отъ 28 февраля 1700 г. и, наконецъ, на грамоту Императрицы Елисаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 г., также, вопреки утвержденію уполномоченнаго казны, предписывающую казакамъ: „съ тѣхъ промысловъ служить имъ полковую службу по прежнему безъ жалованья“, то именно въ этомъ мѣстѣ судъ можетъ разрѣшить вышеозначенный споръ между сторонами по вопросу о томъ, „съ земель-ли“ или „съ промысловъ“

несли казаки полковую службу, слѣдующимъ категорическимъ утвержденіемъ: служба отбывалась казаками „съ промысловъ“, а не „съ земель“, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Возвращаясь къ царскимъ грамотамъ на земли, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что грамоты 17 февраля 1682 г. и 19 февраля 1684 г. суть только призывныя, не содержащія въ себѣ никакихъ указаній ⁴⁾ на характеръ владѣнія землями. Неужели, однако, грамоты 10 июня и 4 ноября 1686 г. также не вносятъ въ представленіе о казачкомъ землевладѣніи ничего опредѣленнаго?

Обратимъ вниманіе, прежде всего, на то, что ихъ раздѣляетъ время менѣе, чѣмъ четыре мѣсяца, а затѣмъ — на торжественный тонъ первой и на чрезвычайную заботливость второй устранить всякія сомнѣнія.

Обратимъ вниманіе еще на то, что первая грамота очень опредѣленно говоритъ о томъ, чѣмъ жалуются полковники и старшина, относительно же „урядниковъ“ и простыхъ „козаковъ“ употребляетъ слово: „жалуемъ“, но чѣмъ именно — объ этомъ ничего не сказано.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на поводъ, по которому появилась грамота 10-го июня, — „вѣчный“ миръ послѣ кровопролитной войны, въ которой, не щадя головъ своихъ, лило кровь и умирало все козацество, а не только, конечно, полковники и старшина... Эти обстоятельства представляются суду вполне достаточными для того, чтобы установить тѣсную связь между обѣими грамотами, причемъ указанный во второй грамотѣ поводъ къ ея изданію — предполагавшееся измѣненіе земли въ Вѣлгородскомъ полку — не только не исключаетъ, но подтверждаетъ эту связь. Значеніе и связь этихъ грамотъ заключаются въ томъ, что грамота отъ 10 июня 1686 г. превращаетъ „вѣчное житіе“ казаковъ на царскихъ земляхъ въ „вѣчное владѣніе“ ими, т. е. въ вотчину, а грамота отъ 4 ноября того же года, хотя и появившаяся по случайному поводу, разъясняетъ, что пожалованіе это распространяется не на однихъ полковниковъ и старшину, а на всѣхъ козаковъ, безъ всякихъ исключеній“.

Мы тотчасъ докажемъ это.

Въ засѣданіи по дѣлу 4 октября 1901 г. другой уполномоченный казны приводилъ въ доказательство помѣстности казачьяго владѣнія то обстоятельство, что для вотчинныхъ грамотъ имѣются образцы, указанные въ ссылкѣ на источники подъ ст. 936 X т. ч. I св. зак., изд. 1857 г. Конечно, грамоты 1686 г. составлены не по этимъ образцамъ. Но развѣ есть образецъ для милостиваго царскаго слова? Развѣ въ то, по крайней мѣрѣ, время не безразлична была форма, въ которую русскій Государь облачалъ свое повелѣніе? Развѣ не ясно, что дѣло въ этихъ случаяхъ не въ формѣ, а въ содержаніи? Итакъ, обратимся еще разъ и еще разъ къ содержанію грамоты.

Развѣ это не пожалованіе въ вотчину, эти выраженія: „пожаловали васъ... вотчинными и иными землями и всякими угодыя... за службы дѣдовъ и отцевъ вашихъ и за ваши корытные службы... всѣмъ вышеписаннымъ владѣть вамъ... вѣчно?...“ Но что мы еще видимъ въ этой грамотѣ? Между словами: „владѣть вамъ“ и „вѣчно“ находятся еще слова: „по прежнему“... Велѣно владѣть по прежнему вѣчно! — вотъ гдѣ разгадка неопредѣленнаго выраженія грамоты 17 февраля 1682 г. и 19 февраля 1684 г. „вѣчное житіе“. Вѣчное житіе, которое могло быть и служилымъ и тяглымъ, вѣчнымъ-же житіемъ

¹⁾ Ср. Багалъй „Очерки“, стр. 252: „насъ не могло поразить громадное количество средствъ, которыя должно было затрачивать государство на дѣло обороны заселяемаго имъ края“.

²⁾ „Названіе Слободскіе полки и Слободская Украина происходитъ не отъ „слободы“ въ смыслѣ географическомъ, а отъ „слободы“ въ значеніи льготъ, облегченія отъ разныхъ повинностей“, Багалъй, „Очерки“, стр. 445.

³⁾ Мы видѣли выше, что на старой родинѣ казаки не несли никакихъ повинностей кромѣ военной.

⁴⁾ „Никакихъ“ — въ томъ смыслѣ, что, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ и „иноземчества“, какъ тогда выражались, переселенцевъ, къ ихъ „призыву“ на земли нельзя примѣнять тѣ правовыя нормы, которыя къ тому времени сложились въ Московскомъ государствѣ.

для казаковъ съ самаго начала поселенія имѣло другой характеръ и оставалось неяснымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ на протяженіи весьма многихъ лѣтъ. Грамота 4 ноября 1686 г., прибавляя къ словамъ: „вѣдно владѣть по прежнему“, еще слова: „по вашимъ черкасскимъ обыкностямъ“, раскрываетъ загадку до конца. Съ точки зрѣнія уполномоченнаго казны грамоты эти, если не имѣть въ виду его общаго, уже разобраннаго судомъ, возраженія противъ всѣхъ, общихъ на полкъ, грамотъ, не поддаются никакому объясненію, ибо, если эти грамоты были объявленіемъ о томъ, что казакамъ земли предоставляются въ помѣстное владѣніе, вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то во 1-хъ, этого не могло быть, такъ какъ никакого, ни денежнаго, ни хлѣбнаго, жалованья казаки раньше и когда бы то ни было не получали и во 2-хъ, въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, заключалась столь торжественно возвѣщенная награда за выдающіяся заслуги? Съ этой точки зрѣнія остается также, какъ мы видѣли, въ сущности, безъ всякаго объясненія выраженіе: „по вашимъ черкасскимъ обыкностямъ“. Между тѣмъ, съ той (исторической) точки зрѣнія, на которой стоитъ судъ, торжественно возвѣщенная грамотами 1686 г. награда заключалась въ торжественномъ же признаніи „черкасской обычности“ и на земли, т. е. въ предоставленіи казакамъ права владѣть землями на правѣ полной собственности, какъ они владѣли ими на своей прежней родинѣ. Въ послѣдующихъ грамотахъ право безпошлинно и безоборочно всякими угодьями владѣть неизмѣнно обосновывается, кромѣ „прежнихъ нашихъ указовъ и грамотъ“, еще и „на черкасскомъ обыкновѣніи“ или обычности¹⁾. Такимъ образомъ, основной въ дѣлѣ, въ виду закона 17 мая 1899 г., вопросъ, были ли даны земли казакамъ Изюмскаго слободскаго полка, къ которому принадлежала слобода Андреевка²⁾. Верховной властью въ источнику, разбирается, по мнѣнію суда, въ пользу истцовъ. Остается добавить, что во всѣ послѣдующія царствования вплоть до манифеста императрицы Екатерины Второй отъ 28 іюля 1765 г., отмѣнявшаго ставшую безполезною казачью службу, „но безъ нарушенія указами неотмѣненныхъ привилегій“, эти послѣднія постоянно подтверждались царскими грамотами. Въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны нѣсколько затронута была привилегія относительно свободнаго, полковымъ устройствомъ, отбыванія военной службы, но и эта привилегія была восстановлена грамотой императрицы Елисаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 г. Что же касается правъ казаковъ на земли, то ни одна изъ послѣдующихъ грамотъ никогда ни въ чемъ ихъ не умалила³⁾. Разъ это

¹⁾ См., напр., вышеупомянутую грамоту Петра Великаго отъ 28 февраля 1700 г. и его же, приложенную къ дѣлу грамоту, годъ которой означенъ буквами З. С. К.т, а число мѣсяца (февраля) буквами: О. П.г.

²⁾ О времени возникновенія Андреевки имѣются слѣдующія свѣдѣнія въ источникахъ: „Слобода Андреевы Лозы“, городъ и городокъ Андреевка, рано является въ Слободской Украинѣ. Въ Чугуевской перепискѣ видимъ Андреевы Лозы въ 1670 г., слободу Андрееву въ 1673 г., городъ и городокъ Андреевку въ 1681 и 1689 г. Царскою грамотой 1685 г. старшина, урядники и казаки Андреевыхъ Лозъ отданы въ вѣдѣніе Изюмскаго полковника“. Еп. Филаретъ, цитир. соч., отд. IV, стр. 145.

³⁾ Изъ изложенія исковаго прошенія видно, что истцы въ доказательство своихъ правъ на землю ссылаются еще на изданный для Малороссіи въ 1743 г. сводъ законовъ подъ названіемъ: „Права по которымъ судится малороссійскій народъ“, по которому, какъ они утверждаютъ, заимка дикихъ мѣстъ признана была однимъ изъ способовъ приобрѣтенія права собственности на земли. Какъ ука-

такъ, то можно оставить безъ особаго рассмотрѣнія тотъ рядъ правительственныхъ (составленныхъ въ разныхъ учрежденіяхъ прежняго времени) и частныхъ документовъ, которыя представлены истцами въ доказательство того, что правительственныя учрежденія и власти всегда смотрѣли на староазимочныя земли, какъ на частную собственность ихъ владѣльцевъ, и что послѣдніе почти всегда распоряжались ими, какъ полной своей частной собственностью. Достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что документы эти несомнѣнно подтверждаютъ утвержденіе истцовъ. Для лучшаго выясненія дѣла гораздо важнѣе остановиться еще на нѣкоторыхъ моментахъ казацкаго землевладѣнія, уже отмѣченныхъ выше.

Такъ, судъ высказалъ, что помѣстная система, примененная къ первымъ переселенцамъ въ Чугуевѣ, оказалась для казаковъ непосильной и, скажемъ еще, совершенно несоответствующей ихъ правосознанію тяготой. Это не только лишь предположеніе суда, хотя бы и обоснованное на общемъ смыслѣ событій. Слѣдуетъ помнить, что въ тѣ времена малороссіане были чужимъ народомъ, „иноземства“ котораго ни они, ни Московское правительство никогда не забывали. Отношенія превосходно иллюстрируются челобитной царю Петру Алексѣевичу отъ 1710 г., цѣликомъ приведенной у епископа Филарета (отд. V, стр. 41—48). Жалуясь на тягости военнаго постоа и разныя новыя распоряженія, казаки (челобитная отъ всѣхъ слободскихъ полковъ) пишутъ: „..... отъ иныхъ всякихъ оброчныхъ статей, о которыхъ въ грамотахъ въ полки наши писано, въ Твою, Государеву, казну съ полковъ нашихъ прибыли будетъ малое число, а въ службѣ Твоей, Государевой, конной компанейской учинится великая убыль, въ полкахъ нашихъ великая пустота, потому что нашъ Малороссійскій народъ, за неизвычайнаго иноземства своего, противъ русскихъ людей такихъ тягостей на себѣ понести отнюдь не можетъ, и отъ того пойдутъ всѣ въ свободные гетманскіе города, а иные и пошли уже за Днѣпръ въ новоостроющіеся города“.

Заканчивается челобитная слѣдующимъ образомъ: „Всемилюбивѣйшій Государь! просимъ Вашего Величества за наши прежнія многія службы и за кровь и за смерти отцевъ и дѣтей нашихъ, не вели, Государь, прежнихъ указовъ отца Твоего, Государя, и Братьевъ Твоихъ, Государей блаженныя памяти, и Своего Государева указа нарушить, и нашихъ Черкасскихъ старыхъ волностей, чѣмъ пожалованымы, отъ насъ безъ вины и прослуги нашей отнимать, и вели, Государь, по прежнему своему указу Государеву, тѣми волностями нашими намъ владѣть по старымъ нашимъ Черкасскимъ обыкновѣніямъ и по прежнимъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а вышеписанные новосостоятельные указы о заповѣди лѣсныхъ

заніе на прямой законъ, ссылка эта не вѣрна, ибо ни въ X т. ч. 1, ни въ зак. о сост. мы не находимъ какихъ нибудь въ этомъ отношеніи подтвержденій, изъ чего слѣдуетъ, что сводъ этотъ не получилъ законодательной санкции. Г. Гуровъ, одинъ изъ составителей „Сборника рѣшеній, составительныхъ бумагъ и пр., относящихся къ вопросу о староазимочномъ землевладѣніи“, дѣлаетъ изъ него (стр. 110—111) очень интересныя выписки, подтверждающія утвержденіе истцовъ, и сообщаетъ, что сводъ этотъ былъ составленъ по повелѣнію, послѣдовавшему въ 1728 г. Было ли это Высочайшее повелѣніе, онъ не указываетъ. Для характеристики казацкаго землевладѣнія эта, такимъ образомъ, официальная работа имѣетъ несомнѣнно большое значеніе. Къ сожалѣнію, въ рукахъ суда не было этого документа. Для настоящаго рѣшенія это не составляетъ, однако, большого пробѣла, какъ это будетъ видно изъ предстоящаго суду разбора законоположеній 1859, 1864 и 1865 гг.

угодьевъ, о мельницахъ и о рыбныхъ повляхъ, о пасекахъ, о мостахъ, о перевозахъ, о конскихъ площадяхъ и леволохьяхъ, о валкахъ и всякихъ оброчныхъ стабахъ, которая въ новосостоятельныхъ указахъ написаны, вели, Государь, съ насъ сложить и отставить, и впредь такихъ оброчныхъ статей и иныхъ никакихъ тягостей не вели, Государь, на насъ накладывать, для того, что наши Малороссійскій народъ, за неизвычай своего иноземства, такихъ тягостей безмѣрныя понести противъ Русскихъ людей никакими мѣрами не могутъ, пойдутъ врознь, и чтобъ намъ передъ иными своею братьею въ оскорбленіи не быть и достальнымъ всѣмъ безъ остатку не разориться и отъ такихъ тягостей Твоей Государевой службы не отбыть¹. Челобитная эта, которая была уважена и вслѣдствіе которой, между прочимъ, отмѣнено было распоряженіе доставлять лѣсъ въ Воронежъ (Филаретъ, отд. V, стр. 31), слишкомъ, обширна для того, чтобы привести ее цѣликомъ, но для выясненія характера казацкаго землевладѣнія это драгоценнѣйшій документъ. Въ ней подробнѣйшимъ образомъ перечисляются всѣ казачія права и, конечно, право „заимки занимать, паеки и всякіе грунты заводить“, а также много разъ данныя торжественныя обѣщанія, „впредь тѣхъ оброчковъ за вышепомянутую нашу службу на насъ не править“, съ указаніемъ, что „на тѣ наши всѣ вольности и на грунта¹) и на всякіе промыслы въ твердую намъ и дѣтямъ надежду въ будущіе годы даны намъ Ваши, Государевы, жалованныя многія грамоты изъ Разряду и изъ Приказу Великой Росіи“ (а не изъ помѣстнаго, какъ это дѣлалось по отношению къ русскимъ служилымъ людямъ).

Судъ не разъ поминалъ въ своемъ изложеніи слово „отводъ“, но не останавливался на специально по этому поводу возраженіи одного изъ уполномоченныхъ казны, утверждавшаго (см. протоколъ засѣданія отъ 4 октября 1901 г.) не только то, что „заселеніе малороссійскими выходцами Слободской Украины происходило вообще подъ надзоромъ и руководствомъ Московскаго правительства“, съ чѣмъ судъ совершенно согласенъ, но еще, что „въ основѣ заселенія лежалъ отводъ земель, какъ это подтверждается представленными истцомъ жалованными грамотами 19 февраля 1684 г. и 14 октября 1704 г.“²), съ чѣмъ судъ никакъ не можетъ согласиться. Вообще говоря, на это возраженіе уже данъ отвѣтъ судомъ. Было указано, что „заимка“, какъ свободное, на правѣ собственности, занятіе земель, и какъ противоположность „отводу“, въ смыслѣ надѣленія земель въ пользованіе, необходимо должна была появиться въ эпоху дѣйствительнаго заселенія Слободской Украины, — вытекала именно, какъ необходимость, изъ историческаго положенія вещей и притомъ основывалась на древнихъ казацкихъ обычаяхъ. Въ частности, по отношенію къ заселенію мѣстности, которую занималъ Изюмскій полкъ, грамота 19 февраля 1684 г., на которую, въ доказательство „отвода“, ссылается уполномоченный казны, не только не подтверждаетъ его ссылки, но, какъ разъ наоборотъ, доказываетъ, что въ этомъ случаѣ имѣла мѣсто именно заимка, а не отводъ. Уполномоченный казны ссылается на слова грамоты: „по отводу генерала Нашего и воеводы Григорія Ивановича Косогова“, но онъ забываетъ, что изъ этой грамоты и изъ той, о которой въ ней говорится (17 февраля 1682 г.), видно, что Косогову дается какое то порученіе уже послѣ того, какъ городъ Изюмъ выстроенъ и урочища Спѣваково и Пришибъ заняты. Еще епископъ Филаретъ (отд. V, стр. 6) указывалъ на „неспра-

¹) Нарушеніе права собственности на „грунта“, т. е. на земли, казаки, очевидно, усматривали въ „заповѣди лѣсныхъ угодьевъ“.

²) Уполномоченный казны ошибается: грамоты 14 октября 1704 г. истцы не представляли.

ведливое разумѣніе Царской грамоты 1682 г.“. Цитируя мѣсто о призывѣ на вѣчное житіе неслужилыхъ Черкасъ, онъ пишетъ: „Это значитъ, что для образованія особаго Изюмскаго полка надлежало умножить по мѣстамъ число поселенцевъ,—но поселенцы уже были не только въ Изюмѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, назначаемыхъ для Изюмскаго полка, что особенно ясно видно въ грамотѣ 1685 г., которую представимъ ниже“. Судъ не находитъ нужнымъ приводить эту послѣднюю грамоту, такъ какъ вопросъ и такъ ясенъ. Но какого же рода „отводъ“ былъ порученъ генералу Косогову? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ, все у того-же, такъ много потрудившагося для выясненія исторіи заселенія края, епископа Филарета, и притомъ—въ примѣненіи именно къ слободѣ Андреевкѣ. На стр. 152, отд. IV, читаемъ: „По дѣлу о... береговыхъ укрѣпленіяхъ Андреевки видно, что лѣвый, или, по тогдашнему, Русскій берегъ Донца даже во второй половинѣ XVII столѣтія покрытъ былъ лѣсами, которые тянулись отъ Андреевки до Балаклѣи. Дабы не открывать свободнаго хода татарамъ къ поселеніямъ, генералъ Косоговъ 8 октября 1681 г. предписывалъ, чтобы балаклѣйцы и жители Андреевскихъ лозъ подъ страхомъ смертной казни, не смѣли ѣздить въ лѣса Русскаго берега Донца и, не накладывали стежекъ“. Далѣе, у епископа Филарета сообщается, какъ вслѣдствіе „слѣзныхъ просьбъ“ андреевцевъ, было улажено дѣло: на берегу Донца сдѣланы были „надолбы“, въ 50 саженьяхъ отъ линіи укрѣпленій проведена была параллельная ей дорога и проч. Итакъ, вотъ въ чемъ заключалось порученіе Косогову. Это былъ „надзоръ и руководство Московскаго правительства“, постоянная наличность которыхъ, конечно, не отрицается судомъ и признается всѣми изслѣдователями вопроса.

Засимъ, суду предстоитъ самымъ внимательнымъ образомъ разсмотрѣть представленную къ дѣлу копію „Приложенія къ Сенатскимъ Вѣдомостямъ“ 1869 г. № 26—169, которое изображаетъ намъ положеніе вопроса въ XIX вѣкѣ,—до изданія закона 17 мая 1899 г. Приложение это—указъ 22 марта 1865 г. Правительствующаго Сената, по общему собранію первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи, „о правахъ войсковыхъ обывателей на владѣніе старозаимочными землями вообще“, въ которомъ дословно излагается принятое Сенатомъ „къ надлежащему исполненію“ Высочайше утвержденное 21 февраля 1865 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта. Выводы, къ которымъ пришелъ судъ, всецѣло подтверждаются симъ мнѣніемъ. Изъ этого мнѣнія видно, что, „по поводу возникшаго изъ частнаго дѣла вопроса о значеніи старозаимочной земли“, Государственный Совѣтъ въ 1854 г. „нашелъ, что войсковые обыватели пользовались этою землею, какъ своею собственностью“. Еще раньше, въ 1838 г., къ такому же заключенію пришелъ и Сенатъ. Засимъ, еще два раза вопросъ „о значеніи старозаимочной земли“ восходилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, причемъ оба раза этому разсмотрѣнію предшествовала разработка вопроса во II-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Оба раза II-е отдѣленіе приходило къ одному и тѣмъ же результатамъ, а именно къ признанію старозаимочной земли частною собственностью ея владѣльцевъ. Въ первый разъ послѣдствиемъ работы II отдѣленія явился законъ 30 марта 1859 г., во второмъ—законъ 24 февраля 1864 г., который и въ настоящее время составляетъ дѣйствующій законъ, а именно часть 2 примѣчанія 3-го къ статьѣ 763 т. IX св. зак., зак. о сост. ¹), причемъ въ этотъ второй разъ Госу-

¹) Ч. 2 примѣч. 3-го ст. 763 зак. о сост. имѣетъ своимъ источникомъ, собственно, именно разбираемое Вы-

дарственный Совѣтъ основывался (на это обстоятельство необходимо обратить особое внимание) исключительно и единственно на заключеніи II-го отдѣленія. Объ этомъ очень ясно сказано въ Высочайше утвержденномъ 21 февраля 1865 г. мнѣніи Государственного Совѣта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Государственный Совѣтъ призналъ сіе заключеніе правильнымъ и на семь основаній Высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г., мнѣніемъ... постановилъ“ и т. д. Какое же именно заключеніе представило II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и что именно „на семь основаній“, „признавъ сіе заключеніе правильнымъ“, постановилъ Государственный Совѣтъ, испросивъ на свое постановленіе Высочайшее утвержденіе и, такимъ образомъ, превративъ свое постановленіе въ законъ? Вотъ заключеніе II отдѣленія. „Оно объяснило: 1) что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстномъ, а полной частной собственности, и 2) что войсковымъ обывателямъ Харьковской губерніи слѣдовало бы предоставить, лично и въ составѣ обществъ, право отчуждать не только войсковымъ же обывателямъ, но и всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, коль скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны“.

Выпишемъ, засимъ, постановленіе Государственного Совѣта, или, что тоже, дѣйствующій и нынѣ законъ, такъ какъ и нынѣ законъ 17 мая 1899 г. изданъ лишь въ разъясненіе, а не отмѣну 2-й ч. примѣч. 3-го ст. 763 зак. и сост.: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей Харьковской губерніи, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать, лично и въ составѣ обществъ, людямъ всякаго званія; въ случаѣ неимѣнія у кого-либо законнаго документа о полной принадлежности ему такой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется удостовѣреніе Харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ числу казенныхъ“.

Оставляя въ сторонѣ ту часть постановленія Государственного Совѣта, въ которой устанавливается порядокъ отчужденія старозаимочныхъ земель, о чемъ въ заключеніи II отдѣленія ничего сказано не было, мы видимъ, что различіе заключенія II отдѣленія и постановленія Государственного Совѣта сводится къ слѣдующему: изъ постановленія устраненъ первый пунктъ заключенія, категорически признававшій за войсковыми обывателями право полной частной собственности на состоящія въ ихъ владѣніи старозаимочныя земли, и удержавъ, — съ дополненіемъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно происходить отчужденіе этихъ земель, въ случаѣ отсутствія законнаго документа, лишь второй пунктъ, причемъ находившіяся въ 2 пунктѣ заключенія слова: „коль скоро“ и т. д. сохранены и въ постановленіи. Эти различіе и сходство законодательнаго матеріала и закона, основаннаго на этомъ матеріалѣ, привели и приводятъ юридическую литературу и судебную практику въ величайшее недоумѣніе. Несомнѣнно, что никакого недоумѣнія не про-

сочайше утвержденное 21 февраля 1865 г. мнѣніе Госуд. Совѣта, но вся разница между этимъ мнѣніемъ и закономъ 24 февраля 1864 г. заключается въ томъ, что постановленія этого закона распространены на всѣ, гдѣ бы то ни было (а не въ одной Харьковской губерніи) находящіяся, старозаимочныя земли.

исходило бы, если бы мотивы закона 24 февраля 1864 г. не были опубликованы. Тогда ясно было бы, что категорическое утвержденіе 1 пункта заключенія II отдѣленія Государственнымъ Совѣтомъ принято не было, — что „свѣдѣнія“, собранныя II отдѣленіемъ, представились Государственному Совѣту достаточными лишь для допущенія возможности, что въ числѣ старозаимочныхъ земель имѣются земли, принадлежащія ихъ владѣльцамъ на правѣ полной частной собственности, но что по отношенію ко всѣмъ остальнымъ старозаимочнымъ землямъ Государственный Совѣтъ остался при убѣжденіи, что онѣ даны были въ свое время только въ пользованіе отъ казны и потому и нынѣ принадлежатъ послѣдней и что, согласно съ симъ, владѣльцы старозаимочныхъ земель должны доказывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ то, что не удалось доказать II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а именно, — что состоящія въ ихъ владѣніи земли принадлежатъ имъ на правѣ полной частной собственности. Но затрудненіе судебной практики заключается именно въ томъ, что, какъ выше указано, въ опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе Высочайше утвержденномъ 21 февраля 1865 г. мнѣніи Государственного Совѣта прямо, безъ всякихъ оговорокъ, сказано, что Государственный Совѣтъ, изготовляя законъ 24 февраля 1864 г., призналъ заключеніе II-го отдѣленія правильнымъ. Признано, слѣдовательно, правильнымъ утвержденіе, что „старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстномъ, а полной частной собственности“. Что же значить въ такомъ случаѣ слова: „коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны“? Недоумѣніе такъ велико, что даетъ поводъ одному изъ изслѣдователей старозаимочнаго землевладѣнія (Шимановъ, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія Харьковской губерніи“, стр. 120) воскликнуть: „не легко понять истинный смыслъ этой... оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній въ томъ или другомъ частномъ случаѣ“.

Необходимо устранить поводъ къ неосновательнымъ разсужденіямъ, примѣръ которыхъ представилъ г. Шимановъ, но для этого необходимо устранить недоумѣніе, возбуждаемое закономъ. Окружный судъ находитъ, что недоумѣніе кроется въ употребленіи слова, имѣющаго двусмысленное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что значить выраженіе „коль скоро“? Довольно рѣдкое, оно употребляется большею частью, какъ ограниченіе, т. е. въ смыслѣ слова „если“, но частно оно равнозначуще съ выраженіями: „разъ“ и „такъ какъ“.

Продолжая, напримѣръ, настоящее изложеніе и замѣняя выраженіе „такъ какъ“ выраженіемъ „коль скоро“, судъ можетъ выразиться слѣдующимъ образомъ: коль скоро Государственный Совѣтъ, изготовляя законъ 24 февраля 1864 г., основывался только на матеріалѣ, собранномъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, то несомнѣнно, что выраженіе „коль скоро“ онъ употребилъ въ смыслѣ „такъ какъ“... Именно такъ и слѣдуетъ понимать это выраженіе. Тогда устраняется всякая тѣнь сомнѣнія, — законъ, т. е. револютивная часть Высочайше утвержденнаго 24 февраля 1864 г. мнѣнія Государственного Совѣта, получаетъ полное согласованіе съ его мотивами и становится ясенъ, какъ день. Но при такомъ толкованіи законъ 1864—65 г. становится въ противорѣчіе съ закономъ 17 мая 1899 г. 1). Между тѣмъ, объявлено, что послѣдній законъ не отмѣняетъ, а

1) Сущность закона 17-го мая 1899 г. заключается въ томъ, что онъ не отождествляетъ старо-

разъясняет прежній. Какъ выйти изъ этой контроверзы? Нѣкоторый выходъ судъ усматриваетъ. Выше былъ приведенъ случай водворенія въ 1655 г., т. е. въ то время, когда уже началось то переселеніе малороссянъ, послѣдствіемъ котораго было дѣйствительное заселеніе Слободской Украйны, въ урочищѣ „межъ Лопина и Харькова“ партіи малороссянъ въ 800 человекъ, — повидимому, на помѣстномъ правѣ. Отсюда возможность существованія на ряду съ дѣйствительной заимкой quasi-заимки, т. е. случаевъ, когда, потому-ли, что воспоминаніе о происхожденіи земли утратилось, или потому, что оно умышленно скрывается, за старозаимочную выдается казенная земля, „данная лишь въ пользованіе отъ казны“. Судъ указывалъ, однако, что такіе случаи, т. е. такіе, въ которыхъ на человекъ надѣлялось такое-то, вполне опредѣленное количество земли, въ такомъ-то мѣстѣ, могли происходить лишь, какъ исключенія, и потому полагаютъ, что, какое бы происхожденіе первоначально земля ни имѣла, но, разъ имѣются доказательства, что она считалась и считается старозаимочной, она словомъ закона (законы 24 февраля 1864 г. и 21 февраля 1865 г.) должна считаться полной частной собственностью, и смыслъ и значеніе разъяснительнаго закона 17 мая 1899 г. заключается въ томъ, что этимъ закономъ казнѣ предоставлено право опровергать законную презумпцію о принадлежности старозаимочныхъ земель ихъ владѣльцамъ на пра-

заимки съ частной собственностью. Старозаимка, по этому закону, можетъ быть и частной собственностью и „пользованіемъ отъ казны“.—Для удобства сравненій приведемъ объ основныхъ статьи 17-го мая 1899 г. Статья 1: „Государственнымъ крестьянамъ изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей принадлежатъ на правѣ собственности тѣ изъ вошедшихъ въ ихъ надѣль, обложенный оброчной податью, преобразованною въ выкупные платежи, старозаимочныхъ земель, кои приобрѣтены были ими въ собственность изъ частнаго владѣнія или даны имъ Верховною властью, въ прежнее время въ вотчину“. Статья 2: „Всѣ остальные, кромѣ указанныхъ въ предшедшей (1) статьѣ, вошедшія въ надѣль государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей, съ старозаимочныя земли, состоявшія въ ихъ владѣніи во времена, предшествовавшія введенію въ дѣйствіе законоположеній о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, признаются данными симъ обывателямъ лишь въ пользованіе отъ казны“.

въ полной частной собственности, а не на помѣстномъ. Но въ такомъ случаѣ opus probandi долженъ лежать на казнѣ. Между тѣмъ, въ настоящемъ дѣлѣ казна лишь возражала противъ доказательствъ истцовъ, но сама ничего не доказывала.

На основаніи изложеннаго и вопреки заключенію товарища прокурора, согласившагося съ объясненіями уполномоченнаго казны и полагающаго въ искѣ отказать, окружный судъ, руководствуясь 934, 936, 937 и 420 ст. т. X ч. I св. зак. и 9 и 868 ст. уст. гражд. судопр., опредѣлилъ: 1) признать за обществомъ крестьянъ слободы Андреевки (Ново-Борисоглѣбскъ тожъ) право собственности на четырнадцать тысячъ девятьсотъ шестьдесятъ двѣ десятины земли и лѣса, находящіяся въ Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда, въ предѣлахъ генеральной обмежованной дачи слободы Андреевки, и вошедшія въ выданную обществу крестьянъ—истцу 19 мая 1872 г. владѣнную запись, 2) исключить вышеозначенныя земли и лѣсъ изъ платежа государственной оброчной подати, вполнѣдствіи преобразованной въ выкупные платежи, 3) судебныя и заведеніе дѣла издержки возложить на казну.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Подписчину.

Пользуется ли еврей, окончившій полный курсъ низшаго технического училища, правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи?

Еврей, окончившій курсъ низшаго технического училища, имѣетъ право повсемѣстно проживать въ Имперіи при условіи занятія своей спеціальностью (указъ 1 департ. Сената 16 октября 1900 г. по д. Шегала).

Подписчину № 2084.

Возможно ли примѣнить 1171 ст. ул. о наказ. къ еврей-ремесленнику-лампочнику, если онъ, въ свободное отъ своихъ занятій время, помогаетъ въ торговлѣ своему родственнику, съ которымъ вмѣстѣ и проживаетъ?

Ст. 1171 не можетъ быть примѣнена къ ремесленнику, лишь помогающему въ торговлѣ своему родственнику, при указанныхъ въ вопросѣ условіяхъ, если эта помощь не имѣетъ характера ни участія въ торговлѣ, ни несенія обязанностей приказчика

Списокъ дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 29 января, по 1 Экспед. Судебн. Д-та.

Апелляц. По взаимнымъ искамъ Самойло и Коханова; Изенбекъ съ Амгунск. золотопром. комп. о 8442 р. 4 к. съ %; Келера съ Русск. страх. отъ огня общ.; по взаимн. искамъ Кучерова и Слб. артели электромонтеровъ; Камбицы съ Погорьльскимъ и Туркулдомъ объ убыткахъ; Тумаевыхъ съ коммерч. страх. общ. о страховой преміи; Добродѣева съ конкур. акц. общ. „Издатель“ 2 дѣла.

Частныя. По жалобѣ Суховецкаго и др. на Москов. коммерч. судъ; по жалобамъ на Слб. коммерч. судъ: тов. Конкордія; Иванова; Кузнецова; Наварова и Петрова; конк. Пушкина; Сегаль; о продажѣ имѣній: Заленскихъ; Пеклеровъ; Сомовыхъ 2 дѣла; Симоновыхъ; о продажѣ срубъ лѣса изъ имѣнія наслѣд. Залѣскаго; объ открытіи соло-вексельнаго кредита подъ имѣніе наслѣд. Семенова.

На 26 января, по 2 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц. смѣств. о коштномъ обмеж. околицы Войда-

чи съ уроч. Гуделовка и фол. Повгрина; Моск. удѣл. конт. съ Подлиневымъ.

Смѣств. по спору: каз. пос. Вуруканскаго, Вуринскаго и Елгинскаго съ Кабинетомъ Его Величества; между казаками пос. Старо-Доншаковскаго и Кабинетомъ Его Величества.

Частныя. По прошеніямъ: Бобятнскаго о генер. межев. им. Хрустаева; кр-нѣ сл. Вѣлой о восстановленіи срока; кр-нѣ сл. Замовеньки и дер. Заводной о восстановленіи срока; о продажѣ и залогѣ недвижим. имущ.: Каркова; Соловьевой; Коренастова; Орловой, Савенковхъ; Подольскихъ; Янковской; Бакуниныхъ; Неостровыхъ; Голубинцева; объ овид. умств. способности: Ломановой; Страховой; Садовскаго; Алексѣева; Ефимова; Вратолобова; Вочкова; Андреевой; Зворыкина; Юрьевича; Заболотскаго; Листенко; Воронина; Корелиной; Фатуровской; Свиридова; Штера; Геннадіевой; Толомановой; Усачева; Ювина; Матеранскаго; Михачевичъ; Альперовичъ; Харламова; Акатъева.

27 января, по апелляц. отд. Угол. Нас. Деп.

По отзывам: Лебедева Киевск. С. П. 354 ст. улож.; Михаловского и Новицкого Варшав. с. п. 348 и 347 ст. ул.; Клопотова Виленск. с. п. 354 ст. ул.; Ардышвили Тифлисск. с. п. 447 ст. ул.

На 30 января. По 1 Общ. Собр.

По всеподданнейшей жалоб: коммерц. сов. Иванова на опред. 1 деп. Прав. Сен. по дѣлу о разсч. Иванова съ Сырь-Дарьин. обл. правл. относит. содерж. имъ въ 1889—1895 гг. Ташк. Гереклия. и Чимк.-Аудіаѳтиск. почтов. трактовъ.

За разногласіемъ: по жалобамъ: пов. Владикавк. 2-й гил. купца Ладыженскаго, пом. прис. пов. Бермани на расп. Терек. обл. правл. о недовол. женѣ и дочери Ладыженск. врем. пребыт. на г. уппѣ Кавк. минер. водъ для леч. въ теч. сезона 1897 г.; вл. тит. сов. Губина, Губной на мин. нар. проsv. за отказъ въ назвач. ей пенсін и единовр. пособія за службу мужа; уполномоч. Пуревск. вол. общ. Рекстѣна на расп. высш. комис. сел. нар. школы Курл. губ., коимъ воспрещ. общ. вмѣшив. въ школьны дѣла; агента Млав. тамож. агентства Привисл. жел. д.р. Лисидцаго на мин. финанс. за отказъ въ примѣн. къ товару назв. агентства 80 ст. там. тар.; пов. Борхова, Слюзберга, на отказъ мин. фин. въ зачисл. довѣрит. просит. въ самот. 1 гил. купцы по гор. Пскову; влад. имѣнія Ласковъ, Турек. у., Лопускаго на постанавл. Калаш. губ. по крест. дѣл. прис. сост. 21 февр. 1897 г. по спору просит. съ крест. о правѣ пользов. прудомъ; чл. божнич. доз. Пренск. еврейск. окр. Шеремевскаго, Финкельштейна и Гурвича и пов. изъ, пом. прис. пов. Бѣлковскаго на пост. Сувалк. губ. правл. по предм. признанія мѣщ. Креница несоотв. ванд. для занятія должн. равнина въ гор. Преляхъ; Ревел. гор. гол. на пост. Остл. губ. по гор. дѣл. присут., коимъ отмѣн. пост. гор. думы, сост. по предм. назвач. изъ доход. съ имущ. «Gotteskaten'a» пособ. лютер. церквямъ.

По рапорту мин. фин., отъ 15 февраля 1900 г. за № 415, о разногл. съ мин. ви. дѣлъ по вопр. о закр. пивной лавки, тракт. завед. и репск. погр., принадл. Наленць, Дембицкому и Содуну, расп. Петрокл., Любл. и Могилев. губернат. по соглаш. съ мѣстн. управл. акц. сб.

На 29 января, по 1 отд. Угол. Нас. Д. та.

Жалобы: Журьва Пензен. о. с.; Павловыхъ Костром. о. с.; Ногайцевой Тульск. о. с.; Ецкевичъ Р.-Вольмар. м. с.; Красупскаго 1 Люблин. м. с.; Сай Р.-Галсальск. м. с.; Васьнева Вологод. о. с.; Рейтмана Симферопол. о. с.; Тайса Мниск. о. с.; Самойленко Херсон. о. с.; Лесина 1 Радом. м. с.; упр. акц. сб. П.-Феллин. м. с. по обв. Рев; Конгасера Тельшев. м. с.; упр. акц. сб. Житомир. о. с. по обв. Поночевныхъ; упр. акц. сб. 1 Ломжин. м. с. по обв. Хомонтовича; Шехтмана Бердичев. м. с.; Мухкеза В.-Литов. м. с., — всё по обв. въ наруш. пит. у.; Франка Ковен. м. с.; Гришпана 3 Петроков. м. с.; Куликовичера Ровен. м. с.; Рутбакель 3 Петроков. м. с.; Вайнрейхъ В.-Сокольск. м. с.; Соболя и Лейбушской Гроднен. м. с.; Проскуров. уѣзд. исправн. Проскуров. м. с. по обв. Гучанскаго; Пеля Спб. ст. м. с.; Каменецк. уѣзд. исправн. К.-Подольск. о. с. по обв. Розенвальда; Гроднен. уѣзд. исправн. Гроднен. м. с. по обв. Куделя; Лальша; Шмидта 1 Варшав. м. с.; Гольца 3 Петроков. м. с.; Гофштейна 3 Петроков. м. с.; Фетмана Варшав. гор. м. с.; Длугача В.-Сокольск. м. с., — всё по обв. наруш. строит. у.; Сидорва Пензен. о. с. 1484 ст. ул.; Мянтинова и Ахметова Оренбург. о. с. 294 ст. ул.; Дроздова Самарск. о. с. 170 ст. ул.; Царева и Вѣлова Саратов. о. с. 170¹ ст. ул.; Миндрина Астрах. гор. м. с. 130 ст. ул.; Шера Попевѣж. м. с. наруш. тамож. у.; Фишера и Зальскаго 3 Петроков. м. с. наруш. тамож. у.

Протестъ товар. прок.: 1 Петроков. м. с. по обв. Вайнберга по 29 ст. ул.

На 30 января, по 2 отд. Угол. Нас. Деп.

Жалобы: Соленикова Спб. о. с. 1655 ст. ул.; Александрова и др. на опред. Москов. ст. м. с.; Вибкова на опред. Одесса. с. п.; Варекаго Симферопол. о. с. 1681 ст. ул.; Варскаго Симферопол. о. с. 1657 ст. ул.; Бородавки 3-Острож. м. с. 115 ст. ул.; Чернявскаго ессек. гор. м. с. 124 ст. ул.; Гройсмана Гайсин. м. с. по обв. Ещенко въ оскорбленіи; Слесаревой Черкасск. м. с. по обв. Магидсона по 183 ст. ул.; Бубыра Звенигород. м. с. 115 ст. ул.; Ключулькина Вилен.

м. с. по обв. Арашкевичей по 142 ст. ул.; Яшака Одесск. гор. м. с. 135 ст. ул.; Вейсмана К.-Подольск. м. с. по обв. Вологорукой по 180⁹ ст. ул.; Шварцмана Могилев. м. с. 128 ст. ул.; Сидоренко Житомир. м. с. кража; Шапиро и Барда Канев. м. с. 172 ст. ул.; Галкера Бердичев. м. с. по обв. Тресунова и др. по 142 ст. ул.; Ягеловича Вялкомир. м. с. клевета; Квятковскаго Бердичев. м. с. клевета; Скоро Шавел. м. с. 70 ст. ул.; Горнштейна Ковен. м. с. 31 ст. ул.; Хвостика и др. К.-Подольск. м. с. 142 ст. ул.; Курнейкиса Россіен. м. о. 148 ст. ул.; Вейцм на Бердичев. м. с. 115 ст. ул.; Семеновскаго Владикавк. м. с. ростовщичество; Струля и др. Нѣжин. о. с. 1655 ст. ул.; Волковой на опред. Тифлис. с. п.; Фляйшера на опред. 1 Радом. м. с.; Рабея на опред. Одесск. с. п.; Юршусовъ Тельшев. м. с. 142 ст. ул.; Залютинскаго Таращан. м. с. по обв. Пымбаловой по 136 ст. ул.; Вейцера Ковен. м. с. 134 ст. ул.; Демчука Кременецк. м. с. кража; Хаджи-Радовыхъ и Вангу Измаильск. м. с. 142 ст. ул.; Мосорина Новгородск. о. с. 567 ст. ул.; Слабока Шавельск. м. с. 31 ст. ул.; Монкевича Вилен. м. с. по обв. Остроменцкихъ и др. въ клеветѣ; Владковскаго К. Подольск. о. с. 1652 ст. ул.; Яблочникова на опред. Винницк. м. с.; Данилюка Балтск. м. с. 31 ст. ул.; Савдона К.-Пружан. м. с. 169 ст. ул.; Матюшиковъ В.-Литов. м. с. кража; Мелешука Ковельск. м. с. кража; Ландесберга Кременецк. м. с. 31 ст. ул.; Долгоруковой Киевск. м. с. по обв. Априщенко по 131 ст. ул.; Володкевича Мниск. о. с. по обв. Вашкевича по 70 ст. ул.; Марвинной Казан. м. с. 47¹ ст. ул.; Хоментовича и др. Попевѣж. м. с. по обв. Мокуцкихъ и др. по 142 ст. ул.; Исеевыхъ К.-Подольск. о. с. 1489 ст. ул.; Балоннева и Вѣляева на опред. Саратов. с. п.; Жоравскаго на опред. Вилен. гор. м. с.; Пранько Диснен. м. с. 136 ст. ул.; Поджіо Черкасск. м. с. 135 ст. ул.; Войка и др. Сквир. м. с. 142 ст. ул.; де ла Кроа Шавельск. м. с. 69 ст. ул.; Френкелей Бердичев. м. с. 31 ст. ул.; Вискупъ Киевск. м. с. 131 ст. ул.; Крейжисъ Шавельск. м. с. кража; Наумова Псков. о. с. кража; Мухи Литин. м. с. 142 ст. ул.; рапортъ воен. министра о замѣнѣ наказанія рядовому Кранценблюму.

Протестъ тов. прок.: Новгород. о. с. по обв. Кириллова по 1609 ст. ул.

На 31 января, по 3 отд. Угол. Нас. Деп.

Жалобы: Баранниковыхъ Таганрог. о. с. 130 ст. ул.; Роевскаго и Кулаковскаго Таганрог. м. с. кража; Патюккой Б.-Сокольск. м. с. 29 ст. ул.; Зильберманъ В.-Сокольск. м. с. 29 ст. ул.; Рудова и др. 2 Донской м. с. 170 ст. ул.; Чурюмова и Табунова 2 Донецк. м. с. кража; Мишиныхъ Черкас. м. с. 180 ст. ул.; Борова и Пчелина Моск. ст. м. с. 31 ст. ул.; Лютень Моск. ст. м. с. 135 ст. ул.; Аносова Моск. ст. м. с. 177 ст. ул.; Суйгуеара и Аллика П.-Феллин. м. с. 172 ст. ул.; Теплинскаго Полтавск. о. с. 1692 ст. ул.; Гринъ Варшавск. м. с. 29 ст. ул.; Делунгъ Казанск. м. с. по обв. Киселевой по 131 ст. ул.; Исаева Шавельск. м. с. 29 ст. ул.; Штапельбергъ Р.-Галсальск. м. с. по обв. Борквела по 177 ст. ул.; Прейлера; Эзельск. м. с. 169 ст. ул.; Прейлеръ Эзельск. м. с. 172 ст. ул.; Пельдеса Эзельск. м. с. 172 ст. ул.; Делунгъ Казанск. м. с. 142 ст. ул.; Кабемова Спб. ст. м. с. 115 ст. ул.; Елифанова и др. Казанск. о. с. 1643 ст. ул.; Чекармова Казанск. о. с. 1480 ст. ул.; Инубъ Р.-Галсал. м. с. 169 ст. ул.; Адеръ Юго-Веррос. м. с. 44 ст. ул.; Фрюлига В.-Вейсентг. м. с. 31 ст. ул.; Нилларгъ Р.-Галсал. м. с. 115 ст. ул.; Ярв Р.-Галсал. м. с. 172 ст. ул.; Темнишова Хонер. м. с. 170 ст. ул.; Коженникова Хонер. м. с. 153 ст. ул.; Мейенберга М.-Баусек. м. с. по обв. Вейнберга по 177 ст. ул.; Квевинскаго Спб. ст. м. с. 142 ст. ул.; Ермаковой Спб. ст. м. с. 142 ст. ул.; Тетнева Владимірскаго. о. с. 1655 ст. ул.; Тетнева Владимірскаго. о. с. 1654 ст. ул.; Красильникова Спб. ст. м. с. растрата; Радиновъ Виленск. м. с. 29 ст. ул.; Раутемана П.-Феллин. м. с. по обв. Саксакудма по 153 ст. ул.; Кузлевскаго Ю.-Верроск. м. с. 139 ст. ул.; Кярга Р.-Галсальск. м. с. 131 ст. ул.; Соъ Р.-Галсал. м. с. 119 ст. ул.; Пальсера и Яблокова Р.-Галсальск. м. о. 42 ст. ул.; упр. Одесск. пробири. окр. Кишиневск. м. с. по обв. Гальдмана по 173 ст. ул.; Заньке В.-Гольдин. м. с. 16 ст. ул.; пристава 3 уч. гор. Мятавы М.-Баусек. м. с. по обв. Левитина по 59 ст. ул.; Григорьева Владимірскаго. о. с. 1480 ст. ул.; Горячякина Таганрог. м. с. 1360 ст. ул.; Судименко Ростовск. на Д. м. с. 135 ст. ул.; Пампернели В.-Вейсентг. м. с. 121 ст. ул.; Нурмана и Инно В.-Вейсентг. м. с. 172 ст. ул.; Саме В.-Вейсентг. м. с. 172 ст. ул.; Курмана и

Гайта Р.-Гансал. м. с. кража; Ионаса Ю.-Веррок. м. с. по обв. Эренберга въ кражѣ; Тихомірова Моск. ст. м. с. 142 ст. у.; Дѣла М.-Баусек. м. с. 129 ст. у.

Протесты товарищей прокуроровъ: Кострамск. о. с. по обв. Рауваевыхъ по 1489 ст. ул.; Вологодск. о. с. по обв. Осокина по 1455 ст. ул.

На 30 января, по 4 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Рижск. гор. упр. Р.-Вольмар. м. с. по обв. Мякиши и др.; Федоровой В.-Волынк. м. с. по обв. Дьяковича; Ставропольско-Терек. упр. гос. имущ. Владикавказ. м. с. по обв. Худиева; Арчинова и др.; Дударова и Шанаева; Даурора и др.; нач. упр. землед. и гос. имущ. Ю.-Веррок. м. с. по обв. Таммену и др.; Люхта Луцк. м. с. по обв. Ганке и др.; Карпуца Н.-Волынк. м. с.; Писменчака Н.-Волынк. м. с.; Бильчака Н.-Волынк. м. с.; Кузьмина Спб. уѣзд. м. с., — всё по обв. въ наруш. лѣсн. у.; Баранскаго Варшав. с. п. 169 ст. у.; Скрастина Спб. с. п. 1655 ст. ул.; Липинскаго Варшав. гор. м. с. по обв. Турскаго по 136 ст. у.; Зембовича 1 Варшав. м. с. кража; Култовскаго 1 Варшав. м. с. по обв. Копишевскаго по 142 ст. у.; Коздовскаго 1 Варшав. м. с. 31 ст. у.; Бяграфова Казан. с. п. 344 ст. ул.; Комелькова Казан. с. п. сопротивленіе власти; Пуговкина Иркут. с. п. 1681 ст. ул.; Аверкина Иркут. с. п. 31 ст. у.; Пименовой Вилен. с. п. по обв. Вѣлюсовъ по 142 ст. у.; Шарина Харьков. с. п. 283 ст. ул.; Блаумберга Спб. с. п. 1462 ст. ул.; Перослова Спб. с. п. 1059 ст. ул.; Хмельницкаго Кіевск. с. п. пресегушеніе по должности; Мальцева Омск. с. п. 303 ст. ул.; Сломскаго Варшав. гор. м. с. открытіе аптекар. склада въ праздн. день; Кона 1 Плоцк. м. с. 133 ст. у.; Крамера 1 Люблин. м. с. по обв. Шейбы по 177 ст. у.; Бядручко 1 Люблин. м. с. по обв. Семеновъ по 136 ст. у.; Гаммер 3 Петроков. м. с. 178 ст. у.; Дымека 1 Калишск. м. с. 142 ст. у.; Хадукова-Хиба Тифлис. с. п. убійство; Аласера-Фараджъ-оглы Тифлис. с. п. 1653 ст. ул.; Событы Варшав. с. п. 1484 ст. ул.; Елеца Кіевск. с. п. 182 ст. у.; Петшафта Варшав. гор. м. с. кража; Погоржельскаго 2 Плоцк. м. с. 172 ст. у.; Корытинскихъ 2 Радом. м. с. обиды; Дзвенцола и Дomba 1 Ломжин. м. с. 182 ст. у.; Скинкаса 2 Сувалск. м. с. побой; Краковика 1 Варшав. м. с. обиды; Щеннаго 2 Петроков. м. с. по обв. Войдыса въ кражѣ; Каргера 1 Петроков. м. с. 180 ст. у.; Мазова Москов. с. п. 1175 ст. ул.; Кошдакова Москов. с. п. 351 ст. ул.; Шолговскаго Варшав. с. п. 281 ст. ул.; Жуковскаго и Кованецъ Харьков. с. п. 7551 ст. ул.

Протесты тов. прок.: Варшав. м. с. по обв. Мисюровъ по 1489 ст. ул.; Иркут. с. п. по обв. Какова по 9 и 1525 ст. ул.

На 27 января, по 1 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Переяславцевыхъ, Второвой и др.; Евдокимова съ Кутузовымъ; общ. кр. с. Вятскаго съ обвз. кр. д. Ключникова и др.; Огнева съ Палтавскимъ общ. взаимнаго страхованія; Кумани съ Онацкимъ; Лихаревой съ Овсянниковой и др.; Еванешникова съ онекой Красильниковой; Гуревича съ Сахаровымъ; Солнцевой съ Феогистовымъ; Ватапена и др. съ общ. кр. д. Тащиловой; Скочинскаго съ 2 Росс. страховымъ общ.; наследниковъ Яковлева съ Вѣлюсовымъ; Смоленскаго губернскаго земства съ Ефимовымъ; Краснокутскаго съ Давидовичемъ; Петрунькиной съ общ. кр. гор. Миропольч.

Създовыя: Житомирскаго отдѣленія Южно-Русскаго промышленнаго банка съ Эпштейномъ (о прекращеніи).

На 27 января, по 2 отд. Гр. Касс. Д-та.

Палатскія: кн. Друцкаго-Любецкаго съ Милошевичемъ, Жуккомъ и др.; Пердель съ Сухарскимъ; торг. д. бр. Туманьянцъ съ Росс. общ. страх. и трансп. кладей; Амировой съ городомъ Гори; Войнаховой и др. съ Васевичами; Силогадзе съ упр. гос. имущ. Вакинской губ. и Дагестанской области; Шаллера и др. съ Иловскимъ; Кузнецова съ Макаровымъ; Матвѣнка съ Матвѣнко; Журавской, Круковскаго, Лавенча, Ильницкаго, Корзуна съ Гринцевичемъ; Вязьмитиновой съ Чайковскимъ; Дузинкевича съ Луговяновой; Сня-Сѣрко съ Багсаг-градскаго гор. управой; Скибинскаго съ Гирманомъ.

Създовыя: упр. жел. дор. съ Масмо, Хесинимъ, Моргерштерномъ, Госемю, упр. Екатерининской жел. дор.; Вернера съ упр. Балтійской и Пеково-Рижской жел. дор.; упр. При-

вильскихъ казенн. жел. дор. съ Грузинеромъ, Войцбергмомъ; Желтова, Кольцова, Голодина съ общ. Рязанско-Уральской жел. дор.; упр. Сырано-Ваземской жел. дор. съ Зайцевымъ; Каплана съ Росс. общ. страх. и трансп. кладей; Шнобеля, Гиспна, Малацкаго, Сумберга съ управл. Лябаво-Роменской жел. дор.; Слудца, Барунскаго съ управл. Спб.-Варшавской жел. дор.; общ. Лодзинско-Фабричн. жел. дор. съ Ленчикимъ; 1-го общ. Подъѣздныхъ путей съ Варскимъ, Дульдемъ; Грузинера и Вайнтрауба съ общ. Ивангор.-Домбровск. жел. дор.; Гулянца съ общ. пароход. по Дону, Азовскому и Черному морьямъ, Левина съ управл. Полтѣскихъ ж. д.

На 28 января, по 3 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Симбирской каз. пал. по д. Баладидой съ Календой; Вятской каз. пал. съ Прижебовскимъ; Херсонскаго гор. общ. упр. съ Гроссамъ; Одесскаго гор. общ. упр. съ Камодей; Маевского съ Кишиневскимъ гор. общ. банкомъ; Теръ-Варташьянца съ Тифлисской гор. упр.

Създовыя: Малько; Эпштейна съ Моргулевымъ; Соколовскаго и Вѣрошка съ Бедратой; Мацкевичъ и др. съ Хашковскимъ; Триля и др. съ Дорощевымъ; Лифляндской каз. пал. по д. Мейера съ Каномъ; Гуляевскаго с. общ. съ Чигиревымъ и Колесниковымъ, Петровымъ; Бузулукской гор. упр. съ Ситниковымъ; Файзуллина съ Казанскимъ гор. общ.; Сильце съ Гибборгомъ; Анасова съ Файнбергомъ; Гаубиновичъ съ Раугевичемъ; Шукинскаго и др. съ Гаевскимъ; Черниговскаго губ. присут. по д. Салло и Феденко съ Краснымъ; Егорова съ Перельманомъ; Гомолко съ Хароломъ и др.; Кудрявцева съ Чистяковымъ (2 дѣла); общ. кр. д. Салейкиной съ Мало-Чегатайскимъ с. общ.; Френгеля съ Коссаковскими; Асвадуровъ; Толкачева съ Шрамковымъ и др.; Крюковскаго съ Сидоровой; Вацука съ Мишерукомъ; Ефимовъ съ Виноградовой; Окулача съ Зелинскимъ; Пименовыхъ; Левитена съ Ленаховымъ; Куренкова съ Павловымъ; Р.биновича съ Креммеромъ и Зелинскимъ; торг. д. бр. С. и М. Кыкаловы съ общ. кр. дер. Островянской (2 дѣла); Каменецкаго съ Кулемомъ; Вурача съ Луемъ; Харьковскаго общ. водоснабженія съ Истоминою.

На 29 января, по 4 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: упр. ж. д. съ Корчагинимъ, Рупановымъ, Горшковыми, Липунинымъ, Коминскимъ; общ. Рязанско-Уральск. ж. д. съ Орловымъ; упр. Моск.-Курск. ж. д. съ Коновой; общ. Варш.-Вѣнск. ж. д. съ Глуцкы, Кенцлеромъ; Файнберга съ упр. Харьк.-Накол. ж. д.; общ. Юго-Восточн. ж. д. съ Товбинимъ, Кануниновымъ.

Създовыя: упр. ж. д. съ Цукерманомъ 2 дѣла, Гольдбергомъ и др., Ривлинымъ, Рогзинимъ; Хмельничкимъ и др. 8 дѣла, Левинсономъ, Шляпочникомъ, Рабиновичемъ и др., Лейбшицемъ, Берзомъ, Вешемъ, торг. д. С. Лиднеръ, Кустовымъ, Гоффеншеромъ, Фляйнъ 2 дѣла, Фельтенштейномъ, Ельскаго, Гуревичемъ, Троецкимъ, Варш. общ. для очистки спирта, Клейнманомъ, Стржешевскимъ, Леваннымъ, Гусевыми, Сид. раискимъ, Крискимъ 2 дѣла; общ. Юго-Восточн. ж. д. съ Залкидомъ и др. 3 дѣла, Зильберманомъ, Панинымъ 2 дѣла; общ. Рязанско-Уральск. ж. д. съ Страшунномъ и др. 2 дѣла, Узданскими, Пакельнымъ; общ. подъѣздныхъ путей съ Ю. бергомъ, Фуксомъ; Ландкофа и др. съ Харьк.-Никол. ж. д.; Саратовскаго общ. конно-жел. дор. съ Усовыми; упр. Привисл. ж. д. съ Вольфомъ и др.; упр. Риги-Орловск. ж. д. съ Мосеевскимъ, Аршемъ; Терихова съ упр. Екатерининск. ж. д. 2 дѣла; Носкина съ упр. Юго-Западн. ж. д.; общ. Варш.-Вѣнск. ж. д. съ Якубовской и др.; Владикавказской ж. д. съ Аронсонъ.

На 29 января, по 5 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: упр. жел. дор. съ Кауровымъ, Ключковой, Гомпашвили, Гуредкимъ, Астафьевымъ; Степановыхъ съ упр. Закавказ. ж. д.; общ. Владикавк. жел. д. съ Ильченковой-Циновичъ; общ. Кіево-Ворон. жел. д. съ Хейфалцъ; главн. интендантск. упр. съ общ. Рязанск.-Уральск. ж. д. (4 дѣла), общ. Владикавк. жел. дор.

Създовыя: упр. жел. дор. съ Долговымъ (2 дѣла), Шпальтинымъ, Хасановымъ, Хайтеромъ, Жижаровымъ, Шриро, Гобовичемъ, Малацкимъ (2 дѣла), Розенблюмомъ, торг. д. Тильманъ и К^о, Широковымъ (2 дѣла), Гордовомъ, Штейномъ, Фивельштейномъ, Киртомъ, Троецкимъ, Сумбергомъ (2 дѣла), Шварцемъ, Гинзбургомъ, Якобсономъ (2 дѣла),

Гисиньмъ (2 дѣла), Рабиновичемъ, Узданскимъ, Герцемъ, Крискимъ, Пятецкимъ, Случевскимъ, Таубкинымъ и др.; Хмельницкимъ, Друиновымъ; общ. Владикавказск. жел. дор. съ Александровымъ; общ. Рязанск. Уральск. ж. д. съ Полиновымъ, Квашемъ, Тайцлинымъ и др.; общ. Моск.-Казанск. ж. д. съ Подгурекиимъ, Станцевымъ; Капала съ Лодзинск. фабр. ж. д.; общ. Юго-Восточн. ж. д. съ Могида, Веберомъ; Случевскихъ и др. съ общ. Варш.-Вѣнск. ж. д.; общ. Моск.-Врестк. ж. д. съ Политовымъ.

На 30 января, по 6 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Одесской гор. управы съ русскимъ общ. пароходства и торг.; Воропаевъ съ Зубовичемъ; Борзенко съ Супруненко; Клейгельсъ съ Гадалиной; Макарова съ Уринымъ; Коренева съ Матюшинымъ.

Създовья: Дегулиса съ Курсевичемъ; Латинскихъ съ Коосинскимъ; Райхера съ Гудзовскимъ; Вею съ Рузановымъ; Мартинкусовъ съ Русисомъ; Флоренко съ Вабакинымъ; Шильмана съ Ровенбоймомъ; Гольдштейна съ Тредкой; Аудрига съ Мандель; Шварцвурда съ Раухвергеромъ; Абидейко съ Вѣлискимъ; Вронштейновъ съ Герасимовыми; Мелихова съ Альтшудеромъ; Вурбъ съ Бадманомъ; Молчанюкъ съ имуц. Малюскаго; Романовскаго съ Шмидтомъ; общ. кр. с. Василевки съ Баскаковымъ; Шлетера съ Шлетеромъ; Купчица съ фонъ-Рихтеръ; Подрезъ; Путелякова съ Хусайновымъ; Казимирова съ Копытинымъ; Задорожнаго съ Задорожной; Зарицкаго съ Мазараки; Христо съ Константиновымъ и Сако; Хлудова съ Курочкинымъ; Никитина съ общ. кр. с. Вурдудукъ; Вучинскаго съ Мизгеръ; Ильана съ Храповицкимъ; Гомко съ Кривцовымъ.

На 30 января, по 7 отд. Гр. Касс. Д-та.

Палатскія: Ивановыхъ съ Рабикиными; Касаткина съ Рубцовымъ; Протасевича съ общ. кр. д. Борки; Калантарова съ Рамазановой; Цейтлина съ Фрейданкомъ и Кулеманомъ; общ. кр. д. Трофимцева съ Зеловымъ; Финкельштейна съ товариществомъ Александровскаго Екатерининскаго свекло-сахарнаго з. вода; Побѣднскихъ съ Шкорботовой; торговаго дома Колѣйкина-Серебрякова С-я съ Горшнштейномъ.

Създовья: Кучеренко; Пашенко съ Масютою; Халалиева съ Вуговой; Суздадова съ Фрагуловымъ; Рубайлова съ Евтушенко; Нѣмченко съ Рудоманскимъ; Григорьева съ торговымъ домомъ Ф. А. Фишеръ и С-я; Войчулиса съ Алгминовичемъ; Артемьева съ Михеевой; Креминидеръ съ Бубли; Вѣлова съ Донченко; Коваленко съ Бобровымъ; Бюковскаго съ Ильичевымъ; Гришуконъ съ Понедѣльникомъ; Клевенкаго съ Дагелайтисомъ; Вурцовой; Загржеевскаго съ акт. общ. Сатановскаго сахарнаго завода; Чебакъ съ торговымъ домомъ бр. С. и Д. Мангуб; Ламзаки съ Давидшинымъ; Гальперштейна съ Ципоркисомъ; Быркъ съ Липьяномъ; Илларионовича съ Смирновымъ.

На 31 января. По 9 отд. Гр. Касс. Де.

Палатскія: Б. Гантке съ Шотеекомъ; Федоренко съ Конштадтъ; Виницкой съ гр. Потоцкимъ; Перепелова съ Афанасевой.

Създовья: Захара съ Наумовичъ; Гензель и др.; Саладинскаго съ Исарскимъ; Либенбаума съ Альтшадтомъ; Сицинскаго съ Войцѣховскимъ; Ольшевскаго съ Рахубиками; Помыкала съ Курю; Жмудвиновъ съ Данилевичемъ; Вурцельдорфа съ Вароксомъ; Цѣсли съ Цѣслею; Вагнера съ Вавервичъ; Маховскаго съ Самчукомъ; Педика съ Янковской; Вайсберга съ Олманомъ; Собчинскаго съ Фюндзакомъ; Стемпеля съ Долецкой; Таперекъ съ Розенбергомъ; Вѣскерской съ Кобержицкой; Голодь съ Потапчукъ; Высоцкаго съ Данилевичъ.

31 января, по 10 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Висневскаго съ насл. Юска Розенштейна; Герсона съ Гордличко; Яндкевича съ Чарноцкой; Опатовскаго съ Наленчъ.

Създовья: Систрака съ Радевскимъ; Сименецъ съ Стоскомъ; Власевича съ Шпрингеромъ; Смьяко съ Кукисомъ; Каминскаго съ Розенбергомъ; Гафурова съ Гейрихомъ; Мекленбургонъ съ Мерецкимъ; упр. Привисл. ж. д. съ Палестинскимъ и Ставскимъ; Урбана съ Бокшицкимъ; Розенблома съ Ферстеромъ и Воссеромъ; Вауера съ Ликерманомъ; Шанфельда съ Эрлихомъ; Реневакаго съ Саперштейномъ; Трещкаго съ Бергъ (2 дѣла); Галкевича съ Рубинымъ; Трещкаго о продажѣ недвижимости П. Циходкаго; Рубакъ съ

Оляричкомъ; Зильберштейна съ Левковичъ; Гельбарда съ Яковичъ Врублевскимъ; Кобылинскаго о Лодзинской недвижности; Яцковскаго съ Лусяковскими; Подлевскаго съ Лебюдой и др.; Гржимолы съ Дорандомъ; Тычинскаго съ Лусяковскими; Вѣльскаго съ Майтлсомъ.

РЕЗОЛЮЦИИ.

15 января, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Отмѣнены приговоры: упр. акт. сб.—Одесск. г. м. с.; по обв. Мартена; Кущнарева — Вѣйскій м. с. по обв. его и Морозова; Федоровъ—Слб. г. м. с. относит. примѣненія 68 ст. уст. о нак.; Вюрка—Варшавск. г. м. с.—относит. возд. денежн. высканія; упр. акт. сб.—Одесск. г. м. с., по обв. Абрамовича—въ части. оуред. наказаніи и возмѣщ. убытковъ казны; Игнатовича—Вѣльскій м. с.; Шлеми Зелика Хитеца—Вилкомирок. м. с.; Векманъ—Каменецъ-Подольск. м. с.; Кричмара—Староконстантиновск. м. с.; Овчинникова—Архангельск. о. с.; упр. акт. сб.—Екатеринодарск. м. с., по обв. Ковтуна; Суселя—Ковельск. м. с.

Отложены докладомъ дѣла: Куделя, Ланыша, Фавзулина, Орлова, Савельева, Трифонова, Коваленко, Кобцева, Бронскаго, Тененбаума, Ломзинной, Соколовой, Бранивечкой, Мельниковой, Вайрыба, Флигмабовъ, Жаворонкиной.

16 января, по 2 отд. Угол. Касс. Д-та.

Отмѣнены приговоры: Турекаго Житомир. м. с.; Кесилса Вилкомир. м. с.; Ваерскаго Бердичев. м. с.; Ажубалиса и Нѣманиса Попевѣж. м. с.; Кипербага Одесск. гор. м. с.; Мицкевича Ровен. м. с.; Кацмановъ и Дидухи Новоградволинск. м. с.—въ отношеніи Кацмановъ; Микенаса и др. Свенция. м. с.; Зуй Даснен. м. с.; Вурдельскаго Ушицк. м. с.; Баска и др. Новоградволин. м. с.; Пелагиши и др. Радомысл. м. с.; Эпштейна Виленск. с. п.; Брикъ Киевск. о. с.—въ отношеніи гражд. иска.

Отложено объявленіе резолюцій по дѣлу Вѣрника.

17 января, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Отмѣнены приговоры: Левинскаго—Васильковскій м. с.; Ландеберга—Харьковск. м. с.; Кузьминыхъ—Московск. ст. м. с.; Геллебо—Слб. ст. м. с.; Лукіенко—Таганрогск. м. с.; по обв. Крикушенко и Соколова—относит. признанія обвиненія недобросовѣстнымъ; Айн джеовой—Ростовск. на-Дону м. с.; по обв. Балабанова; Ващенко—Хоперск. м. с.; Гоферта и Вартъ—Плоцкій м. с.; протестъ тов. прок.—Костомск. о. с., по обв. Ковлова и Зернова.

Отложено объявленіе резолюцій по дѣламъ Раузина и Канаркина.

Передано на уваженіе присутствія департамента дѣло Савельева.

16 января по 4 отд. Угол. Касс. Деп.

Отмѣнены приговоры: Колодзейчика 1 Люблин. м. с.; Ледера 2 Сѣдец. м. с. по об. Ронковскаго и Лопатюка; Италенера 3 Петрок. м. с.; протестъ тов. прок. Варшавск. с. п. по обв. Гурневичъ; Драка 1 Сувалк. м. с. по обв. Лобачевскаго; Кравцовой 2 Сѣдецк. м. с.; Зюлковскаго 3 Петрок. м. с.; Гомолинскаго 1 Варшав. м. с.; Ометанскаго 1 Варшав. м. с.; Мазиновскаго 3 Петрок. м. с.; Среды 1 Калышк. м. с.; Выковченко Варш. гор. м. с.; Домбровской 2 Кѣлецк. м. с. по обв. Зыгулы; предложенія об. прокурора: по дѣлу Крупкина; по д. Черненко; по д. Непомнящаго.

Гражд. Касс. Деп. Правит. Сената.

21 января.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: попочит. Кальнинъ, Рутковской и др. рѣш. Слб. с. п. отмѣнено по нарушенію ст. 263 и 266 вол. уст. и 488 ст. III части св. узак. Прибалт. губ. и дѣло передано въ другой департ. той же палаты; торг. дома „М. Плотниковъ и С-я“ съ Крапининымъ и др. рѣшеніе Омской судебной палаты отмѣнено по нар. 361 ст. уст. торг. и дѣло передано въ Иркутскую суд. палату.

Исключено изъ доклада: Кособова съ Главнымъ Штабомъ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: Добкевича: опред. Рижско-Вольмарскаго мирового съѣзда отмѣнено по нарушенію ст. 3427 ст. зак. гражд. Прибалт. губ. и 4 п. 352 ст. полож. о нот. части и дѣло передано на новое рассмотрѣніе въ тотъ же съѣздъ въ другомъ составѣ судей;

наследниковъ Яна Кузнера: опредѣленіе Ревельско-Гансальскаго мирового съѣзда отмѣнено по наруш. 4 п. 352 ст. нот. полож. и дѣло передано въ Везенбергъ Вейсенштейнской мировой съѣздъ; Либавской таможенной артели съ Менгисомъ, Лукашевичемъ и Лацемъ (три дѣла) рѣшенія Газенпотъ-Гробинскаго мирового съѣзда отмѣнены по нар. 26, 27 и 129 ст. уст. гр. суд. и дѣла переданы въ Митаво-Ваусскій мировой съѣздъ.

Исключено изъ доклада: Ласмана съ Кондовскимъ волостнымъ общ.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставл. безъ послѣдствій.

19 января. По 1 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Казанскаго епархіальнаго вѣдомства съ Грачевой; общ. дер. Хвойны съ Мозолевскимъ.

Потребовано отъ палаты разъясненіе: общ. дер. Задняго Двора съ общ. села Борки.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Шродецкой съ дер. Вржевицы; Вурштейна съ Шпаровскимъ; Микевича съ Киркутьевымъ; душеприк. Слазюка съ Нуделемъ; Красовскаго съ Красовскими; Попова съ Явковскимъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Стародубовой съ Харитоновымъ.

По всѣмъ остальн. дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

19 января. По 2 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнено рѣшеніе: Аурбаха съ Лесневичемъ и Клейномъ.

Передано на разсмотрѣніе департамента: Пиккульскихъ съ Наролевскими и др.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Априля съ Пачевичемъ; Смагорды съ Эйслонтовичемъ; Освальдъ, Вугайской и Гольдманъ съ Абрагамсономъ; Шварцъ съ Вольскимъ и Клемъ; Графовъ Тарло съ Фуксомъ; Левандовскаго съ Ковальчикомъ; Рейфъ съ Капланомъ; Вайсбюма и Валицкаго; Шефера съ насл. Ю. Гляса; Снядаго съ Гольдомъ; Шмидтке съ Гальдцвейгомъ; Роговской съ Петрыковскимъ.

Исключены изъ доклада: Реневецкаго съ Сперштейномъ; Шпрингера съ Вайландомъ; Дицеля съ Ваксомъ; Збржевинскаго съ Песякомъ; Новоодовскихъ съ Гелдудомъ.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставл. безъ послѣдствій.

21 января. По 3 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнено рѣшеніе: общ. кр.-ст. села Всегаща съ Казополанской.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Жмиевскаго съ Гейхманомъ; Воржко и др. съ Соколовскимъ и др.; Стасичина съ Гижевской; Минейко съ Савицкимъ; Варнамова съ Кузнецовымъ.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

22 января. По 4 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Либермана съ Шейнбергомъ; Волосевича съ Веприкскимъ торг. и промысл. товарищ.; Умова съ Элендъ и др.; Алексѣенко съ Шмяковскимъ; Гидуляновой съ Гидуляновымъ.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Махлинъ.

Передано на разсмотрѣніе департамента: Фальцъ-Фейнъ съ гр. Коцебу.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Диченкова съ Грековымъ; Берляндъ и др. съ общ. паранъ с. Гура-Кайнаръ; Зимойской съ Гильбурдомъ; Яцка съ Гинабургомъ; торг. дома „С. Г. Гейманъ и К^о“ съ Тавтлевскимъ; Осеневъ; Томила съ Глазуновымъ; Кузьминой съ почетит. о недост. студентахъ Новороссійскаго университета; Цостенаса съ Скосыревымъ; Вакулина съ Шатовой; Орлова съ Цитовичами.

Жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Чернооголково; Клевцова съ Михлинымъ.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

22 января. По 5 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ отмѣнено рѣшеніе: общ. Московско-Казанск. желѣзн. дороги съ Афанасьевымъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Ничитарова съ управл. сырано-Вяземской ж. д.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: общ. Юго-Восточн. жел. дор. съ Валкиндомъ и др. (2 дѣла) управл. жел. дор. съ Гарбергомъ, Файномъ и др. (6 дѣл); того же упр. съ Шапиро и Вульфсономъ; Малацкаго и Таубкина съ управл. Лябаво-Роменской жел. дор.; общ. Юго-Вост. жел. дор. съ Селивановымъ; управл. жел. дор. съ Венигомъ (2 дѣла); того же управл. съ Эдельманомъ и Гассенбейтомъ; того же управл. съ Левинымъ; упр. Привислян. жел. дор. съ Рубиновичемъ и др.; общ. Московско-Казанской жел. дор. съ Подгурскимъ; управл. жел. дор. съ Цемдховичемъ; того же управл. съ Соловейчикомъ; общ. Варшавско-Вѣнской жел. дор. съ Узланскимъ управл. ж. д. съ Вольфомъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: управл. жел. дор. съ Островерскимъ.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

23 января. По 6 отд.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: Хавриныхъ съ Хайкинымъ и др.; Саввина съ Мохнами; Лешевича; Гуладзе съ Мурадовымъ.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Максимова съ Сальниковымъ; Худикова съ Грибениковымъ; Капельса и Лойтера съ Голдвугомъ (2 дѣла); Ланды съ товар. „Василій Перловъ съ сын.“ и „В. Высоцкій и К^о“.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставл. безъ послѣдствій.

23 января. По 7 Отдѣленію.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнено рѣшеніе: управл. жел. дор. съ Онѣгиной.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ: отмѣнены рѣшенія: Россійскаго общ. страх. и трансп. кладей съ упр. жел. дорогъ; управл. жел. дор. съ Векслеромъ; управл. жел. дор. съ Писемнымъ; перваго общества подъѣздныхъ путей съ Левицкими; Порозовскаго съ управл. жел. дорогъ; общ. Рязанско-Урал. ж. д. съ Луневичемъ; Собея съ упр. ж. д.; Родаловъ съ общ. Варш.-Вѣнск. ж. д.

По всѣмъ остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

При этомъ № подписч. разсылается 11-й л. рѣшен. гражд. насс. деп. Пр. Сената за 1903 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго № 21.

000191879

ЮФ СПВГУ

Контора редакциі покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не вытисывавшихъ „П р а в о“ въ прошломъ году и желающихъ получить вышедшіе въ 1903 г. листы рѣшениій кассационныхъ департаментовъ Сената, заявить объ этомъ конторѣ письменно.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ:

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Ананьевъ, Митрофанъ Алексѣевъ, крест. Бердниковъ, Михаилъ Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 26 января № 8 Несост. должн. Р. VI, ст. 49. С. о. 26 января № 8. Опека надъ имущ. по нетрезвой жизни и расточительности. Р. VI, ст. 16.	Московскій к. с. Чистопольск. с. с.
Булгаковъ, Вадимъ Николаевъ, двор.	С. о. 26 января № 8. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 12.	Московск. д. о.
Вайнштоки (Вайнштуки), Шліома-Аронъ и Александръ, купцы.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 51.	Одесскій к. с.
Гиринъ, Михаилъ Кондратьевъ, мѣщ.	С. о. 29 января № 9. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 19.	Оренбург. с. с.
Грачева, Елена Петрова, крест. Григорьева, Марія Григорьева, мѣщ.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 44. С. о. 29 января № 9. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 18.	Московскій к. с. Оренбург. с. с.
Ефремовъ, Михаилъ Ивановъ, казакъ.	С. о. 26 января № 8. Опека надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 14.	1 Донск. окр. о.
Знаменскій, Владиміръ Ефимовъ, потом. почт. гражд.	С. о. 29 января № 9. Опека надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 20.	Елецкій с. с.
Зубевъ, Василій Михайловъ, мѣщ.	С. о. 26 января № 8. Опека надъ имущ. по нетрезвой жизни и расточительности. Р. VII, ст. 15.	Чистопольск. с. с.
Ивановъ, Павелъ Михайловъ, купецъ. Леви, Яковъ Ароновъ, куп. сынъ. Маякинъ, Иванъ Лукинъ, цеховой.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 46. С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 47.	Московскій к. с. Московскій к. с.
Могутовъ, Ефимъ Зотовъ, купецъ. Остенгеймъ, Людвигъ-Вольдемаръ-Магъ тыновъ, мѣщанинъ.	С. о. 26 января № 8. Опека надъ имущ. по нетрезвой жизни. Р. VII, ст. 13. С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 52. С. о. 26 января № 8. Попечительство надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 10.	Одесскій к. с. Рижскій г. с. с.
Плетневъ, Василій Тимофѣевъ, купецъ. Прибыловъ, Александръ Николаевъ, личн. почет. гражд.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 48. С. о. 26 января № 8. Опека надъ личн. и имущ. по разстр. умств. способн. Р. VII, ст. 11.	Московскій к. с. Московскій с. с.
Рябковъ, Григорій Захарьевъ, ст. сов.	С. о. 29 января № 9. Опека надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 21. С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 45.	Одесскій г. с. с. Московскій к. с.
Сабашниковъ, Иннокентій Иннокентьевъ, пот. почт. гражд. Стриженовъ, Сергѣй Федоровъ, пот. почт. гр. Харпчевъ, Яковъ Юновъ, мѣщанинъ.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 50. С. о. 29 января № 9. Опека надъ имущ. по нетрезвой и расточит. жизни. Р. VII, ст. 17.	Московскій к. с. Благовѣщенск. на Амурѣ сир. с.
Чижевъ, Иванъ Тимофѣевъ, купецъ.	С. о. 26 января № 8. Несост. должн. Р. VI, ст. 43.	Московскій к. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Айвазовъ, Антонъ Христофоровъ, куп.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1896 г. № 40. Р. VI, ст. 462), Р. VIII, ст. 22.	Екатеринод. о. с.
Бутусовъ, Асигкрить Павловъ, мѣщ.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1901 г. № 85. П. Р. VI, ст. 862), признаемъ ея неосторожной. Р. VIII, ст. 17.	Спб. к. с.
Гречневъ, Алексѣй Андреевъ, врем. куп.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1902 г. № 15. Р. VI, ст. 125), за прекращеніемъ претен. Р. VIII, ст. 18.	Спб. к. с.
Ефимовъ, Венедиктъ Николаевъ, мѣщ.	С. о. 26 января № 8. Прекращена опека (учрежд.—с. о. —), за смертью опекаемаго. Р. VII, ст. 25.	Астраханскій с. с.
Кременчугскій чугуноплавильный заводъ, акцион. о-во.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1900 г. № 92. Р. VII ст. 952), за закрытіемъ конкурса. Р. VIII, ст. 16.	Спб. к. с.
Лазаревъ, Владиміръ Яковлевъ, купецъ.	С. о. 26 января № 8. Прекращена опека (учрежд.—с. о. 1902 г. № 102. Р. VII), за смертью опекаемаго. Р. VIII, ст. 96.	Московск. с. с.
Марквартъ, Густавъ и Максимилианъ, торг. домъ подъ фирмой „Братья Марквартъ“.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1903 г. № 86. Р. VI, ст. 959), за прекращеніемъ претензій. Р. VIII, ст. 20.	Спб. к. с.
Ольшевскій, Либорій, дворянинъ.	С. о. 26 января № 8. Прекращена опека (учрежд.—с. о. 1903 г. № 14. Р. VII, ст. 33), за смертью опекаемаго. Р. VIII, ст. 23.	Васильковск. д. о.
Парсеговъ, Давидъ Григорьевъ, б. купецъ.	С. о. 26 января № 8. Окончено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. —), признаемъ ея неосторожной. Р. VIII, ст. 14.	Тифлисскаго о. с.
Прокофьевъ, Иванъ Васильевъ, крест.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (перв. публ.—с. о. 1899 г. № 99. Р. VI, ст. 1063), признаемъ ея неосторожной. Р. VIII, ст. 15.	Спб. к. с.
Прокофьевъ, Александръ Васильевъ, крест.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1899 г. № 99. Р. VI, ст. 1063), признаемъ ея неосторожной. Р. VIII, ст. 19.	Спб. к. с.
Тютчевъ, Николай Петровъ, дворянинъ.	С. о. 26 января № 8. Прекращена опека (учрежд.—с. о. 1903 г. № 7. Р. VII, ст. 39), за смертью опекаемаго. Р. VIII, ст. 24.	Пронская д. о.
Эфросъ, Лейба Абрамовъ, купецъ.	С. о. 26 января № 8. Прекращено дѣло о неосост. (первонач. публ.—с. о. 1902 г. № 6. Р. VI, ст. 29), по мировой сдѣлкѣ. Р. VIII, ст. 21.	Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Ванинымъ, Александромъ Александровымъ, двор., повѣрен. Ольги Ваниной.	Домонтовичу, Николаю Николаеву, дворянину.	С. о. 29 января № 9. У Мозырскаго нотар. Постникова 13 января 1903 г. № 70. Р. IV, ст. 17.	Минскій о. с.
„Надежда“, С.-Петербургской компаніей.	Голинскому, Нафтуль Веркову.	С. о. 29 января № 9. У С.-Петербургскаго нот. Раула фонъ-Траубенберга 5 января 1901 г. № 382. Р. IV ст. 18.	Спб. о. с.
Остроухъ, Александрой Юсифовой, женой губ. секр.	Миллеру, Людвигу Юсифову, капитану.	С. о. 26 января № 8. У Симбирскаго нотар. Брызгалова 1 февраля 1901 г. № 305. Р. IV, ст. 15.	Симби. ск. о. с.
Цыдзиковъ, Антономъ Ивановымъ, дворяниномъ и Хвойницкими, Августинномъ, Петромъ и Карломъ, мѣщанами.	Вейнаровичу, Антону Леонардову, дворянину.	С. о. 26 января № 8. У Лидскаго нотар. Н. Е. Липовика. 20 января 1903 г. № 70. Р. IV, ст. 16.	Виленскій о. с.